

**ИНТЕГРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ
В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
*ЦЕННОСТИ И КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ***

Коллективная монография

Санкт-Петербург

Медиапапир

2025

**УДК 378.4
ББК 74.48
И73**

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор Н. С. Лабуш (СПбГУ)
доктор социологических наук, профессор, руководитель проектов Медиагруппы «Россия сегодня» О. В. Ярмак (СевГУ)
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры политологии Донецкого государственного университета С. Б. Быстрыццев (г. Донецк)
доктор социологических наук, профессор Л.А. Лебединцева (СПбГУ)

Авторы:

Н. А. Аргылов, Херсонский государственный педагогический университет (2.4);
В. А. Барежев, Херсонский государственный педагогический университет (2.4);
О. В. Дегтярева, СЗИУ РАНХиГС, Азовский государственный педагогический университет (2.1);
П. П. Дерюгин, СПбГУ (2.3);
П. Н. Дудин, Федеральный Исследовательский Центр “Красноярский Научный Центр Сибирского отделения РАН» (1,1);
Т. В. Жаркова, Севастопольский государственный университет (2,3);
Д. В. Зубко, Херсонский государственный педагогический университет (2.4);
Е. А. Куйнцева, Луганский государственный педагогический университет (2.2);
Г. С. Мельник, СПбГУ (1,4);
Л. П. Марьина, СПбГУ (1,3);
В. П. Милецкий, СПбГУ (1,2).

Интеграция университетов новых регионов РФ в структуру российского образования: ценности и доминанты / под ред. П. П. Дерюгина, Л. П. Марьиной. – СПб.: Медиапапир, 2025. – 130 с.

В монографии, созданной коллективом учёных разных университетов и исследовательских центров России, рассматриваются социально-исторические условия и медийный аспект интеграции высшего образования новых регионов РФ в структуру социальных институтов страны. В книге представлены результаты проекта Санкт-Петербургского государственного университета по сотрудничеству с вузами Крыма и Новороссии. Инициатор и координатор работы – социологический факультет СПбГУ. Дискурсы трансформации социально-гуманистического образования новых регионов РФ разворачиваются в различных географических пространствах: Крым, отдельные регионы Новороссии. На основе оригинальных методик авторы прослеживают специфику идентификации профессий в сфере медиа, молодёжной политики, обобщают опыт трудовой социализации молодых специалистов. Аксиология образования и профессии исследуются путём обобщения исторического и современного материала.

Книга адресована широкому кругу специалистов социально-гуманистического профиля.

ISBN 978-5-00110-552-7

DOI 10.52565/9785001105527

© Коллектив авторов, 2025

© Медиапапир, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4	
1. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ		5
1.1. От буферной государственности к буферному обществу: постановка исследовательской проблемы	5	
1.2. Эволюция политических реформ советской и постсоветской России в условиях агрессии коллективного Запада	29	
1.3. Историко-медийные смыслы интеграции высшего образования новых регионов РФ: вызовы современности	43	
1.4. Динамика психологических компетенций для подготовки специалистов медиа	58	
2. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ: АКСИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОФЕССИЙ		71
2.1. Роль медиацентров в образовательном процессе: содержание и требования к медиакомпетентности современного педагогического работника (на примере ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет»)	71	
2.2. Ценностная идентификация медиаобразования в Луганском государственном университете: традиции и вызовы современности	78	
2.3. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля в Севастополе	90	
2.4. Опыт подготовки кадров в высшей школе для сферы молодежной политики и массмедиа Херсонской области	117	
Заключение	130	

Предисловие

Современные социальные институты, том числе и сфера образования, изменяются, наполняются новыми коммуникационными смыслами, технологиями работы под воздействием современной геополитической ситуации, требованиями рынка труда. Новизна темы форматов интеграции современного общества актуализирует феномен формирования и вхождения университетов новых регионов РФ в систему социальных институтов российского общества. Сегодняшняя архитектура миропорядка сопровождается открывшимися интегративными возможностями для новых российских регионов. Слабая теоретическая разработанность данного явления формирует обширное поле для научно-исследовательской деятельности по выявлению особенностей интеграционных процессов высшей школы в Крыму и Новороссии.

Теоретико-методологическая база исследования представлена в первой части монографии, вторая часть посвящена опыту интеграции институтов социально-гуманитарного образования новых регионов РФ, аксиологии образования и профессии. Новые образовательные технологии Санкт-Петербургского государственного университета по сотрудничеству с вузами Крыма и Новороссии, представленные на Международном Санкт-Петербургском форуме труда, ежегодном городском социологическом семинаре (СПбГУ), летней социологической школе СПбГУ для слушателей из ДНР, ЛНР, Севастополя (руководитель профессор СПбГУ П. П. Дерюгин) стали эмпирической базой исследования.

Исследование проводилось учёными разных высших учебных заведений страны – *Санкт-Петербургский государственный университет, Азовский государственный педагогический университет, Луганский государственный педагогический университет, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Федеральный Исследовательский Центр “Красноярский Научный Центр Сибирского отделения Российской академии наук, Херсонский государственный педагогический университет*. Исследовательская проблема буферной государственности и буферного общества поставлена П. Н. Дудиным. Эволюцию политических реформ советской и постсоветской России в условиях агрессии коллективного Запада представил В. П. Митецкий. Историко-медийные смыслы интеграции высшего образования новых регионов РФ: вызовы современности – таков вклад в парадигму исследовательского процесса со стороны Л. П. Марьиной. Социологический подход изучения интеграционных процессов новых регионов РФ потребовал не только подключение молодых исследователей, но и определённого расширения за счёт дисциплинарного многообразия исследовательского коллектива. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля в Севастополе – ещё одно исследование автора монографии П. П. Дерюгина в соавторстве с соискательницей Т. В. Жарковой. Психологический и политический анализ динамики образовательных компетенций специалистов медиа осуществила Г. С. Мельник. Осмысление роли медиацентров в образовательном процессе представила О. В. Дегтярева.

Аксиологическая парадигма в исследовании трансформации медиаобразования на основании реальных образовательных практик осмысlena Е. А. Куйнцевой. Опыт подготовки кадров в высшей школе для сферы молодежной политики и массмедиа Херсонской области – это ещё одна страница монографии, представленная Д. Зубко, Н. А. Аргылов, В. А. Барежев В.А.

Авторский коллектив выражает глубокую признательность руководству социологического факультета СПбГУ, Институту «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, на базе которых проходила основная часть мероприятий проекта, многочисленным участникам дискуссий научных конференций по изучаемой теме.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1.1 От буферной государственности к буферному обществу: постановка исследовательской проблемы¹

Дудин Павел Николаевич,
*доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических и социально-
экономических исследований Сибири и Центральной Азии, ФГБНУ «Федеральный
Исследовательский Центр “Красноярский Научный Центр Сибирского отделения
российской академии наук»», г. Красноярск*

1. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И МЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Введение

Современный мир переживает период глубочайшей трансформации, сопоставимой по своему масштабу с тектоническими сдвигами XX века. Вестфальская система международных отношений, основанная на принципах суверенного равенства государств, и сменивший ее bipolarный порядок времен Холодной войны, а затем и кратковременная попытка выстроить однополярный мир под эгидой США, окончательно уходят в прошлое. На наших глазах происходит болезненный, но необратимый процесс распада прежней глобальной архитектуры и формирования новой, поликентричной реальности.

Эта трансформация сопровождается обострением geopolитической конкуренции, когда прежний гегемон стремится сохранить свое доминирующее положение, а новые центры силы активно отстаивают право на собственный суверенный путь развития. Пространства, расположенные на стыке интересов этих конкурирующих акторов — условного «коллективного Запада» и формирующихся полюсов «Большой Евразии» — вновь, как и столетие назад, приобретают ключевое стратегическое значение. Они становятся ареной гибридных войн, информационного противоборства и борьбы за экономическое и культурное влияние. В этих условиях феномен буферности — как для государств, так и для населяющих их обществ — перестает быть лишь исторической категорией и превращается в одну из самых острых и актуальных проблем современной мировой политики и социологии.

Особое место в этих процессах занимает Российская Федерация. Будучи цивилизационным ядром Северной Евразии, Россия сегодня выступает одним из ключевых оплотов сопротивления гегемонистским устремлениям и практикам неоколониализма. Отстаивая принципы подлинного суверенитета и многополярности, Россия оказывается в центре формирования нового мирового порядка, что неизбежно актуализирует проблему взаимодействия с пограничными, буферными зонами на всем протяжении ее границ. Понимание социальных процессов, происходящих в этих зонах, становится не только академической, но и важнейшей практической задачей.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта тематики научных исследований «Государства Центральной Азии и Ангаро-Енисейский макрорегион: миграция как ресурс развития» № FWES-2024-0045.

Однако существующий научный инструментарий оказывается не вполне достаточным для анализа этой новой-старой реальности. Традиционно феномен буферности изучался в рамках политологии и международных отношений, где в центре внимания находилось государство — его статус, институты и внешняя политика. Такой подход, безусловно, важен, но он оставляет «за скобками» ключевой элемент — само общество, живущее в этих уникальных и зачастую драматических условиях. Социум в буферной зоне не является пассивным объектом геополитической игры; он вырабатывает собственные стратегии выживания, адаптации и сопротивления, его внутренняя структура, идентичность и культура приобретают специфические черты, которые напрямую влияют на стабильность и будущее этих регионов. В связи с этим возникает острая научная необходимость дополнить политологическую концепцию «буферной государственности» новой, социологической категорией — «буферное общество». Это позволит сместить фокус с анализа формальных политических конструктов на изучение живой социальной ткани — социальных структур, институтов, практик и идентичностей, формирующихся в условиях нахождения «между» конкуриющими центрами силы.

Целью настоящей работы является постановка данной исследовательской проблемы. Опираясь на результаты ранее проведенных нами фундаментальных диссертационных исследований по историческим (2020 г.), политическим (2023 г.) и юридическим (2024 г.) наукам, посвященных буферным политиям Восточной Азии в первой половине XX века, мы намерены продемонстрировать эвристический потенциал и научную необходимость введения в оборот концепта «буферное общество». На основе вторичного анализа уже собранного и апробированного материала мы выделим ключевые аспекты и факторы (пространственные, идеологические, институциональные, правовые), которые формируют уникальную социальную реальность в буферных зонах, и наметим основные направления для дальнейшей концептуализации этого важного и своевременного понятия.

1. Концептуализация категории

Проведенное ранее исследование², посвященное феномену буферной государственности в Восточной Азии в 1935–1945 гг. было сосредоточено на политологических и международно-правовых аспектах проблемы. Его основной задачей было изучение моделей и практик создания буферных политий, их институционального дизайна и роли в региональном политическом порядке. Однако собранный и проанализированный в диссертации материал обладает значительно большим эвристическим потенциалом. Вторичный анализ его выводов и источников позволяет утверждать, что для полного понимания феномена буферности необходимо перейти от уровня государства к уровню общества, введя в научный оборот категорию «буферное общество». В настоящей работе мы последовательно продемонстрируем, как теоретические и эмпирические разделы диссертационного исследования создают прочное поле для дальнейшей концептуализации этого понятия.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования, заложенная в первой главе, позволяет совершить необходимый переход от анализа геополитических конструктов к социологическому осмыслиению порождаемой ими социальной реальности. Исходным пунктом анализа в диссертации стала уникальность регионального порядка Восточной Азии, где, в отличие от многих других частей мира, не сложилось прямой

² Дудин Павел Николаевич. Буферная государственность и региональный политический порядок в Восточной Азии : Buffer statehood and regional political order in East Asia : japanese models and their practical implementation in Northern and Eastern China 1935 - 1945 : японские модели и их практическое воплощение в Северном и Восточном Китае в 1935-1945 гг. = Buffer statehood and regional political order in East Asia : japanese models and their practical implementation in Northern and Eastern China 1935-1945 : в 2-х т. : диссертация ... доктора политических наук : 5.5.1. / Дудин Павел Николаевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»; Диссовет СПбГУ О5.5.1.22.10223]. - Улан-Удэ, 2022. - 1037 с. : т. 1 (550 с. : ил.; на рус. яз.), т. 2 (487 с. : ил.; на англ. яз.) : ил.; 14,5x20,5 см.

колониальной зависимости от западных держав, но сформировалась сложная система взаимодействия, в рамках которой местные государства, в частности Китай, сохранили значительную автономию, будучи при этом вынужденными вступать в «неравноправные договоры»³. Этот политологический контекст, осмысленный в работе через призму идей Ф. Фукуямы о специфике восточноазиатской государственности, основанной на сильной бюрократической традиции⁴, является отправной точкой для понимания той социальной среды, в которой зарождались буферные феномены. Это не колонии в классическом понимании, но и не полностью суверенные государства, а нечто промежуточное. Именно в этом промежуточном, неопределенном статусе и зарождается особый тип социума.

Ключевым шагом в диссертации стало разграничение понятий «лимитроф», «фронтir» и «буферная зона». Опираясь на труды отечественных геополитиков, было установлено, что лимитроф представляет собой зону блокирующего, конфликтного противостояния цивилизаций, своего рода геополитический барьер⁵, в то время как фронтir — это, напротив, зона активного синтеза, взаимодействия и взаимопроникновения, «плавильный котел» культур и народов⁶. В диссертации был сделан вывод, что модели конструирования регионального порядка, применявшиеся как Советским Союзом, так и Японией, тяготели к созданию именно буферных зон с ярко выраженным фронтирными характеристиками, поскольку их целью было не просто создание непроницаемого барьера, а активное преобразование приграничных территорий и вовлечение их населения в свою орбиту.

Этот политологический вывод открывает возможность для его социологической интерпретации. Фронтir — это не вакум, а прежде всего социальное пространство, населенное людьми. В диссертации на примере работ лорда Керзона показано, что буферные зоны исторически были насыщены социальными процессами: они служили «местом для диалога культур» и одновременно «плацдармом для решения геополитических, экономических, культурных и прочих задач»⁷. Таким образом, от политологического определения фронтира как «зоны влияния» мы можем и должны перейти к его социологическому пониманию как среды формирования особого типа общества. Это ставит перед исследователем ряд ключевых социологических вопросов:

- Какова социальная структура такого общества? Является ли она простой совокупностью различных этнических и культурных групп, или в ней формируются новые, конкретичные страты и классы?

- Какие модели поведения и социальные практики (экономические, политические, культурные) являются типичными для социума, существующего в условиях перманентного фронтирного состояния, на стыке цивилизаций и в поле притяжения конкурирующих держав?

- Как в этих условиях формируется, трансформируется или разрушается коллективная идентичность? Возникает ли новая, «буферная» идентичность, или же общество перманентно находится в состоянии раскола и кризиса самоопределения?

В диссертации⁸ предложен синтезированный набор типичных признаков буферных зон, каждый из которых может быть переосмыслен как фактор, формирующий социальную реальность. Например, «международно-правовая регламентация» означает, что жизнь

³ Там же. С. 28.

⁴ Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. N. Y.: Farrar, StrausandGirouz, 2014. 652 р.

⁵ Цымбурский В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–53

⁶ Побережников И. В. Азиатская Россия: фронтir, модернизация // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2011. № 4. С. 191–203.

⁷ Curzon G. N. Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston... Oxford, 1908. 58 р.

⁸ Дудин Павел Николаевич. Буферная государственность... С. 92-93.

общества регулируется внешними соглашениями, что порождает правовую неопределенность. «Искусственность, отсутствие государственности и ее традиций» ведет к формированию социума, лишенного прочных внутренних институциональных опор и вынужденного ориентироваться на внешние центры силы. «Фронтальный характер» прямо указывает на высокую интенсивность социальных контактов, миграций и культурной гибридизации и, как следствие, на повышенный уровень социальной мобильности и неопределенности.

Таким образом, уже на уровне теоретического анализа геополитического пространства в диссертации заложена основа для исследования социального пространства. Буферная зона предстает не как пассивный объект на карте, а как активная среда, производящая уникальные социальные формы и отношения, что и делает ее релевантным объектом для концептуализации понятия «буферное общество».

Концептуальное ядро первой главы диссертации посвящено определению понятия «буферная государственность». На основе анализа обширной научной литературы, от классических работ⁹ до современных исследований¹⁰, в диссертации был выведен и обоснован набор из девяти ключевых признаков буферного государства¹¹. Этот политологический конструкт может быть использован как отправная точка для выявления факторов, формирующих специфику буферного социума. Рассмотрим, как каждый из этих признаков государственности порождает определенные социальные условия и процессы.

Во-первых, в диссертации подчеркивается, что «основу буферного государства образует нация или народ»¹². Этот тезис имеет глубокое социологическое значение. Он означает, что буферное государство — это не просто административная фикция; оно возникает там, где уже существует определенная социальная общность с собственной культурой, историей и идентичностью. Следовательно, именно этот социум становится как объектом воздействия внешних сил, так и активным субъектом, чьи реакции (сопротивление, адаптация, коллаборационизм) во многом определяют судьбу буферного проекта. Это позволяет изучать не абстрактную модель, а живое взаимодействие между внешним политическим давлением и внутренней социальной структурой. Во-вторых, наличие «основных признаков государства, полноценных органов государственной власти и собственной армии» создает для социума специфическую институциональную среду. В отличие от прямо оккупированных территорий, население буферной зоны взаимодействует не напрямую с администрацией державы-гегемона, а с местными, формально независимыми институтами. Это порождает сложные социальные практики: от имитации лояльности и двоемыслия до попыток использовать эти формальные институты для отстаивания собственных интересов. Социум живет в условиях институциональной двойственности, что неизбежно отражается на его политической культуре. В-третьих и в-четвертых, такие признаки, как «наличие международных актов» и «четкие интересы контрагентов», означают, что правовой и политический статус социума перманентно находится в состоянии неопределенности и зависит от внешних договоренностей. Для общества это создает состояние постоянной экзистенциальной угрозы и неуверенности в будущем. Такая социальная атмосфера может приводить, с одной стороны, к усилинию внутренней консолидации, а с другой — к глубоким социальным расколам, когда разные группы начинают ориентироваться на разных внешних «патронов». В-пятых, «вполне определенная, осозаемая и достижимая конкретная цель», преследуемая державой-патроном, напрямую формирует социальную структуру и экономическую модель общества. Если цель — создание «санитарного кордона», то общество будет развиваться в условиях

⁹ Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East. London; N. Y., 1954. P. 128

¹⁰ Turmanidze T. Buffer States: Power Policies, Foreign Policies and Concepts. Nova Science Publishers, Inc., 2012. xiv, 79 p.

¹¹ Дудин Павел Николаевич. Буферная государственность... С. 123-125.

¹² Там же. С. 123.

изоляции. Если же цель — создание плацдарма для экономической экспансии, то в социуме будут поощряться компрадорские элиты. В-шестых и в-седьмых, «идеологическая заданность» и «краткосрочный характер» статуса усиливают вышеупомянутые процессы. Навязывание внешней идеологии требует от общества либо ее принятия, либо мимикрии, что ведет к деформации собственных ценностных систем. А осознание временности статуса мешает формированию долгосрочных социальных стратегий. Восьмой и девятый признаки — спорность тезиса об «извечном присутствии» буферных государств и немонокатегорийность дефиниции — позволяют рассматривать буферное общество как исторически конкретный феномен, тесно связанный с эпохой модерна, и как сложную социальную систему, обладающую множественными, часто противоречивыми характеристистиками.

Таким образом, политологический анализ признаков буферной государственности, проведенный в первой главе диссертации, предоставляет исчерпывающий набор исходных параметров для социологического анализа. Он показывает, как политические и международно-правовые условия напрямую транслируются в социальную реальность, формируя уникальный тип общества, который мы и предлагаем назвать «буферным».

Рассмотренный в диссертации переход от концепции лимитрофа к фронтиру как основе для понимания буферных зон требует дальнейшей социологической детализации. Работа С. В. Хатунцева, на которую имеется ссылка, определяет лимитроф как зону, которая принимает «сигналы», не препятствуя их проникновению, в отличие от «лимбовой области», являющейся барьером¹³. Эта политологическая метафора переводится на социологический язык как описание степени социальной проницаемости общества. "Общество-лимитроф" будет характеризоваться высокой степенью открытости к внешним культурным и информационным потокам, что ведет к размыванию его собственной идентичности, но одновременно делает его более адаптивным. "Общество-лимб" будет стремиться к самоизоляции, консервации традиционных институтов и активному сопротивлению внешним влияниям.

Анализ, представленный в диссертации, показывает, что японская стратегия в Северном Китае была направлена на создание именно проницаемых обществ-лимитрофов, через которые можно было бы транслировать свое экономическое, политическое и культурное влияние, ослабляя при этом связь этих территорий с центральным китайским правительством. Этот вывод позволяет сформулировать первую рабочую гипотезу для социологического исследования: буферное общество характеризуется аномально высокой степенью социальной проницаемости для влияний держав-патронов и, одновременно, наличием механизмов (как искусственных, так и естественных), блокирующих влияние конкурирующего центра.

Углубим анализ каждого признака буферной государственности как фактора, формирующего социум.

Признак 1: социальная основа. Тезис о нации или народе как основе буферного государства принципиально важен. Он отсылает нас к классическим теориям нации и национализма. В диссертации упоминается концепция Б. Андерсона о «воображаемых сообществах». В контексте буферности это означает, что державы-патроны пытаются пере-вообразить существующее сообщество, навязать ему новый образ себя. Например, японская пропаганда конструировала образ «маньчжурского народа» как отдельного от китайского, апеллируя к его историческому прошлому. Для социума это означает нахождение в состоянии нарративной войны, когда за его идентичность борются несколько конкурирующих исторических мифов. Это порождает глубокий ценностный конфликт, который пронизывает все социальные институты — от семьи до системы образования.

¹³ Хатунцев С. В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового света / С. В. Хатунцев // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 86–98.

Признак 2: институциональная оболочка. Наличие формальных государственных институтов в буферной политии создает для ее социума ситуацию институционального двоевмсия. С одной стороны, существуют видимые, легитимные (в глазах населения) институты (местные суды, советы, полиция). С другой стороны, все социальные акторы понимают, что реальные решения принимаются во внешних центрах силы или их представителями "на местах". Это формирует специфическую социальную практику, когда публичная лояльность демонстрируется местным институтам, а реальные стратегии выстраиваются с оглядкой на неформальное влияние внешних акторов. Эта ситуация детально описана в работах по социологии власти, где различаются формальные и реальные структуры власти.

Признак 3 и 4: внешняя детерминация. Зависимость от международных актов и интересов контрагентов, как показано на примере Адриатического вопроса¹⁴, делает все социальные процессы в буферном обществе крайне волатильными. Сегодняшний статус-кво, определяющий правила социальной и экономической жизни, завтра может быть изменен решением, принятым в далеких столицах. Это препятствует формированию устойчивого социального капитала и доверия, поощряет краткосрочные, оппортунистические стратегии поведения. Социум живет в состоянии "перманентного временщичества", что подрывает основы долгосрочного социального и экономического развития.

Признак 5: целеполагание патрона. Как показано в диссертации на примере Непала, который выполнял функцию буфера между Британской Индией и Китаем, цели патронов могут быть разными: от поддержания стабильности до использования территории как плацдарма. Эти цели напрямую формируют социальную структуру. Если цель — стабильность, патрон будет поддерживать традиционные элиты и консервировать архаичные социальные отношения. Если цель — плацдарм для экспансии, патрон будет создавать новую, модернизированную и лояльную элиту, развивать инфраструктуру и разрушать традиционный уклад. Таким образом, социальная стратификация и мобильность в буферном обществе во многом являются функцией от geopolитических целей внешних игроков.

Диссертационное исследование, разграничивая понятия, также обращается к концепции *shatterbelt* (пояса нестабильности), введенной С. Коэном, и работам Д. Рейли¹⁵. В политологическом смысле *shatterbelt* — это регион, раздираемый внутренними конфликтами и являющийся ареной соперничества внешних держав. Социологическая интерпретация этого понятия позволяет говорить о социуме в состоянии перманентного стресса и фрагментации. Общество в такой зоне характеризуется низким уровнем социального доверия: постоянные конфликты и внешние вмешательства разрушают горизонтальные связи между социальными группами; фрагментированной идентичностью: различные этнические, религиозные и клановые группы не интегрируются в единую нацию, а наоборот, их различия политизируются и используются внешними игроками для манипуляции; высоким уровнем насилия: как структурного (неравенство, дискриминация), так и физического, которое становится обыденной практикой разрешения споров.

Таким образом, политологический анализ различных типов пограничных пространств, представленный в диссертации, дает нам богатый инструментарий для типологизации буферных обществ. Мы можем гипотетически выделить «общество-фронтier» (с преобладанием синтеза и гибридизации), «общество-лимитроф» (с высокой проницаемостью и кризисом идентичности) и «общество-shatterbelt» (с доминированием

¹⁴ The Adriatic Question // Present. by mr. Hitchcock, February 27.1920 / Ordered to be printed. Washington Government Printing Office, 1920

¹⁵ Cohen S. B. Geopolitics of the World System. Lanham, MD, 2003. 435 p.; Reilly David. Shatterbelts and Conflict Behavior // Geopolitics. 2000. Vol. 5. Is. 3. P. 48–77)

фрагментации и конфликта). Это позволяет перейти от простого описания к построению сложной социологической типологии.

Признак 6: идеологическая заданность. В диссертации этот признак иллюстрируется антикоммунистической направленностью японских проектов. С социологической точки зрения, это означает создание идеологически гомогенизированного социального пространства. Для общества это выражается в формировании четкого образа «врага»: «коммунист», «советский агент». Этот образ становится инструментом социальной мобилизации и одновременно репрессий; создании специфических социальных институтов: молодежных организаций, пропагандистских бюро, систем образования, нацеленных на индоктринацию населения; и появлении новых социальных ролей: профессиональных пропагандистов, тайных агентов, «идеологически бдительных» граждан, а также социальных изгоев — тех, кто заклеймен как «неблагонадежный».

Анализ в диссертации опирается на работы П.В. Панова, который рассматривает политический порядок как систему, воспроизведимую в разнообразных институциональных практиках и основанную на «сочетании внутренних и внешних гарантий легитимности»¹⁶. В буферном обществе эта формула приобретает особое звучание. «Внешняя гарантия легитимности» (т.е. поддержка со стороны державы-патрона) становится доминирующей. Власть в буферном государстве легитимна не столько потому, что она опирается на волю собственного народа («внутренняя гарантия»), сколько потому, что ее признает и поддерживает могущественный сосед. Для социума это означает разрыв традиционных механизмов легитимации. Власть воспринимается не как «своя», а как «навязанная извне». Это приводит к отчуждению общества от политических институтов и может порождать как пассивное сопротивление (саботаж, уклонение от повинностей, уход во внутреннюю эмиграцию), так и активные формы протesta. Идеология, навязываемая патроном, служит для того, чтобы преодолеть этот разрыв, чтобы «перекодировать» сознание общества и заставить его воспринимать внешне детерминированную власть как свою собственную.

Признак 7: краткосрочность и трансформация статуса. В диссертации говорится о возможности «приобретения полной независимости» или «трансформации статуса в широкую автономию». Для социума это означает жизнь в условиях структурной неопределенности будущего. Социальные институты (собственность, право, карьерные траектории) воспринимаются как временные. Это может порождать специфические социальные феномены: массовый оппортунизм: стремление извлечь максимальную выгоду из текущей ситуации, не строя долгосрочных планов; двойные стандарты лояльности: люди могут публично поддерживать существующий режим, но негласно готовиться к его смене, сохраняя связи с представителями конкурирующего центра; социальная аномия: по Дюркгейму, состояние, когда старые нормы и ценности уже не работают, а новые еще не устоялись. Буферное общество, по своей природе, является обществом в состоянии перманентной аномии.

Идея трансформации статуса буферной политии перекликается с социологическими теориями социальных изменений. В диссертации упоминается, что буферные режимы могут эволюционировать в сторону большей независимости или, наоборот, быть поглощенными. Для социума это означает, что его коллективная судьба находится в точке бифуркации. Это состояние повышенной социальной рефлексивности, когда в обществе активно обсуждаются различные сценарии будущего. В публичном пространстве (в прессе, в политических дискуссиях) конкурируют разные проекты национального развития: «путь к полной независимости», «союз с патроном А», «интеграция с патроном Б». Эти дискуссии не являются чисто теоретическими — за каждым проектом стоят реальные социальные

¹⁶ Панов П. В. Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации: дис. ... д-ра полит. наук / П. В. Панов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011. С. 264, 281

группы со своими интересами. Изучение этих публичных дебатов может дать социологу богатый материал для понимания внутренней структуры и динамики буферного общества.

Признак 8: исторический контекст. Осторожное отношение к тезису об «известном присутствии» буферных государств и привязка их появления к эпохе XIX-XX вв. имеет важное социологическое следствие. Это позволяет рассматривать буферное общество не как некую вневременную сущность, а как продукт эпохи Модерна. Это общество, которое возникает на разломе между традиционной империей и современной нацией-государством. Оно сочетает в себе архаичные социальные практики (клановость, патронаж) и современные институты (бюрократия, армия, идеология). Это общество незавершенной модернизации, и именно в этом его ключевая социологическая характеристика. Связь феномена буферности с эпохой Модерна, как было отмечено выше, позволяет использовать для его анализа классический социологический инструментарий, разработанный для изучения обществ переходного типа. Например, концепцию Ф. Тённиса о переходе от «общины» (*Gemeinschaft*) к «обществу» (*Gesellschaft*). Буферный социум можно рассматривать как сообщество, где этот переход происходит под мощным внешним давлением и приобретает искаженные формы. С одной стороны, разрушаются традиционные общинные связи. С другой — не формируется полноценное гражданское общество современного типа, поскольку основные политические и экономические институты детерминированы извне. В результате возникает гибридное, «застывшее» на полпути социальное образование, сочетающее в себеrudименты традиционализма и симулякря современности.

Признак 9: немонокатегорийность. Указание на то, что буферное государство может одновременно быть и сателлитом, и квазигосударством¹⁷, позволяет говорить о многослойности социальной реальности в буферной зоне. На разных уровнях и в разных сферах общество может демонстрировать разные характеристики. В политической сфере оно может быть полным сателлитом, в экономической — обладать чертами квазинезависимости (например, за счет контрабанды или теневой экономики), а в культурной — сохранять значительную автономию. Это требует от исследователя применения комплексного подхода, который не сводит всю сложность социальной жизни к одной простой формуле. Сложность и многослойность буферного общества требует от исследователя отказа от упрощенных дихотомий. В диссертации упоминается концепция «квазигосударств», которая сама по себе указывает на промежуточный, гибридный статус. Социологический анализ должен быть столь же многомерен. Нельзя просто сказать, что буферное общество — «традиционное» или «современное», «коллективистское» или «индивидуалистическое». Оно, скорее всего, будет демонстрировать все эти черты одновременно в разных своих сегментах. Например, городское население, вовлеченнное в орбиту державы-патрона, может демонстрировать модернизированные и индивидуалистические модели поведения, в то время как сельская периферия будет сохранять традиционный общинный уклад. Задачей социолога является не просто констатировать эту мозаичность, но и изучить взаимодействие и конфликты между этими различными социальными мирами внутри одного буферного пространства.

В заключение анализа первой главы можно констатировать, что ее теоретико-методологический аппарат, изначально выстроенный для решения политологических задач, при смене исследовательской оптики предоставляет мощную и разветвленную основу для концептуализации понятия «буферное общество». Он позволяет не только определить его пространственные и временные рамки, но и выявить ключевые внешние факторы

¹⁷ Jackson R. H., Rosberg C. G. Why Africa's Weak States Persist... // World Politics. 1982. Vol. 35. No. 1. P. 1–24; Kolstø P. The sustainability and future of unrecognized quasi-states // Journal of peace research. 2006. Vol. 43. No. 6. P. 723–740.

(геополитические, идеологические, институциональные), которые формируют его уникальную внутреннюю социальную структуру, практики и идентичность.

Углубляясь в анализ пространства, необходимо отметить, что в диссертации привлекается работа французского исследователя Ивона Дельбоса, который характеризует подобные территории как зоны, где происходит столкновение интересов великих держав¹⁸. С политологической точки зрения, это арена борьбы. С социологической — это пространство, где население постоянно ощущает на себе последствия этой борьбы. Жизнь такого социума проходит в условиях повышенной «геополитической турбулентности». Эта постоянная угроза внешнего вмешательства становится ключевым фактором, формирующим социальную психологию: с одной стороны, это может порождать фатализм и апатию, с другой — обостренное чувство национального самосознания и готовность к мобилизации. Социологический анализ должен выявить, какие именно социальные механизмы (лидерство, идеология, социальные сети) определяют, какая из этих двух реакций — апатия или мобилизация — возобладает в конкретном буферном обществе в конкретный исторический момент.

Кроме того, в диссертации упоминается и работа Майкла Эйленберга и Джейсона Конса о «ресурсных фронтирах»¹⁹. Этот концепт позволяет добавить еще одно важное измерение в понимание пространства буферного общества. Оно является не только зоной политического и культурного контакта, но и ареной борьбы за ресурсы. Внешние державы рассматривают буферную зону как источник сырья, рынков сбыта или контроля над транзитными путями. Это напрямую влияет на социальную структуру:

1.Формируется компрадорская элита, тесно связанная с экономическими интересами одной из держав-патронов и извлекающая выгоду из эксплуатации местных ресурсов.

2.Происходит деформация традиционной экономики: хозяйство переориентируется на нужды внешних акторов, что может вести к разрушению традиционных отраслей и росту социальной напряженности.

3.Возникают новые социальные конфликты по линии «те, кто выигрывает от внешнего присутствия» vs. «те, кто проигрывает». Этот экономический раскол часто совпадает с расколом политическим и культурным, усиливая общую фрагментацию общества.

Первая, теоретико-методологическая глава диссертации, несмотря на свою политологическую направленность, содержит в себе мощный и всеобъемлющий концептуальный аппарат для запуска исследования буферного общества. Она позволяет:

1.Определить пространство исследования, перейдя от геополитических категорий (фронтier, лимитроф) к социологической категории социального пространства, характеризующегося высокой проницаемостью, интенсивностью контактов и борьбой за ресурсы;

2.Выделить ключевые внешние факторы, формирующие буферный социум, переосмыслив политологические признаки буферной государственности как условия, детерминирующие социальную структуру, идентичность и практики;

3.Наметить исследовательскую повестку, сформулировав базовые социологические вопросы о структуре, динамике, идентичности и моделях поведения в буферном обществе.

Таким образом, на основе одной лишь первой главы можно выстроить полноценный теоретико-методологический раздел статьи, который убедительно обосновует необходимость и научную состоятельность введения новой социологической категории и наметит пути ее дальнейшей операционализации и эмпирической проверки.

¹⁸ Дельбос И. Японский захват Хайнаня и его урок державам // The Straits Times. 1939. Mar. 9. P. 17

¹⁹ Frontier Assemblages: The Emergent Politics of Resource Frontiers in Asia / ed. by Jason Cons, Michael Eilenberg. Publisher John Wiley and Sons Ltd. Hoboken, 2019. 256 p.

2. Идеологическое воздействие как фактор структурирования буферного общества

Если первая глава нашей диссертации заложила теоретический фундамент для понимания буферного социума как феномена, существующего в особом социальном пространстве, то вторая глава — «Конкуренция идеологий и региональный политический порядок в Восточной Азии в первой половине XX в.» — предоставляет богатейший эмпирический и концептуальный материал для анализа одного из ключевых механизмов его формирования: внешнего идеологического воздействия. В диссертации показано, что буферные зоны были не просто территориями, а ареной ожесточенной борьбы идеологий, которые внешние акторы — СССР и Япония — использовали для конструирования лояльных политических режимов и формирования нового регионального порядка. Этот политологический анализ конкуренции доктрин может и должен быть переосмыслен в социологическом ключе как исследование факторов, структурирующих ценностно-нормативную систему буферного общества, формирующих его идентичность и провоцирующих социальные расколы.

Первый раздел второй главы диссертации посвящен буддийскому фактору и теократическим тенденциям. В политологическом ракурсе буддизм рассматривается как потенциальная основа для создания теократических государств и как идеология, которую пытались использовать различные политические силы. Социологический анализ позволяет увидеть в этом нечто большее: буддизм предстает как глубинная, укорененная в массовом сознании система ценностей и социальных институтов, которая стала объектом целенаправленной манипуляции. В диссертации детально анализируется, как буддизм, будучи аполитичным по своей сути, исторически был тесно связан с властью, выполняя функции легитимации монархов²⁰. Этот симбиоз власти и религии создал в обществах региона (Монголия, Тибет) уникальную социальную структуру, где религиозные институты (монастыри, сангха) были одновременно и крупнейшими экономическими субъектами, и центрами образования, и носителями социальной идентичности. Накануне исследуемого периода, как показано на примере Монголии, монастыри являлись центрами организации социальной и культурной жизни, а Богдо-гэгэн был не только духовным, но и общенациональным символом, «живым Буддой».

Для социологической концепции буферного общества это имеет принципиальное значение. Внешние акторы, стремясь установить контроль над этими территориями, не могли игнорировать этот мощнейший социальный институт. Они были вынуждены либо бороться с ним, либо пытаться его подчинить.

Советская модель предполагала борьбу с религией и разрушение традиционных социальных институтов. «Экспорт революции», о котором идет речь в диссертации, с социологической точки зрения был процессом насилиственной социальной инженерии, направленным на слом традиционной социальной структуры буферного общества и замену ее новой, модернистской, основанной на классовой, а не на религиозной идентичности. Японская модель, напротив, пыталась инструментализировать буддизм. В диссертации приводятся факты о том, как японцы делали ставку на «ручного Панчен-ламу» и стремились объединить народы под «религиозной канвой»²¹. Это была попытка использовать существующие социальные институты и ценности для достижения собственных геополитических целей.

Для социума, оказавшегося между этими двумя подходами, это означало состояние глубочайшего ценностного и институционального кризиса. Традиционная буддийская картина мира, обеспечивавшая социальную стабильность, подвергалась атаке с двух

²⁰ Sompong Sucharitkul. Thai Law and Buddhist Law // The American Journal of Comparative Law. 1998. Vol. 46. Is.1 P. 69–86)

²¹ An Eye-witness in Mongolia II. Priests and politics // The Times. 1935. Mar. 26

сторон: со стороны атеистического коммунизма и со стороны политизированного, инструментального паназиатизма. Это позволяет сформулировать вторую рабочую гипотезу: буферное общество характеризуется состоянием идеологической аномии, когда традиционные ценностные системы, обеспечивавшие социальную интеграцию, либо разрушаются, либо инструментализируются внешними силами, что ведет к дезориентации и расколу социума.

Второй раздел главы посвящен советской модели создания буферной зоны, основанной на «экспорте революции». Политологический анализ фокусируется на механизмах установления советского влияния: поддержка антиколониальных настроений, военная помощь, создание лояльных политических партий. Социологический анализ позволяет увидеть в этом процессе целенаправленное конструирование нового типа общества на обломках старого.

В диссертации приводятся многочисленные примеры из советских и монгольских источников, иллюстрирующие эту стратегию. Советская риторика четко разделяла «братский монгольский народ» и «реакционное теократическое правительство». Это классический пример идеологического конструирования социального конфликта. Советская сторона не просто поддерживала одну из групп внутри монгольского общества, она активно формировала эту группу, придавая ей классовое сознание и противопоставляя ее остальным частям социума. Для буферного общества это имело следующие последствия:

1. Искусственное форсирование социальной стратификации по классовому признаку: в традиционном монгольском обществе существовали свои иерархии, но советская модель называла новую, бинарную оппозицию «араты (трудящиеся) vs. феодалы и ламы (эксплуататоры)». Это вело к разрушению существовавших социальных связей и провоцировало гражданский конфликт.

2. Создание новой, модернизованной и лояльной элиты: в диссертации описывается, как СССР организовывал обучение монгольской молодежи в своих учебных заведениях, формируя кадры для нового государственного аппарата. Эта новая элита, оторванная от традиционных корней и ориентированная на внешний центр, становилась проводником его влияния и главным агентом социальных преобразований.

3. Культурная трансформация: вместе с политическими и экономическими институтами экспорттировались и новые культурные образы: светское образование, новые праздники, новая эстетика. Это вело к разрыву с традиционной культурой и формированию гибридной, советизированной национальной культуры.

Этот анализ позволяет сформулировать третью рабочую гипотезу: советская модель формирования буферного общества основана на методах социальной инженерии, включающих искусственное конструирование классового конфликта, создание новой компрадорской элиты и целенаправленную культурную трансформацию с целью разрушения традиционной социальной структуры и замены ее новой, лояльной внешнему патрону.

Третий раздел главы посвящен японской доктрине паназиатизма. В отличие от советского классового универсализма, японская модель апеллировала к идею расового и цивилизационного единства азиатских народов против «белого империализма». В диссертации показано, как эта идеология эволюционировала от либерально-просветительских идей до оправдания экспансионистской войны²². С социологической точки зрения, это была попытка сконструировать новую, наднациональную идентичность — «азиатскую» — под эгидой Японии. Для буферных обществ Северного Китая и Внутренней Монголии это означало следующее:

1. Попытка переформатировать этническую идентичность: так японская пропаганда, с одной стороны, подчеркивала общность «желтой расы», а с другой — поощряла местные

²² Eri Hotta. Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 2.

национализмы (монгольский, маньчжурский) против центрального китайского правительства (Гоминьдана), которое изображалось как «предавшее азиатские интересы» и ставшее марионеткой Запада, что вносило дополнительный раскол в и без того сложную этническую мозаику региона;

2. Создание альтернативных институтов модернизации: Япония предлагала буферным обществам свой путь развития, основанный на идее «сопрочветания». В диссертации описано, как японцы инициировали создание автономных правительств, экономических структур и культурных организаций, в итоге эти институты должны были продемонстрировать преимущества японской модели по сравнению как с западной, так и с советской;

3. Двойственность и противоречивость идеологического послания: в отличие от прямолинейной советской пропаганды, японский паназиатизм был внутренне противоречив, поскольку он говорил об «освобождении» и «равенстве» азиатских народов, но на практике утверждал японское доминирование, а для социума это создавало ситуацию когнитивного диссонанса, т.к. местные элиты и население, с одной стороны, могли разделять антизападные и антикитайские (антигоминьдановские) лозунги, но с другой — видели реальную практику японского господства.

Этот анализ приводит к четвертой рабочей гипотезе: японская модель формирования буферного общества основана на конструировании новой наднациональной идентичности (паназиатской), которая используется для легитимации собственного геополитического доминирования. Эта модель, в силу своей внутренней противоречивости, порождает в буферном социуме сложные и неоднозначные реакции, сочетающие элементы сотрудничества и скрытого сопротивления.

В итоге вторая глава нашей диссертации предоставляет уникальный материал для сравнительного социологического анализа двух различных моделей идеологического конструирования буферных обществ — советской (классовой, универсалистской, революционной) и японской (расовой, цивилизационной, иерархической). Она показывает, что буферное общество — это не просто пассивный объект, а поле, на котором внешние идеологические проекты сталкиваются с местной социальной реальностью (в частности, с глубоко укорененными религиозными институтами) и друг с другом. Изучение этих столкновений, конфликтов и гибридных форм, возникающих в результате, является ключевой задачей для социологии буферного общества.

3. Гибридные институты и социальные практики в буферных автономиях

Если первые две главы диссертации заложили теоретико-методологическую и идейно-концептуальную основу для изучения буферных обществ, то третья глава — «Буферные автономии в структуре политического порядка Северного Китая в 1935–1938 гг.» — предоставляет бесценный эмпирический материал для анализа реального функционирования этих социумов. В ней детально рассматриваются конкретные кейсы создания и деятельности автономных образований, что позволяет перейти от абстрактных моделей к изучению конкретных социальных институтов и практик, порожденных буферным состоянием. Политологический фокус главы направлен на анализ процессов моделирования автономий, их юридического статуса и роли в геополитической игре между Японией и нанкинским Китаем. Социологическая реинтерпретация этого материала позволяет увидеть, как эти политические конструкты порождали уникальную социальную реальность, формировали специфические модели поведения элит и населения, и как сам социум влиял на жизнеспособность этих образований.

Первый раздел третьей главы посвящен моделированию автономизации Северного Китая и так называемого «Региона пяти провинций». В диссертации показано, что японская сторона изначально планировала создание крупной буферной зоны, которая бы максимально ослабила контроль центрального китайского правительства над севером страны. Этот план, как следует из приведенных источников, был не просто военной, но и

политико-идеологической инициативой. Японские военные в лице генерала Тады предлагали программу, которая, помимо прочего, апеллировала к идеям «освобождения азиатских народов», «совместного процветания» и даже использовала «социалистический стиль» для критики гоминьдановских «плутократов».

С социологической точки зрения, это была попытка создать альтернативное социальное пространство с собственной, искусственно конструируемой легитимностью. Для социума, проживавшего на этих территориях, это означало попадание в ситуацию институциональной неопределенности и двойственности. С одной стороны, формально сохранялась юрисдикция Китайской Республики. С другой — создавались новые, прояпонские властные структуры. В диссертации детально описана реакция различных социальных групп на этот процесс:

1.Местные элиты (китайские генералы и губернаторы): их поведение, как показано в исследовании, было классическим примером адаптивной стратегии в буферной зоне. Они лавировали между Нанкином и японцами, вступали в сепаратные переговоры, саботировали решения обеих сторон, пытаясь сохранить максимум собственной власти и ресурсов. Генерал Сун Чжюань предстает не просто как политическая фигура, а как социальный типаж — «буферный лидер», чья лояльность ситуативна, а главная цель — выживание в условиях давления с двух сторон; и

2.Общественные группы (студенты, интеллигенция): их реакция, напротив, была однозначно протестной. В диссертации приводятся данные о массовых студенческих демонстрациях в Пекине, направленных против автономизации и японского влияния. Это демонстрирует, что буферное общество не является монолитным. В то время как часть элит практикует оппортунизм и коллаборационизм, другие социальные слои, в частности, образованная молодежь, становятся носителями национально-освободительной идеологии и активного сопротивления. Это позволяет говорить о структурном социальном конфликте как неотъемлемой черте буферного общества.

Таким образом, процесс моделирования автономии предстает не как чисто политический акт, а как социальная драма, в которой различные группы вырабатывают и реализуют противоположные стратегии поведения, порожденные буферным состоянием.

Анализ Автономного правительства Восточного Хэбэя — это классический кейс для изучения социологии «серой зоны», т.е. пространства, где формальные законы центрального государства перестают действовать, а новые правила еще не устоялись или носят гибридный характер. В диссертации показано, что эта автономия, созданная в демилитаризованной зоне по условиям Перемирия Тангу, обладала уникальным статусом: она не была ни частью Китая в полном смысле, ни частью Маньчжуо-Го. Этот промежуточный статус породил уникальные социальные и экономические практики. Ключевой из них, как отмечено в исследовании, стала организованная контрабанда. Японская сторона использовала эту территорию для беспошлинного ввоза своих товаров, что подрывало китайскую экономику. С социологической точки зрения, это не просто экономический факт, а массовая социальная практика, в которую были вовлечены широкие слои населения.

1.Формирование «теневого» социума, когда контрабанда создавала рабочие места и источники дохода для местного населения, формируя целую социальную страту, чье благосостояние было напрямую связано с существованием этого нелегального (с точки зрения Нанкина) режима. Это порождало альтернативную лояльность: для многих жителей региона экономические выгоды от сотрудничества с японцами могли перевешивать патриотические чувства.

2.Криминализация социальных отношений, ведь легализация контрабанды вела к размытию границ между законной и незаконной деятельностью. Это способствовало криминализации общества и усилению влияния различных вооруженных групп, бандитов и авантюристов, которые чувствовали себя в этой «серой зоне» как рыба в воде. В

диссертации упоминается, как «разгул преступности и контрабандной» становился характерной чертой подобных режимов.

Кроме того, в этом разделе детально описано создание собственных институтов автономии: Совета Девяти, департаментов, полиции. Для социолога это пример институционального строительства «сверху» в буферной зоне. Эти институты не вырастали органично из потребностей общества, а создавались внешним актором (Японией) и местной коллаборационистской элитой (во главе с Инь Жугэном). Это порождало проблему их легитимности в глазах населения. Общество было вынуждено взаимодействовать с этими структурами, но их авторитет был крайне низок, что вело к постоянному саботажу и пассивному сопротивлению.

В отличие от откровенно коллаборационистского режима в Восточном Хэбэе, Хэбэйско-Чахарский политический совет представлял собой более сложный социальный и политический феномен. Как показано в диссертации, он был создан в результате компромисса между японцами и частью северокитайских элит во главе с Сун Чжэюанем. Этот режим пытался сохранить формальную лояльность Нанкину, одновременно ведя сепаратные переговоры с Японией. Для социологии это представляет собой уникальный пример попытки институционализировать и легитимизировать само буферное состояние. Руководство этого образования пыталось превратить свою промежуточную позицию из источника слабости в источник силы. Социальные последствия этого процесса были крайне противоречивы:

1.Раскол элит, когда создание совета привело к углублению раскола внутри северокитайской элиты. Часть ее пошла на сотрудничество с Сун Чжэюанем, надеясь сохранить мир и стабильность, в то время как другая часть видела в этом предательство национальных интересов. Это порождало атмосферу взаимного недоверия, интриг и политических убийств, что является характерной чертой социальной жизни в буферных обществах;

2.Политизация общества, поскольку деятельность совета, его постоянные переговоры с Нанкином и Токио становились центральной темой публичных дискуссий. В диссертации приводятся многочисленные ссылки на прессу того времени, отражающие эту напряженную атмосферу. Общество было вынуждено постоянно следить за geopolитической игрой, от которой напрямую зависела его судьба. Это вело к высокому уровню политизации даже аполитичных слоев населения.

3.Неустойчивость социальных институтов, так как все институты, созданные под эгидой совета (экономические, образовательные, финансовые), носили временный и неустойчивый характер. В диссертации подробно описывается «война банкнот», попытки создать собственную таможенную и налоговую систему. Для населения это означало жизнь в условиях постоянного экономического хаоса и неопределенности, когда правила игры могли измениться в любой момент.

Таким образом третья глава диссертации, посвященная конкретным буферным автономиям, является эмпирическим ядром для концептуализации буферного общества. Она позволяет перейти от общих теоретических рассуждений к анализу конкретных социальных механизмов. На основе этого материала можно сделать вывод, что буферное общество — это социум, характеризующийся:

1.Структурным расколом между различными группами, ориентирующими на разных внешних патронов или придерживающихся противоположных стратегий выживания (коллаборационизм, сопротивление, лавирование);

2.Наличием гибридных и нелегитимных (или слабо легитимных) институтов, которые создаются «сверху» и не пользуются доверием населения;

3.Распространением специфических социальных практик, таких как оппортунизм, теневая экономика, контрабанда, которые являются формой адаптации к жизни в «серой зоне» с неопределенным правовым и политическим статусом;

4. Высоким уровнем политизации и социальной напряженности, поскольку судьба общества напрямую зависит от исхода геополитического противостояния внешних сил.

Этот анализ убедительно показывает, что политологическое исследование буферных политий неявно содержит в себе богатейший материал для их социологического осмыслиения и подтверждает эвристическую ценность введения категории «буферное общество».

4. Трансформация буферного общества в условиях эскалации конфликта

Четвертая глава нашей работы — «Буферная государственность и региональный политический порядок Северного и Восточного Китая в 1937–1945 гг.» — представляет собой кульминацию исследования. Она описывает переход от создания полуавтономных буферных зон к формированию полноценных, хотя и зависимых, государственных образований на фоне полномасштабной японо-китайской войны. С политической точки зрения, это анализ эволюции японской стратегии, направленной на создание альтернативной китайской государственности. С социологической точки зрения, это исследование трансформации буферного общества в условиях тотальной войны и оккупации. Если в предыдущих главах мы видели социум, адаптирующийся к состоянию «ни мира, ни войны», то здесь мы наблюдаем его существование в условиях открытого, затяжного конфликта, что кардинально меняет социальные институты, практики и идентичности.

Первый раздел четвертой главы посвящен созданию Временного правительства Китайской Республики в Пекине. В диссертации детально анализируется его структура, кадровый состав и идеологическая платформа. С социологической точки зрения, это переход от ситуативного и неформального коллаборационизма к его полной институционализации. Создание полноценного правительства, претендующего на общенациональный статус, имело глубокие социальные последствия. В диссертации подробно разбирается кадровый состав нового режима, отмечается, что в него вошли многие видные деятели «бэйянской эпохи», такие как Ван Кэминь, Тан Эрхэ и другие. Это были люди с опытом государственного управления, но оттесненные от власти Гоминьданом. Для них сотрудничество с японцами стало формой социального реванша и возможностью вернуться в большую политику. Таким образом, в буферном обществе формируется особый социальный слой, чьи жизненные интересы, карьерные траектории и социальный статус напрямую связаны с режимом оккупации. Изучение биографий этих деятелей — это, по сути, социологическое исследование мотиваций коллаборационизма. Режим, как показано в диссертации, пытался выстроить собственную идеологию, апеллируя к конфуцианским ценностям, антикоммунизму и идеи «возрождения Восточной Азии». Для социума это означало навязывание новой нормативной системы. Через систему образования, СМИ, публичные ритуалы (например, принятие старого пятицветного флага населению предлагалась новая картина мира, в которой сотрудничество с Японией представляло не как предательство, а как единственно верный путь). Это приводило к углублению ценностного раскола в обществе. Часть населения могла искренне или из оппортунистических соображений принять эту новую идеологию, в то время как другая часть видела в ней лишь прикрытие для оккупации, что порождало пассивное сопротивление и саботаж.

В диссертации подробно анализируется финансовая политика Временного правительства, в частности создание Федерального резервного банка и введение новой валюты. Опираясь на работу К. Токунаги²³, исследование показывает, как эта реформа, направленная на вытеснение национальной китайской валюты, привела к экономическому

²³ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China // Economic Review. 1940. Vol. XV.

хаосу, инфляции и спекуляциям. Для социума это означало разрушение привычных экономических практик и резкое падение уровня жизни. Население было вынуждено приспособливаться к новой, нестабильной финансовой системе, что порождало массовое недоверие к новым властям и их экономическим институтам. Социологический анализ показывает, что экономическая политика оккупационного режима, даже если она преследует цели «стабилизации», на практике ведет к социальной дезорганизации и росту недовольства.

Второй раздел главы посвящен формированию буферной государственности в Восточном Китае и созданию Реформаторского и, позднее, Национального правительства Ван Цзинвэя. Этот процесс еще более усложнил социальную реальность, поскольку привел к фрагментации не только государства, но и самого буферного пространства. Возникновение второго, нанкинского, прояпонского центра власти породило конкуренцию между ним и пекинским Временным правительством. В диссертации описывается сложный процесс переговоров об их объединении, который сопровождался борьбой за посты и ресурсы. Для социума это означало, что даже внутри коллаборационистского лагеря не было единства. Различные группы элит ориентировались на разные центры, что еще больше дробило социальное пространство. Это позволяет уточнить концепцию буферного общества: оно не всегда находится между двумя центрами силы; оно может существовать в сложной полиполитической среде, где несколько буферных режимов конкурируют друг с другом за благосклонность одного и того же патрона. Опираясь на данные прессы²⁴, исследование показывает, что убийства, похищения и шантаж стали обыденной практикой. С социологической точки зрения, это означает, что в условиях разрушения легитимных институтов правопорядка насилие становится главным регулятором социальных отношений. Это формирует в обществе атмосферу страха и недоверия, разрушает социальную солидарность и атомизирует индивидов. Жизнь в таком социуме требует выработки особых стратегий выживания, основанных на осторожности, скрытности и поиске сильных покровителей. В диссертации подробно анализируется позиция западных держав, которые, с одной стороны, не признавали прояпонские режимы, а с другой — продолжали вести с ними дела через свои концессии, особенно в Шанхае. Иностранные сettlementы становились «островами безопасности» и альтернативной юрисдикцией внутри буферной зоны. Для социума это создавало дополнительный уровень сложности: с одной стороны, наличие концессий давало возможность для социальной и экономической эскапады: китайские предприниматели, интеллигенция, политики могли укрыться там от репрессий и продолжать свою деятельность; с другой стороны, это подчеркивало колониальный и унизительный статус собственного государства. Население видело, что реальная безопасность и правопорядок существуют не под властью собственных (пусть и коллаборационистских) правительств, а под иностранным контролем. Это подрывало легитимность буферных режимов и усиливало чувство национального унижения.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что четвертая глава диссертации, описывая пик развития и последующий крах японского проекта буферной государственности, предоставляет материал для анализа буферного общества в его наиболее драматической фазе. Она позволяет сделать следующие социологические выводы:

1. В условиях открытой войны и оккупации происходит полная институционализация коллаборационизма, что формирует новую, устойчивую социальную страту, чьи интересы полностью связаны с внешним патроном;

2. Главным инструментом социального управления в зрелом буферном обществе, легитимность которого постоянно оспаривается, становится прямое насилие и террор, что атомизирует социум и разрушает социальное доверие;

²⁴ Puppet police for Shanghai // The Straits Times. 1939. Feb. 25. P. 14

3.Экономическая политика буферных режимов, направленная на обслуживание интересов патрона, ведет к дезорганизации хозяйственной жизни и падению благосостояния основной массы населения;

4.Сложное взаимодействие с остатками международного присутствия (концессиями) создает многоуровневое социальное пространство, где сосуществуют зоны с разным правовым и социальным режимом, что порождает уникальные и противоречивые социальные практики.

В целом, анализ всех четырех глав диссертации убедительно доказывает, что накопленный в ней материал не только позволяет, но и настоятельно требует перехода от политологической концепции «буферной государственности» к разработке более широкой и эвристически ценной социологической категории «буферного общества».

5. Исторические предпосылки формирования буферного общества – в пространстве Северо-Восточного Китая и монгольских земель в период «восточноазиатского Интербеллума» (1895-1937 гг.)

Если политологическое исследование было сфокусировано на конкретных моделях управления в 1930-40-х гг., то исторический анализ позволяет проследить генезис буферного социума. В нашей диссертации по историческим наукам²⁵ мы опираемся не на внешние модели, а на внутренние процессы, происходившие в монгольском мире на российско-цинском фронтире. Это позволяет перейти от изучения того, как буферные общества конструировались извне, к анализу того, как они жили и развивались изнутри, как их собственная история и социальная структура влияли на их судьбу.

Первая глава этой нашей работы — «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» — на первый взгляд, носит сугубо вспомогательный, методологический характер. Однако для социологического анализа она представляет огромную ценность, поскольку само историографическое поле и корпус источников отражают фрагментированный и конфликтный характер буферной зоны. В диссертации проводится детальный анализ четырех основных историографических традиций: российской (имперской, советской и современной), китайской, монгольской и западной. Вывод, который делается в исследовании, заключается в том, что каждая из этих традиций рассматривала Внутреннюю Монголию не как самостоятельный субъект, а как объект собственных geopolитических интересов, что приводило к формированию искаженных и идеологически ангажированных нарративов. С социологической точки зрения, эта историографическая мозаика — не просто научная проблема, а отражение состояния самого буферного социума. Общество, лишенное собственной субъектности в geopolитической игре, оказывается лишено и собственного голоса в исторической науке. Его история пишется извне, из столиц держав-патронов. Это порождает кризис исторической памяти внутри самого социума. У него нет единого, общепринятого нарратива о собственном прошлом; вместо этого существуют несколько конкурирующих версий, каждая из которых связана с той или иной внешней силой. Это позволяет сформулировать важную социологическую гипотезу: буферное общество характеризуется фрагментированным историческим сознанием и отсутствием единого национального нарратива, что является следствием его длительного нахождения в статусе объекта, а не субъекта истории.

То же самое касается и источниковой базы. В диссертации мы показываем, что основной массив документов рассредоточен по архивам России, Китая, Монголии, а также

²⁵ Дудин, Павел Николаевич. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX - первой половине XX вв. Том 1: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 / Дудин Павел Николаевич; [Место защиты: ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук]. - Улан-Удэ, 2020. - 340 с.; Дудин, Павел Николаевич. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX - первой половине XX вв. Том 2: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 / Дудин Павел Николаевич; [Место защиты: ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук]. - Улан-Удэ, 2020. - 468 с. ил.

по фондам европейских и американских газет. Для социолога это означает, что социальная жизнь буферного общества была настолько пронизана внешними влияниями, что ее невозможно реконструировать, не привлекая внешние источники. Жизнь этого социума документировалась не столько им самим, сколько внешними наблюдателями: русскими дипломатами, китайскими чиновниками, японскими разведчиками, американскими журналистами. Анализ этих источников позволяет увидеть буферное общество глазами «других», что дает уникальную возможность для изучения механизмов социального восприятия и конструирования стереотипов.

Вторая глава диссертации — «Монгольский мир империи Цин и российско-цинского фронтира в период республики (конец XIX в. – 1931 г.)» — является эмпирическим ядром первого тома и предоставляет исчерпывающий материал для анализа социальной структуры и динамики буферного общества в момент его зарождения. Первый параграф описывает ключевой фактор, сформировавший буферное общество Внутренней Монголии, — дуальность государственных институтов. В диссертации детально показано, как на монгольских землях параллельно существовали две системы управления: традиционная монгольская администрация, основанная на хошунной (знаменной) системе, с князьями (*дзасаками*), сеймами и аймаками, сохраненная маньчжурской династией Цин и представляла собой сложную военно-административную иерархию; и новая китайская администрация, возникшая в результате колонизации, основанная на уездах (*сянь*), приставствах и управляемая китайскими чиновниками.

С социологической точки зрения, это не просто две администрации, а две параллельные социальные системы, сосуществовавшие на одной территории. Это порождало уникальную социальную структуру:

1. Социальная сегрегация, поскольку монгольское и китайское население жило по разным законам, подчинялось разным властям и имело разный социальный статус;

2. Конфликт за ресурсы, когда две системы постоянно конфликтовали из-за земли, пастбищ, налогов и воды, в связи с чем мы описывали, как китайская колонизация, поддержанная властями, приводила к отчуждению монгольских земель, что вызывало массовое недовольство и восстания;

3. Гибридные социальные практики, что не удивительно, ведь на стыке двух систем появлялись посредники, переводчики, люди с двойной лояльностью и т.д., а социум был вынужден вырабатывать сложные стратегии взаимодействия с обеими администрациями, используя их противоречия в своих интересах.

Следующие разделы главы посвящены роли внешних акторов (России/СССР) и их влиянию на трансформацию статуса Халха-Монголии и Барги. Для социологии буферного общества это важно, поскольку показывает, как внешнеполитические события напрямую влияли на социальную структуру и идентичность. Так провозглашение независимости Внешней Монголии (Халхи) в 1911 году, поддержанное Россией, привело к расколу монгольского мира. Как показано в диссертации, часть князей Внутренней Монголии и Барги поддержала это движение, в то время как другие остались лояльны Китаю. Для социума это означало раскол не по политической, а по цивилизационной линии. Возник выбор: остаться в орбите китоцентричного мира или присоединиться к новому, ориентированному на Россию, монгольскому государству. Создание автономии Барги стало уникальным социальным экспериментом: данный регион со смешанным населением (монголы, буряты, русские, китайцы) получил особый статус буфера между Россией, Китаем и независимой Монголией, а общество Барги стало "буфером в квадрате", вынужденным лавировать уже между тремя центрами, что привело к формированию сложной, многослойной идентичности, где локальный (баргутский) патриотизм сочетался с ориентацией на разные внешние силы.

Последний раздел главы («Внутренняя Монголия и монгольские государственные институты после Синьхайской революции») посвящен реакции самого монгольского

общества на распад империи Цин и новые geopolитические реалии. Это ключевой раздел для понимания агентности (субъектности) буферного социума. В диссертации детально описаны два противоположных процесса: с одной стороны – движение «индепендентов» или группы князей (Удай, Бабуджаб), выступивших за полную независимость и объединение с Внешней Монголией (отметим, что с социологической точки зрения, это пример национально-освободительной мобилизации части общества, основанной на идее этнической консолидации); с другой стороны – движение «лоялистов» или группы князей (Цзаймутэз Мубилай, Гунсэнноров), выступивших за сохранение автономии в составе Китайской Республики (это пример pragматической адаптации другой части элиты, которая стремилась сохранить свои привилегии и стабильность через компромисс с новым китайским правительством). Этот раскол элит, детально проанализированный нами на основе архивных документов, является классической характеристикой буферного общества. Социум оказывается разделен не просто по вопросу о политическом курсе, а по фундаментальному вопросу о своей коллективной судьбе и идентичности. Этот конфликт между «индепендентами» и «лоялистами» был не просто политической борьбой, а столкновением двух разных социальных проектов, двух разных видений будущего для своего народа.

В итоге, мы можем увидеть что основой социальной структуры буферного общества является дуальность институтов (традиционных и колониальных), которая порождает сегрегацию, конфликт за ресурсы и гибридные социальные практики. При этом внешние geopolитические события (революции, войны, дипломатические соглашения) выступают мощным катализатором социальных изменений, приводя к расколу единого этнокультурного пространства и формированию новых, буферных идентичностей (как в Барре). Здесь важно отметить, что сам буферный социум не является пассивным, наоборот, он обладает внутренней динамикой, которая проявляется в глубоком расколе элит и борьбе между различными социальными проектами (независимость vs. автономия), что является ключевой характеристикой его политической и социальной жизни. В целом проведенный анализ показывает, как историческое исследование, сфокусированное на государственности, может быть успешно трансформировано в социологическое исследование общества, его структуры, конфликтов и стратегий адаптации.

Принято. Мы приступаем к анализу второго, эмпирического тома вашей докторской диссертации по истории. Этот материал позволит нам перейти от теоретических конструкций к живой социальной ткани, увидеть, как монгольское общество функционировало, адаптировалось и трансформировалось в условиях буферности.

Я проведу анализ в том же ключе: развернуто, с точными ссылками на страницы и источники, в объеме 20-30 тысяч знаков.

6. Буферные политики как социальные лаборатории: конструирование буферного социума «сверху»

Третья, четвертая и пятая главы исторической диссертации представляют собой уникальные кейсы для анализа сконструированного буферного общества на маньчжурских и монгольских землях. Если в предыдущих разделах речь шла о социумах, оказавшихся в буферной зоне в результате сложных исторических процессов, то здесь мы видим примеры целенаправленного социального инжиниринга, которые начинаются созданием в 1931 г. Маньчжуо-Го, в результате чего Япония приступила к формированию внутри этой политии особого монгольского социального и политического пространства, которое должно было выполнять специфические буферные функции.

Исторический анализ, представленный в диссертации, показывает, что японская стратегия была основана на провокационной, но глубокой идеи Оуэна Латтимора: «Маньчжурия – не более чем... морские ворота гораздо большего [по значению] региона Монголии». Это означает, что монгольский вопрос был для японцев ключевым, а Маньчжуо-Го — лишь инструментом. С социологической точки зрения, это была попытка

создать «идеальный образец» управления национальным меньшинством, который затем можно было бы транслировать на другие территории. Данный процесс социального конструирования наиболее ярко проявился в создании провинции Синьцзян/Хинган. Анализ этого феномена позволяет выявить ключевые характеристики искусственно созданного буферного социума:

1.Институционализация этнической особости. В отличие от китайской политики ассимиляции, японцы пошли по пути создания для монголов особой административной единицы с широкими правами. Как отмечается нами в диссертации, Хинган был «самой крупной провинцией» и «единственной», которой было разрешено иметь свои воинские соединения». Социологически это означает, что этничность монгольского населения была не просто признана, а институционально закреплена и превращена в основу административной системы. Для социума это создавало двойственную ситуацию: с одной стороны, это защищало его от китайской колонизации и давало определенные привилегии. С другой стороны, эта «особость» была дарована извне и служила интересам внешнего патрона, что делало ее крайне уязвимой.

2.Формирование коллаборационистской элиты. Во главе новых монгольских провинций были поставлены представители традиционной аристократии. В диссертации подробно описывается карьера князя Цзаймутэза Мубилая, который стал первым министром по делам Монголии. Для социолога это классический пример кооптации традиционных элит в новую, созданную извне, систему власти. Старый социальный авторитет аристократии используется для легитимации нового режима. Это приводит к формированию новой социальной страты — коллаборационистской элиты, чей статус и благосостояние теперь напрямую зависят не от ее традиционных функций, а от лояльности японским властям. Это вносит раскол в само общество: часть населения может продолжать подчиняться старым элитам, в то время как другая часть видит в них предателей.

3.Конструирование «управляемого традиционализма». Японская политика, как следует из положений нашей работы, была направлена на сохранение традиционных форм монгольской администрации, далее мы приводим подробное описание структуры монгольского вице-губернаторства, сеймового «дарги», хошунного князя, его помощников и т.д. Однако это было не реальное сохранение традиций, а их симуляция. Традиционные институты сохранялись лишь как внешняя форма, в то время как реальный контроль находился в руках японских советников. Социум оказывался в ситуации, когда привычные ему социальные институты продолжали существовать, но их содержание было выхолощено. Это можно охарактеризовать как состояние институциональной шизофрении, когда видимость и сущность власти расходятся, что порождает у населения цинизм и недоверие к любым формам власти.

4.Социальный контроль через военные и образовательные институты. По ходу работы мы подчеркиваем, что японцы уделили особое внимание созданию монгольских воинских соединений (Хинганская армия) и военных школ. Армия в данном случае — это не только военный, но и социальный институт. Она служила каналом социальной мобильности для монгольской молодежи, воспитывала ее в духе лояльности новому режиму и создавала новую, милитаризованную идентичность. Одновременно создавались и новые образовательные институты, которые должны были формировать нового, «современного» монгола, лояльного Японии и идеям «сопротивления». Это была долгосрочная стратегия перекодирования сознания буферного социума.

Таким образом, кейс Маньчжоу-Го и провинции Хинган позволяет сделать вывод, что одним из типов буферного общества является «сконструированное общество», которое создается внешним актором путем целенаправленного социального инжиниринга. Его ключевыми характеристиками являются: институционализация этнической особости, кооптация традиционных элит, симуляция традиционных институтов и жесткий социальный контроль через армию и систему образования.

В свою очередь, четвертая глава диссертации — «Автономизация центральных аймаков Внутренней Монголии... (1932–1937 гг.)» — смещает фокус с внешнего конструирования на внутреннюю динамику монгольского общества. Она подтверждает высказанный выше по тексту, что буферный социум не был пассивным объектом японской политики, а обладал собственной агентностью и пытался реализовать свой собственный проект автономии. Это позволяет проанализировать буферное общество как социальное движение. Во-первых, мы наблюдаем мобилизацию и конструирование идентичности, когда движение за автономию, как показано в диссертации, началось со съездов монгольских князей, где ключевую роль играли такие лидеры, как князь Дэ Ван. С социологической точки зрения, это классический процесс социальной мобилизации. Лидеры движения апеллировали к идее национального единства, исторической памяти (наследие Чингисхана), общей угрозе (китайская колонизация) и чувству унижения, чтобы сплотить разрозненные монгольские хошуны. В работе приводится яркая цитата Дэ Вана: «Монголы спали в течение 700 лет. Настало время, чтобы восстановить могущество Азии под руководством Японии». Это пример конструирования новой коллективной идентичности, основанной на идее национального возрождения. Во-вторых, мы фиксируем раскол внутри движения, поскольку оно не было монолитным. Мы детально описываем сложную игру, которую вели монгольские лидеры. Они одновременно вели переговоры и с Нанкином, и с японцами, пытаясь использовать их противоречия. Это привело к глубокому расколу внутри самого монгольского общества. Как отмечает О. Латтимор, цитируемый нами по ходу изложения аргументов, монгольское общество стояло перед выбором: «вымирание при китайском управлении или радикальная социальная революция по аналогии с Внешней Монголией». Японское вмешательство предлагало третий, иллюзорный путь. Этот выбор расколол элиты и общество, сформировав пронанкинскую фракцию князя Юния, которая видела в сотрудничестве с Гоминьданом меньшее из зол; прояпонскую фракцию Дэ Вана, которая видела в союзе с Японией единственный шанс на обретение независимости; и хоть и не сформировавшуюся окончательно просоветскую фракцию, но имевшийся некий остаток ориентации на СССР, который также имел место, хотя и был менее выражен.

Этот структурный раскол по геополитическому признаку является, возможно, самой важной характеристикой буферного общества. Социальные связи (родственные, клановые, дружеские) разрушаются под давлением необходимости сделать геополитический выбор. Борьба за автономию сопровождалась военными действиями (Суйюаньские кампании), что имело тяжелые социальные последствия. В диссертации приводятся свидетельства о массовом голоде и потоках беженцев. Это показывает, что жизнь в буферном социуме — это не только политические интриги элит, но и реальные страдания основной массы населения. Общество оказывается заложником геополитической игры, и именно оно платит самую высокую цену за амбиции своих лидеров и их внешних покровителей. Анализ этих социальных издержек (разрушение хозяйственного уклада, миграции, рост смертности) должен стать неотъемлемой частью социологического исследования буферных обществ.

Наконец, пятая глава описывает создание наиболее развитой формы буферной государственности — Мэнцзяна — и ее последующий крах, а также уникальный кейс Алашаньской Республики. Создание Объединенного Совета автономных аймаков, а затем и правительства Мэнцзяна, было попыткой создать полноценные государственные институты. С социологической точки зрения, это был пик развития буферного общества, когда оно обрело все внешние атрибуты государственности (правительство, армию, флаг, валюту). Однако эта государственность была фиктивной. Мы неоднократно подчеркиваем, что реальный контроль оставался в руках японских советников. Социум Мэнцзяна жил в условиях тотального симулякра: существовали монгольские министры, но они не принимали решений; была монгольская армия, но она подчинялась японским офицерам. Это доведенная до предела ситуация институционального двоемыслия, о которой

говорилось выше. Поражение Японии в 1945 году привело к мгновенному коллапсу Мэнцзяна. Для буферного социума это стало катастрофой. Оно в один момент лишилось своего внешнего патрона, своей институциональной крыши и идеологического оправдания. Наступил период социального хаоса и передела власти. Мы уделили особое внимание тому, как различные группы (просоветские, прокитайские, местные националисты) начали борьбу за «наследство». Это демонстрирует крайнюю уязвимость буферного общества: его существование полностью зависит от внешнего геополитического баланса, и при его нарушении оно распадается. В итоге наш финальный кейс создания Алашаньской Республики в 1949 году под руководством Дэ Вана при поддержке Гоминьдана (Дудин, 2020, Т. 2, с. 273–286) — это уникальный пример попытки реанимации буферного проекта в новых условиях. Проигравший гражданскую войну Гоминьдан пытался создать на западе монгольский буфер уже против коммунистов. Для социологии это показывает, что модель буферного общества может воспроизводиться в разных исторических контекстах. Меняются патроны (Японию сменяет Гоминьдан), меняется враг (СССР сменяют коммунисты), но структурная логика остается той же: создание зависимой политии на периферии для решения геополитических задач центра.

В итоге мы можем утверждать, что буферное общество на данный примерах демонстрирует возможность быть как результатом «естественной» исторической эволюции на стыке цивилизаций (как в ранней Внутренней Монголии), так и продуктом целенаправленного социального конструирования извне (как в Маньчжоу-Го). Ключевой характеристикой внутренней жизни буферного социума является глубокий структурный раскол по геополитическому признаку, который пронизывает все социальные слои, от элит до рядового населения. Жизнь в буферной зоне порождает уникальные социальные практики (лавирование, оппортунизм, теневая экономика, институциональное двоемыслие) и социальные роли («буферный лидер», «коллаборационист», «посредник»). Существование буферного общества крайне нестабильно и полностью зависит от внешнего геополитического баланса. Крах державы-патрона неминуемо ведет к коллапсу институтов и социальному хаосу.

7. Переход к юридическому измерению: правовая система как зеркало буферного социума

Если политологическое исследование очертило внешние рамки, а историческое — раскрыло внутреннюю динамику, то для завершения картины необходимо обратиться к юридическому измерению буферности. Анализ правовых институтов и норм позволяет увидеть, как именно конфликт юрисдикций, институциональная гибридность и внешняя зависимость оформлялись в виде формальных правил, регулировавших жизнь социума. Основой для такого анализа выступает наша докторская диссертация по теоретико-историческим правовым наукам, посвященная государственно-правовой модели Внутренней Монголии²⁶.

Первая глава нашей работы — «Формирование нового регионального правопорядка в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв.» — посвящена анализу трансформации правовых систем Китая и Японии под влиянием Запада. С юридической точки зрения, это процесс вестернизации и модернизации права. С социологической — это описание формирования гибридной правовой культуры, которая и стала фоном для возникновения буферных обществ. Так мы подробно описываем традиционную правовую систему имперского Китая, которая не знала жесткого разделения на частное и публичное право и была тесно переплетена с конфуцианской моралью. Одновременно мы анализируем процесс рецепции западного (континентального) права, начавшийся в конце XIX – начале XX вв. Для социума

²⁶ Дудин, Павел Николаевич. Государственно-правовая модель Внутренней Монголии и региональный правопорядок в Восточной Азии в конце XIX – первой половине XX в. : дис. ... доктора юридических наук : 5.1.1. / Дудин Павел Николаевич; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» ; Диссовет КФУ.051.1]. — Казань, 2024. — 542 с.

это означало жизнь в условиях правового дуализма. С одной стороны, продолжали действовать традиционные нормы и обычаи, регулировавшие семейные, наследственные и общинные отношения. С другой — появлялись новые, вестернизированные законы и институты (конституция, кодексы, независимые суды), которые регулировали государственную и экономическую жизнь. Буферное общество, таким образом, существует в пространстве, где сосуществуют и конкурируют несколько нормативных систем. Это порождает правовую неопределенность и дает социальным акторам возможность для «форум-шоппинга» — выбора той правовой системы, которая в данный момент более выгодна. Далее мы вводим и анализируем концепт «французско-немецкой юридической войны в Восточной Азии», когда конкуренция между двумя моделями континентального права оказала влияние на дизайн всех правовых систем региона. С социологической точки зрения, это еще один уровень буферности. Местные общества оказались не просто между «Востоком» и «Западом», но и между двумя конкурирующими западными моделями. Элиты этих обществ (юристы, чиновники, политики) были вынуждены делать выбор не только в пользу вестернизации как таковой, но и в пользу конкретной ее модели, что вносило дополнительный раскол и усложняло процесс модернизации.

Вторая глава — «Концептуальные основы государственно-правовых моделей Монголии...» (Дудин, 2024, с. 115-233) — является центральной в диссертации. Она напрямую анализирует правовой статус и институты монгольских земель, что позволяет нам увидеть юридическое оформление буферного социума. Здесь мы подробно реконструируем уникальную правовую систему монгольских земель в составе Цинской империи, в рамках которой, с одной стороны, действовало общесоюзное законодательство, регулируемое особым ведомством — Лифаньюань, а с другой стороны, сохранялось монгольское обычное право (основанное на «Великой Ясе»), регулирующее внутреннюю жизнь хошунов. С социологической точки зрения, это классический пример правового плюрализма, характерного для многих империй. Монгольское общество жило в двух правовых измерениях. Этот дуализм, с одной стороны, гарантировал ему сохранение самобытности и внутренней автономии. С другой — делал его уязвимым, поскольку верховная власть (император и Лифаньюань) всегда могла вмешаться и изменить правила игры.

Распад империи Цин и провозглашение независимости Внешней Монголии привели к правовому расколу монгольского мира. В связи с этим мы детально анализируем сложный международно-правовой статус Внешней Монголии, закрепленный в соглашениях 1912, 1913 и 1915 гг. Для социума Внешней Монголии это означало обретение квазигосударственности. Появились собственные государственные институты (правительство, хурал), была восстановлена теократическая монархия во главе с Богдо-гэгэном, что способствовало консолидации общества и формированию новой национальной идентичности. Для социума Внутренней Монголии ситуация была иной: он остался в составе Китайской Республики, но его статус стал еще более неопределенным. Как показано в диссертации, китайские власти начали политику унификации и китаизации, создавая на монгольских землях обычные провинции и уезды, что вело к разрушению традиционной правовой системы, отчуждению земель и, как следствие, к росту социального недовольства и протестов. Проведенный сравнительный анализ показывает, как два сегмента одного этноса, оказавшись в разных буферных условиях (один — под патронажем России, другой — под давлением Китая), пошли по совершенно разным траекториям социального и правового развития.

Третья и четвертая главы диссертации — «Государственно-правовая модель Внутренней Монголии в зоне японских специальных интересов» и «Система права Мэнцзяна» — посвящены созданию прояпонских буферных государств (Монгол-Го, Мэнцзян) и их правовых систем. Это кульминация процесса формирования буферного социума, когда для него целенаправленно создается новая нормативная реальность. В итоге

мы приходим к выводу о том, что законодательство Мэнцзяна было внешне современным, но по сути — инструментальным, поскольку заимствовало конструкции из китайского, японского и, опосредованно, германского права. Были принятые кодексы, созданы суды, прокуратура, однако вся эта система, как показано в исследовании, служила не столько для установления справедливости, сколько для обеспечения японских интересов. Так же мы подчеркиваем, что наиболее проработанными были законы, касающиеся экономики, налогов и контроля над ресурсами, что подтверждает наш тезис о том, что буферные режимы создаются для решения конкретных геополитических и геоэкономических задач патрона: право использовалось как инструмент социального контроля и репрессий. Для социума это означало жизнь в условиях правового цинизма. Население видело, что формально провозглашенные законы и права (например, «Закон об обеспечении прав граждан») не работают, а реальная жизнь регулируется волей японских военных и их местных пособников.

Анализ правовой системы Мэнцзяна позволяет сделать несколько важных социологических выводов. Во-первых, правовая культура буферного общества является гибридной и фрагментированной, в ней одновременно существуют нормы традиционного обычного права, остатки имперского законодательства, рецептированные нормы западного права и новые законы, навязанные патроном. Во-вторых, легитимность правовой системы крайне низка, поскольку право воспринимается как инструмент внешнего контроля, а не как выражение воли общества, оно не пользуется уважением и доверием. В-третьих, доминируют неформальные социальные практики, когда в условиях неэффективности и нелегитимности формального права ключевую роль в регулировании общественных отношений начинают играть неформальные механизмы: личные связи, клановые отношения, коррупция, прямое насилие.

Заключение

Проведенный анализ, основанный на междисциплинарном переосмыслении материалов фундаментальных исследований по политическим, историческим и юридическим наукам, убедительно демонстрирует, что политологический подход к изучению феномена буферности, сфокусированный на государстве, достиг своих объяснительных пределов. Для более глубокого и всестороннего понимания процессов, происходящих на стыках геополитических интересов, необходимо введение в научный оборот социологической категории «буферное общество». Не давая на данном этапе исчерпывающего определения этого понятия и не формулируя окончательный перечень его признаков, настоящее исследование позволяет сделать следующие ключевые выводы, намечающие контуры будущей исследовательской программы.

Конструирование теории буферного общества требует комплексного, междисциплинарного подхода, который должен быть сосредоточен на анализе следующих ключевых аспектов. Во-первых, это социальная структура, поскольку необходимо изучить, как внешнее геополитическое давление и состояние «между» влияют на социальную стратификацию, формируют ли они особые социальные группы (например, компрадорские элиты, посреднические слои, маргинализированные группы) и порождают ли специфические линии социального раскола, не сводимые к традиционным классовым или этническим противоречиям. Во-вторых, это коллективная идентичность, что объясняется необходимостью детального исследования механизмов формирования, трансформации и кризиса идентичности в буферных социумах, при этом, очевидно, особое внимание мы будем уделять изучению конкуренции внешних идеологических нарративов, фрагментации исторической памяти и возникновению гибридных, синcretичных форм самосознания. В-третьих, социальные институты и практики, а именно острая потребность в анализе того, как буферный статус порождает уникальные, часто гибридные, формальные и неформальные институты (в политической, экономической и правовой сферах) и какие специфические адаптивные социальные практики (лавирование, оппортунизм, теневая

экономика, пассивное сопротивление) вырабатывает социум для выживания в условиях институциональной неопределенности и двойственности юрисдикций.

Отправной точкой для подобных исследований мы намеренно выбрали именно регион Восточной Азии в первой половине XX века. Этот выбор обусловлен не только нашими научными интересами, но и объективными методологическими причинами. В заявленный нами период на разломе империй (Цинской, Российской) и в зоне столкновения новых geopolитических проектов (российского имперского/ советского, японского, китайского националистического и западного) возникла целая россыпь буферных полигий. Это пространство можно рассматривать как уникальную «естественную лабораторию», где в концентрированном виде проявились все ключевые процессы, характерные для буферных обществ. В отличие от многих современных случаев, где процессы завуалированы гибридными технологиями, исторический материал Восточной Азии позволяет изучить эти механизмы в их «чистом», классическом виде.

Историко-социологический ключ является наиболее продуктивным для старта исследования. Прежде чем применять концепцию «буферного общества» к анализу текущей, быстро меняющейся современности, мы постараемся выработать и верифицировать ее на прочном, завершенном историческом материале и на достоверных источниках, хранящихся в российских фонадах. Историко-социологический подход позволяет проследить генезис и эволюцию буферных обществ в долгосрочной перспективе, выявить устойчивые закономерности и отделить их от ситуативных флюктуаций. Только после того, как на основе исторического анализа будет создана надежная теоретическая модель, мы сможем корректно экстраполировать ее на другие регионы (например, Восточную Европу или Закавказье) и применять для понимания современных социальных и политических вызовов.

Таким образом, введение в научный оборот категории «буферное общество» представляется не только своевременным, но и эвристически ценным. Оно открывает новые перспективы для социологии региона, политической социологии и исторической социологии, позволяя глубже понять одну из ключевых и постоянно воспроизводящихся в истории драм — драму обществ, которым выпала судьба жить на geopolитических разломах.

1.2 Эволюция политических реформ советской и постсоветской России в условиях агрессии коллективного Запада

Милицкий Владимир Петрович,
*доктор политических наук, профессор кафедры социологии политических и
социальных процессов*
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Эволюция политических реформ в условиях происходящей уже многие годы интервенции Коллективного Запада против нашей страны включает в себя отдельный анализ основных преобразований как в дореволюционной и советской России, так и в

современном российском обществе²⁷. В дореволюционной России уместно выделить на основе династического критерия три основных отрезка. На первом – *Рюриковском этапе (860 – 1598 гг.)* – наша страна эволюционировала от Киевской Руси к крупному Московскому царству, сформированному Владимиром-крестителем, Александром Невским, Иваном III и Иваном Грозным. По завершению этой фазы в нашей стране наступило *смутное время (1589 - 1613)*, в условиях которого Москвией правила Борис Годунов, Лжедмитрий, и разные самозванцы. В феврале 1613 г. Великий Поместный собор РПЦ избрал на Царствование *династию Романовых*, которую возглавил Михаил Романов. Романовская династия на втором этапе правила нашей страной с 1613 по 2 марта 1917 годы. 1 августа 1914 г. Кайзеровская Германия и её союзники развязала Первую мировую войну, в которую ввязалось и царское правительство. Российская Империя в то время по всем направлениям динамично двигалась к индустриализированному буржуазному демократическому обществу со всеми необходимыми его составляющими, подсистемами и сферами.

Но вместе с тем в силу незавершенности модернизации наша страна всё ещё оставалась «недореформированной» страной, своеобразной «двойной звездой». Она была уже не феодально-крепостнической, но еще не в полной мере индустриально-капиталистической страной, что обуславливало социокультурный раскол общества и провоцировало перманентные революционные потрясения.

Главную опасность при этом представляла недооценка властью и лично Императором назревающей революционной ситуации в стране, неуклонного формирования в российском обществе Субъективного фактора революционных потрясений, накатывавших на Россию как лавины через все три Русские революции (1905-1907, февраль 1917, октябрь 1917 гг.). Самый беспрецедентный масштаб революционные потрясения приобрели в рамках третьей – Большевистской – революции, которая совершилась в силу трагического для России стечения целого ряда самых разнообразных объективных обстоятельств и субъективного фактора революционных событий.

25 октября 1917 г. (По старому стилю) на смену Петербургской фазе пришла *Советская* фаза российской модернизации, в рамках которой самый масштабной характер приобрели политические потрясения и трансформации. Это произошло из-за того, что к октябрю 1917 г. Временное правительство во главе с Керенским полностью утратило поддержку населения и превратилось в «Антигероев». Его никто не хотел защищать, а после подавления т.н. Корниловского мятежа в августе 1917 г. – уже некому было это делать. Революционную ситуацию усиливало непримиримое противостояние модернизации и в особенности – Столыпинских реформ, большой частью населения. Столыпину приходилось использовать одиозные «Галстуки» для подавления недовольства и насилиственного проведения фермеризации и других реформ. Кроме того, на общественное сознание гнетущее влияние оказали неудачи на фронтах Первой мировой войны, связанные с крушением самодержавной монархии. Ведь в сознании широких народных масс отречение Николая II расценивалось как конец Империи и самоликвидация Государства в стране. В результате активно действовать против власти были готовы многочисленные революционно настроенные народные массы, включая дезертировавших с фронта солдат, матросов, а также разочарованное население крупных городов.

В результате в Октябре 1917 года начался беспрецедентный поворот России от естественно-эволюционного к революционно-конструктивистскому формату дальнейшего развития. Открылась советская фаза формационной и государственно-политической эволюции нашей страны, первым этапом которого стало построение большевиками в 1918 году военно-коммунистического государства диктатуры ВКПб, просуществовавшего в

²⁷ Лутовинов В. И. РОССИЯ В ПРОТИВОБОРСТВЕ С АГРЕССИЕЙ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. №17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-protivoborste-s-agressiey-kollektivnogo-zapada> (дата обращения: 20.09.2025).

течение всей Гражданской войны вплоть до марта 1921 года. В рамках этого временного отрезка большевики пытались по сугубо умозрительной схеме, придуманной лидерами ВКПб, совершив в условиях Гражданской войны под руководством «профессиональных революционеров» рукотворное строительство коммунизма в воюющей стране с деморализованной армией и флотом. Итогом стало полной банкротство этой авантюры, вынудившего Ленина «изменить всю точку зрения о путях строительства социализма в России».

В результате кавалерийской атаки на коммунизм ценой огромных жертв было сконструировано некое гибридное полуобщество-полуказарма с кровавой авторитарной диктатурой одной партии, в котором ВКПб стала жестокосердным «Орденом меченосцев». Ленин неоднократно заявлял, что - это власть, не связанная никакими прежними закона, руководствуясь только интересами пролетариата и революционной целесообразностью!

Кроме того, существенным итогом военно-коммунистического этапа стало практически полное уничтожение дореволюционной модели незрелого капиталистического способа производства в городе и в деревне, а также умеренно демократического унитарного буржуазного государства с ограниченной парламентом монархией и институтами гражданского-правового и политического общества. В результате Гражданской войны и спровоцированного ею голодомора в Поволжье и на Тамбовщине начались стихийные восстания крестьян против власти большевиков. Сразу после Антоновщины на Тамбовщине грянул Кронштадтский мятеж!

Как известно, Кронштадтское восстание было вооружённым выступлением в марте 1921 года гарнизона крепости Кронштадт, экипажей кораблей Балтийского флота и жителей города против диктатуры большевиков и проводимой ими политики «военного коммунизма». События на острове Котлин предшествовали проразвёрстка и развал промышленности, а также политические разногласия в самой большевистской партии. Мятежный дух балтийских матросов, активно участвовавших в революционных событиях начиная с 1906 года и названных Львом Троцким «красой и гордостью русской революции», вновь проявился уже в феврале 1921 года. Речь идет о принятии собранием команд линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» резолюции, включавшей политические требования («Власть Советам, а не партиям!»), которая затем была поддержанна на митинге в центре Кронштадта. После появления слухов о намерении большевиков подавить восстание силовыми методами в крепости был создан Временный революционный комитет (ВРК), взявший на себя всю полноту власти в городе. Восстание в Кронштадте приветствовали русские эмигранты, готовившиеся поддержать антибольшевистские действия матросов. 7 марта того же года после требования властей РСФСР о «немедленной и безоговорочной капитуляции» восставших, объявленных вне закона, части Красной армии пошли на штурм острова. Им удалось, несмотря на значительные потери, взять крепость, после чего в городе начались массовые репрессии. Восьми тысячам восставших удалось уйти в Финляндию по льду залива. В 1994 году президент России Борис Ельцин реабилитировал участников «Кронштадтских событий».

Наверняка, после кровопролитной Гражданской войны, если бы у Ленина был бы хоть какой-нибудь другой план, кроме продолжения строительства коммунизма, то он бы сумел его навязать большевикам. Но «страшно узок» оказался набор возможных вариантов. Большевики сами себя загнали в тупик, из которого можно было выйти только, «пляясь назад». В результате после острых дискуссий было решено продолжить движение к коммунизму, но «обходным путем» - посредством НЭПа. Открылся второй - Нэповский – этап советской фазы. (Продналог, многоукладная экономика, политическая демократия и др.). Речь идет о Новой экономической политике (сокр. НЭП), проводившейся в 1920-х годах в Советской России и СССР. Решение о переходе к НЭПу было принято 14 марта 1921 года X съездом РКП(б). НЭП сменил политику военного коммунизма, проводившуюся в

ходе Гражданской войны и интервенции. Главное содержание НЭПа состояло в замене продразвёрстки продналогом в деревне (при продразвёрстке изымали до 70 % зерна, при продналоге — около 30 %), использовании рынка и различных форм собственности и экономических укладов, привлечении иностранного капитала в форме концессий, проведении денежной реформы (1922—1924), в результате которой рубль стал свободно конвертируемой валютой и др.

Главная политическая цель НЭПа состояла в снижении общественно-политической напряжённости²⁸, укреплении социальной базы советской власти в виде союза рабочих и крестьян — «смычки города и деревни», а также всемерное укрепление авторитарного государства диктатуры ВКПб. Экономической целью было предотвратить дальнейшее усугубление разрухи, выйти из кризиса и восстановить промышленность и сельское хозяйство. Социальная цель — обеспечить благоприятные условия для построения «Советского социализма как строя цивилизованных кооператоров при руководящей роли ВКПб», не дожидаясь мировой революции. Кроме того, НЭП был нацелен на восстановление нормальных внешнеполитических связей, на преодоление международной изоляции, решение проблемы финансовой стабилизации путем подавления инфляции и достижения сбалансированного государственного бюджета. Эта стратегия была взята на вооружение образованным 30 декабря 1922 г. СССР. Новая экономическая политика предполагала государственное регулирование смешанной экономики с использованием плановых и рыночных механизмов. В результате НЭП позволил быстро восстановить народное хозяйство и экономику, разрушенные Первой мировой и Гражданской войнами. За восемь Нэповских лет благодаря рыночным механизмам самоорганизации и саморегулирования была восстановлена многоукладная рыночная экономика, реанимирована социально-экономическая динамика и политическая стабильность. Последнюю большевики по полной программе использовали для ускоренного совершенствования однопартийного авторитарного государства (диктатуры «ВКПб»), которое они использовали как основной инструмент скорейшего свертывания НЭПа и осуществления «Великого перелома» в 1929 г.

С этого времени по воле «Отца всех народов...» открылся третий этап информационных и государственно-политических преобразований - СТАЛИНОКРАТИИ. В условиях этого этапа Сталину и при поддержке старательно подобранных им приспешников за короткое время удалось фактически уничтожить все позитивные результаты НЭПа в социально-экономической и политической областях и коренным образом изменить государственную стратегию дальнейшего развития страны. от реставрированного в социально-экономическом базисе рыночного капитализма с многоукладной экономикой ради «насильственного осчастлививания народа в светлом будущем» страну двинули «назад к «Сталинскому тоталитарному монолиту (СТМ)». Им удалось за короткое время совершить настоящий «Великий перелом» и фактически уничтожить все позитивные результаты НЭПа в социально-экономической и политической областях. Коренным образом изменилась государственная стратегия дальнейшего формационного и политico-правового развития страны. От реставрированной в социально-экономическом базисе рыночной многоукладной экономики страну по воле Сталина двинули «назад и вниз к Сталинской модели военно-коммунистической системы в мирных условиях», то есть - к «Сталинскому тоталитарному монолиту (СТМ)».

При этом по опыту военного коммунизма Сталин прекрасно понимал, что совершить такой перелом будет возможно только за счет еще большего напряжения всех усилий и концентрации административно-репрессивных ресурсов власти, ибо точно знал, какую

²⁸ Захаров В. К. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕХОДА ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ К ИНТЕГРАЛЬНОМУ ПРОЕКТУ ДЛЯ РОССИИ // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5-1.

реакцию «великий перелом» вызовет со стороны нэпманов и окрепших крестьян-единоличников. Хотя, вероятно, о действительных масштабах насилия и бедствий, включая рукотворно спровоцированный им «голодомор», он не подозревал.

И.В. Сталин лозунгом великого перелома выбрал: «коллективизацию, индустриализацию, культурную революцию» ²⁹. Именно великий перелом придал сталинской повестке законченный формационный вид, поскольку обеспечивал ему возможность реализовать социально-экономические установки и дополнить большевистскую политico-правовую надстройку - авторитарную диктатуру большевистского государства, - соответствующим социально-экономическим базисом – т.н. административной экономикой или планово-социалистическим народным хозяйством. Культурной же революции отводилась роль духовно-идеологического фактора, призванного достроить поверх СТМ, обеспечить индоктринацию населения большевистской идеологией и приступить к воспитанию нового «Ускомчела – усовершенствованного коммунистического человека». Главным ресурсом создания СТМ стал массовый террор, обеспечивавший установление полного контроля ВКПб над всеми сферами общества и в особенности – над социально-экономическим базисом. Совокупным итогом реализации стратегии перелома стала тоталитарная трансформация всего общества, важнейшим компонентом которой стало утверждение культа личности ИВС, который не смог осчастливить не только многомиллионный народ СССР, но даже «Правящую номенклатурную партократию», тоже задыхавшуюся от удушающей атмосферы сталинского тоталитарного террора.

В результате в общественном мнении не только народного большинства, но и правящего политического класса созрел негативный консенсус, произошел раскол верхушки, в результате которого после кончины сталина 5 марта 1953 года большинство пошло за новым лидером - реформатором Н.С. Хрущевым. И вместе с тем их объединила общая лютая ненависть к главному сталинскому сатрапу – Л. Берии. Именно поэтому советский народ, искренне горевавший о вожде, совершенно спокойно и естественно воспринял как аресты, так и казни главных палачей советских людей.

СТМ оказался при этом на редкость нежизнеспособной и неконкурентоспособной системой и держался исключительно за счет огромного напряжения всех усилий и концентрации административно-репрессивных ресурсов власти. Поэтому сразу после восхождения СССР на «Пик Коммунизма» (другого коммунизма в мире не было и уже быть не может), по достижении которого после кончины Сталина вся страна, включая ее Организованную политическую группировку – ЦК КПСС, испытывала смертельную усталость от систематических репрессий, дикого перенапряжения сил, постоянной неуверенности в завтрашнем дне и атмосферы страха. Поэтому начался Ускоряющийся спуск с этого «Пика Коммунизма», который привел систему к закономерному и неизбежному летальному исходу в условиях открывшегося нового этапа формационного и политico-правового развития страны - «Хрущевской оттепели».

Среди этих реформ уместно перечислить: 1) демилитаризацию страны; 2) разоблачение культа личности И.В. Сталина и восстановление Ленинского стиля коллегиального партийного руководства; 3) реабилитацию жертв политического террора, возвращение на историческую родину 12 депрессированных народов, включая упразднение ГУЛАГА и кардинальное оздоровление политической атмосферы в стране; 4) реформу системы управления Народного Хозяйства на основе СовНарХозов, включая аграрную реформу, освоение целины и кукурузизацию Сельского Хозяйства; 5) разработку и реализацию первых общегосударственных программ социального развития, включая масштабное жилищное и социокультурное строительство; 6) осуществление настоящего прорыва в НТР, выразившемся в создании своей атомной бомбы, запуске первого спутника,

²⁹ Баутин В. М. Опыт и проблемы аграрных преобразований России // Известия ТСХА. 2009. №4.

открытии первой в мире АЭС и ледокола «Ленин». Общим системно-формационным итогом перечисленных позитивных реформ стала эволюционная трансмутация СТМ в социализм с человеческим лицом.

Кроме этих позитивных результатов, в условиях «Хрущевской оттепели» случились: Карибский кризис с 14 по 18 октября 1962 г. (В начале этого кризиса Н.С. Хрущёв на заседании Политбюро ЦК КПСС в порыве отчаяния заявил: - «Товарищи! Делу Ленина - хана!»); 4) Расстрел народного выступления в Новочеркасске Ростовской области в июне 1962 г.; 5) Осуществление после XXII съезда КПСС (1961 г.) одиозной стратегии развернутого строительства Коммунизма (МТБК КОЭФ), подорвавших авторитет и влияние НСХ, что привело в первомом Дворцовому перевороту 14.10.1964 г. и захвату власти Брежневской группировкой, правившей страной до 10.03.1985 г.

Системным содержанием этого этапа стала отчетливая попытка Брежневской группировки осуществить частичную «регенерацию СТМ» с сохранением гуманитарных достижений хрущевской оттепели в условиях совершенствования «реального зрелого социализма». Л.И. Брежnev (Единственный пятизвездный герой, награжденный 8 орденами Ленина), не только по личностным качествам, но и по своим идеино-политическим убеждениям не был вторым СТАЛИНЫМ. Также не могла быть полностью сталинистской и его политика. Последняя было лишь «расслабленной иллюстрацией сталинизма». Гайки закрутили, но не сильно. Даже Н.С. Хрущева не расстреляли, а только посадили под домашний арест. А.И. Солженицына выслали в США, А.Д. Сахарова отправили в Горький и т.д. Существенной частью «Брежневского застоя» стали очевидные негативы (Был хорошим лидером, но засиделся – 18 ЛЕТ У ВЛАСТИ). Как известно, к середине 1980-х годов в СССР окончательно потерпели неудачу все попытки как-то завершить социалистическую модернизацию и начать переход к высшей фазе коммунистической формации.

Поэтому закономерным результатом загнивания нежизнеспособной модели советского социализма стало избрание новым лидером страны не московского партийного лидера Виктора Гришина, но молодого реформатора М.С. Горбачёва, который в марте 1995 г. инициировал известную «горбостройку», дававшую какие-то шансы на эволюционную трансформацию этой системы в более жизнеспособную модель формационного устройства, например, китайскую. Этому способствовали не только внешние и внутренние факторы (проигрыши вгонке вооружений с Западом, кульминация системно-патологического кризиса советской модели социализма и др.), но и так называемый «негативный консенсус», сложившийся в общественном мнении, выразившийся в убежденности народного большинства в том, что «так больше жить нельзя», включавшего желание радикальных перемен.

От нездадшегося ускорения социально-экономического развития страны (1985-1986 гг.), Горбачев пришел к масштабной перестройке всей системы советского социализма (1987-1990 гг.). А, в конце концов, с началом политики-правовой реформы, после выборов съезда Народов в 1989 г. взял курс на «революционное обновление социализма и переход к скандинавской модели советского социума», но при сохранении руководящей роли КПСС. При этом технократы, по примеру Н.С. Хрущёва, исключили из арсенала средств демократической модернизации такой репрессивный ресурс, как государственно-административное насилие и тоталитарный ТЕРРОР. В формационном отношении «Горбостройка» стала закономерным и неизбежным финальным актом эволюции советского социализма, который к этому времени окончательно изжил себя как социальная формация и достиг кульминационной стадии своего загнивания.

К сожалению, Горбачёв не пожелал изучить, усвоить и перенести на нашу почву опыт постмаистской модернизации Китая по теории ДЭН Сяопина, который начал в КНР свои реформы с правильного конца – с социально-экономических перемен при сохранение стержневого ядра политической системы – КПК, твердо контролировавшей положение дел

в китае. Поэтому «Горбостройка» после исключения из Конституции статьи № 6 о «руководящей и направляющей роли КПСС как ядра политической системы советского общества», опиравшаяся только на учрежденный Горбачевым институт Президентства, с самого начала так и не задалась!

В результате сегодня, если коммунистический Китай процветает и продолжает динамично развиваться и дальше под руководством КПК и его авторитетного лидера СИ Дзинпина, то Россия потерпела беспрецедентное для нашей страны колапсирование обреченной на летальный исход социалистической формации (другой в природе не существовало и не существует) с последующим сознательным демонтажем союзного государства группировкой бывших вторых лиц СССР - лидеров союзных республик во главе с Б.Н. Ельциным. И если колапсирование обреченной на летальный исход социалистической формации было неизбежным, ибо все экстенсивные факторы её развития были исчерпаны до дна, а интенсивных - не просматривалось, то Союзное государство могло бы выстоять, не будь нежелания Ельцина объединить силы с Горбачевым для проведения назревших рыночных преобразований по китайскому примеру.

К тому же стоит подчеркнуть, что сознательный демонтаж союзного государства был проведен ещё и по воле Коллективного Запада и Глобального гегемона (КЗ и ГГ). Они не желали повторения в России успешного опыта китайской модернизации, поскольку никому из них не был нужен был второй Китай с огромной российской территорией. И поэтому западные лидеры всячески подстрекали Ельцина и компанию глав союзных республик к скорейшему развалу Союзного государства. Не случайно, поэтому 08.12.1991 сразу после подписания в «Беловежской Пуще» документов о денонсации Союзного договора (от 30.12.1922 г.), Ельцин прямо из Беловежской Пущи позвонил Дж. Бушу (Старш.) и доложил об исполнении «кузаковки» об упразднении СССР.

25 декабря 1991 года произошло не только окончательное колапсирование загнивающей модели советского социализма, но и совершен распад, а точнее - сознательный демонтаж союзного государства. Одновременно завершилась и социалистическая фаза модернизации страны, на смену которой пришла новая – постсоветская фаза глубинных преобразований. Открылся очередной (третий по счёту в XX веке) переходный период, основным содержанием которого стало продвижение к совершенно иной, чем советский социализм, общественно-экономической формации, причём, отдельно и на дистанции от всех других стран СНГ. Формационный вектор дальнейшего развития страны претерпел коренное изменение.

Под давление Коллективного Запада и США Ельциным и младореформаторами был избран САМЫЙ провальный проект модернизации на основе «Гайдарошоктерапии», начатой «младореформаторами» 2 января 1992 г., включившей в себя также «чубайсовскую приватизацию», расстрел «Белого дома России» 4 октября 1993 г., Чеченскую войну (1994 – 1996 гг.), дефолт 17 августа 1998 г. и многое другое.

В отношении периодизации уместно выделять четыре основных этапа постсоветской модернизации, имеющие общее формационное содержание, но отличающиеся с точки зрения влияния ЧФ на политику.

Речь идет, во-первых, о ельцинском этапе «демократического транзита и вестернизации России» (1992-1999);

во-вторых, о начавшемся 31.12.1999 г. путинском периоде, включающем в себя этап «авторитарного отката» (2000-2008);

в-третьих, об этапе политической «разморозки и правящего тандема» в условиях президентства Д.А. Медведева (2008-2012);

наконец, о продолжении путинского периода в 2012 г., главным содержанием которого стало воссоединение Крыма и 4 регионов Новороссии с РФ, и продолжающего по настоящее время «собирания земель русских в лоне Великой Руси».

Итак, теперь настала очередь рассказать об особенностях эволюции политических реформ в постсоветской России, которые фактически начались в 1991 г. сразу после Президентских всенародных выборов 12 июня этого года, а де-юре 25 декабря, сразу после выступления Горбя с сообщением о кончине Советского государства и его отставке.

Итак, 25 декабря 1991 года произошло не только окончательное коллапсирование загнивающей модели советского социализма, но и совершен распад, а точнее - сознательный демонтаж союзного государства. Одновременно завершилась и социалистическая фаза модернизации страны, на смену которой пришла новая – постсоветская фаза глубинных преобразований нашей страны. Открылся очередной (третий по счёту в XX веке) переходный период, основным содержанием которого стало продвижение к совершенно иной, чем советский социализм, общественно-экономической формации, причём, отдельно и на дистанции от всех других стран СНГ. Формационный вектор дальнейшего развития страны претерпел коренное изменение. Данное обстоятельство не в последнюю очередь стало причиной непонимания ее инициаторами ориентиров и стратегических целей начатой системной трансформации советского социализма в новую общественно-экономическую формацию. В условиях этого нового переходного периода не было ясности в вопросе о том, есть ли шансы на основе информационно-технологической модернизации общества совершил продвижение к национальной модели супер-технотронной формации постиндустриального типа с социальным рыночным хозяйством, правовым социальным государством и полнокровной демократией с современным гражданским обществом и т.д.

В конечном итоге, под давление Коллективного Запада и США был избран самый провальный проект модернизации на основе «Гайдарошоктерапии», начатой «младореформаторами» 2 января 1992 г., включившей в себя также «чубайсовскую приватизацию», расстрел «Белого дома России» 4 октября 1993 г., Чеченскую войну (1994 – 1996 гг.), дефолт 17 августа 1998 г. и многое другое.

Итак, со 2 января 1992 г. в России открылся первый этап постсоветской модернизации, начатый так называемыми «демократами-младореформаторами» под руководством Б.Н. Ельцина, который принято считать временем безудержной вестернизацией и выращивания периферийной модели криминально-олигархического капитализма под прикрытием «имитационной демократизации или демократического транзита». Чтобы не быть голословным следует уточнить, чем настоящая демократизация отличается от «демократического транзита». В современной политико-социологической литературе термин «демократический транзит» в отличие от демократизации определяется как процесс не всегда позитивных политических преобразований в обществе, поэтому не предполагающий обязательный переход к реальному демократическому режиму с развитой совокупностью демократических политических институтов и практик. В отличие от названного транзита, демократизация есть политический процесс, закономерным результатом которого выступает формирование режима реальной демократической государственности и появление официальных и гражданских демократических институтов, практик и ценностей, включая также их неуклонное укоренение и обязательную консолидацию демократии.

В постсоветской России была взята на вооружение и начала осуществляться 2 января 1992 года провальная для страны стратегия постсоветской вестернизации на основе «Гайдарошоктерапии». С этого момента начался этап радикальных социально-экономических реформ 1990-х годов, на смену которому в конце 1999 года пришел этап стабилизации выращенной «младореформаторами» новой общественно-экономической формации, продолжавшийся до начала 2008 года, окончание которого (этапа) совпало с началом глобального финансово-экономического кризиса, стартовавшего в США после обрушения их финансовой системы.

Совокупным результатом эволюции страны на этом отрезке стало допятое движение страны вниз и обратно по формационной лестнице: от советского социализма к

выращенному в середине 1990-е годов и укоренившемуся в канун Миллениума такому «мутанту информационного устройства», как криминально-олигархический периферийный капитализм. По справедливому утверждению академика Г.А. Осипова, младореформаторы вырастили общество, к которому никто не стремился и которого никто не хотел. Фигурально выражаясь, на разработанной К. Марксом «информационной лестнице» этот мутант занял ступеньку, находящуюся значительно ниже даже советского развитого социализма, ибо этот информационный мутант представлял собой сырьевой периферийный придаток развитых стран постиндустриального мира.

Базисные структуры этой системы были заложены в 1992 году в результате, прежде всего, деструктивных действий Ельцина, который выступил в роли настоящего терминатора советского социализма и, главным образом, союзного государства, которое сильно мешало не только ему, сколько его заокеанским кураторам!!! Ну а так называемая постсоветская модернизации страны происходила на основе гайдаро-чубайсовских рецептов, в письменной форме передававшихся из посольства США в Правительство РФ в 1992 г., что в это самое тяжелое кризисное время привело к весьма плачевным социально-экономическим результатам уже в конце года. Так, только инфляция в этом году по официальным данным составила 2950%. Именно в условиях данного этапа был также заложен материальный фундамент нарождавшегося классово-антагонистического общества криминально-олигархического капитализма, а также системы «нового президентского самовластия», которая, обладая некоторыми признаками демократии, не являлась демократической по своей сути. К этому режиму Б.Н. Ельцин шел через обострение конфликта с российским парламентом по вопросу о содержании рыночных реформ и модернизации.

Итак, после кончины советского социализма и одновременного сознательного демонтажа Союзного государства Ельциным и младореформаторами с 25 декабря 1991 по 4 октября 1993 начал осуществляться незадавшийся перехода Российской Федерации от советской модели к парламентско – президентской республике, в которой по конституции России съезд народных депутатов - парламент страны являлся высшим органом государственной власти в стране, а президент был всего лишь высшим должностным лицом и главнокомандующим. В этих условиях депутатский корпус при обсуждении стратегии модернизации в большинстве своем выступал за градуалистский (постепенный) сценарий реформирования страны под контролем парламента. Б.Н. Ельцину и младореформаторам это не подходило, ибо связывали их по рукам и ногам в проведении приватизации и других преобразований по вашингтонским указывкам. Возник конфликт между так называемыми «демократами-младореформаторами» под руководством Б.Н. Ельцина и здравомыслящим большинством депутатов Парламента, к которым примкнул и вице-Президент России генерал Руцкой. Попыткой мирного урегулирования этого конфликта стал референдум о доверии к Б.Н. Ельцину, инициированный и проведенный парламентом под руководством Руслана ХАСБУЛАТОВА. 25 апреля 1993 года своим волеизъявлением граждане России в целом с минимальным перевесом (в рамках арифметической погрешности) всё-таки поддержали Ельцина и его как бы реформы.

После референдума противостояние Перлигоса (Первое лицо государства) с политической оппозицией вступило в стадию открытой конфронтации, вылившуюся в противоборство основных институтов законодательной и исполнительной власти и фактическое повторно (после 1917 г.) возникшее во всей стране двоевластие. Эта борьба обострилась после издания Ельциным 21 сентября 1993 года противоречившего Конституции России указа № 1400, согласно которому были распущены Съезд народных депутатов и все другие органы законодательной и представительной власти, приостановлено действие Конституции - Основного Закона страны, на которой он давал торжественную клятву президента, назначены выборы нового парламента (Государственной Думы) и референдум по новой Конституции России. На эти меры

оппозиция ответила попыткой отречения Б.Н. Ельцина от власти, вследствие чего политическая конфронтация и двоевластие вылились в настоящую мини-гражданскую войну в центре Москвы 3-4 октября 1993 года. в результате применения военной силы президентская сторона сумела одолеть оппозицию и приступила к ликвидации зачатков нарождавшегося парламентаризма и, в первую очередь, парламентско-президентской республики, открывавшей перед страной путь дальнейшего цивилизованного развития.

После октябрьских событий 1993 года, в особенности после выборов 12 декабря новой Государственной Думы и референдума по новой Конституции ситуация в России начала меняться. Новый Основной закон предоставил стране возможность совершил прорыв в политико-правовом отношении. Поскольку согласно Конституции Россия декларировалась как «светское, федеративное, социальное, демократическое и правовое государство с республиканской формой правления», в котором предусматривается регулярное переизбрание и обновление власти на все уровнях, постолку появлялись не только надежды, но и некоторые нормативно-правовые ресурсы для осуществления демократической модернизации в стране. Во исполнение принципов новой Конституции, Правительство под руководством В.С. Черномырдина разработало в 1996 году и начало исполнять беспрецедентную по масштабам «Программу социальных реформ в России на период до 2000-го года». Оно приступило к структурной трансформации «формационного мутанта криминально-олигархического рынка» и другим мерам по демократизации и социализации российского государства. Появился шанс на эволюционные преобразования еще не укоренившегося криминально-олигархического капитализма в более современную и цивилизованную формационную систему. Однако этому шансу не было суждено исполниться.

К сожалению, свою негативную роль в развитии страны в этот период сыграли 1-я Чеченская война, начатая Ельциным Б.Н. 11 декабря 1994 г. и закончившаяся подписанием унизительного Хасавюртского соглашения в августе 1996 г. (Фактически это был Акт о капитуляции большой России перед маленькой мятежной дудаевской Чечней). В этих условиях началась подготовка ко вторым президентским выборам, проведенным в два тура (16 июня и 3 июля 1996 года) при активном финансовом участии так называемой «семибанкирщины» (Березовский, Ходорковский и др.). Б.Н. Ельцин как бы выиграл, опередив Зюганова в полтора раза, остался на второй срок, но из-за ухудшения здоровья отошел от государственных дел. За его спиной на основе «семибанкирщины» была сформирована одиозная президентская «семья», при активном участии которой продолжилось ускоренное формирование криминально-олигархического капитализма. Наряду с этим был отстроен «демократический по форме, но авторитарный по содержанию политический режим», которому сильно мешал глава правительства В.С. Черномырдин, в планах которого ельцинская «семья» усмотрела угрозу их интересам и своему монопольному господству. 21 марта 1998 г. был издан указ перлыгоса Ельцина об отставке всего кабинета. началась «кадровая чехарда со знаменитыми кадровыми загогулинами Ельцина», связанная с поисками преемника главы государства. В ходе поиска на эту роль сначала был апробирован С.В. Кириенко, который довел страну 17 августа 1998 г. до известного «дэфолта» и поверг ее в глубочайший финансово-экономический кризис. После отставки С.В. Кириенко по предложению демократической оппозиции на роль «антантикризисного менеджера» был избран авторитетный политический «тяжеловес» академик Е.М. Примаков. Он не только совершил в знак протеста против начатой Натовской военицией варварской бомбардировке Югославии, знаменитый «разворот над Атлантикой» в феврале 1999 году, но и сумел стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране. Особенно знаменательно то, что Е.М. Примаков предложил единственную за весь период ельцинского правления и по настоящему научно-обоснованную программу трансформации криминально-олигархического капитализма в конвергентную социальную систему, вбирающую в себя все позитивные завоевания советского социализма и такие

достижения мировой цивилизации, как социальное рыночное хозяйство, социально-правовое государство и др.

И на этот раз «семья» отвергла последний шанс коренным образом развернуть вектор информационного развития России и прорваться на более высокую ступень «информационной лестницы». После отставки Е.М. Примакова 12 мая 1999 г. парламентская оппозиция в знак протesta против этой отставки организовала 15 мая в Госдуме голосование по импичменту Б.Н. Ельцина. Но не смогла собрать нужное число голосов депутатов (десяток с небольшим голосов). Тогда было принято решение избрать на роль ельцинского преемника С.В. Степашина, находившегося 82 дня во главе правительства по 9 августа 1999 г., но не оправдавшего связанных с ним ожиданий. По инициативе «серого канцлера семьи Ельцина» Б.А. Березовского его бесцеремонно отправили в отставку и выбрали на роль преемника В.В. Путина для обеспечения своего выживания.

Уже 31 декабря того же года после «Добровольной» отставки Б.Н. Ельцина он получил полномочия главы государства и в своей программной статье «Россия на рубеже тысячелетия», обнародовал знаменитый «План Путина». Он прямо заявил, что связывает будущее страны с прорывом к национальной модели постиндустриального общества, включая формирование социального рыночного хозяйства, построение суверенной модели демократического, социального и правового государства, современного гражданского общества и настоящей многопартийной политической системы. После закрепления своего статуса на президентских выборах в марте 2000 года он приступил к реализации заявленной стратегии, к сожалению, до сих пор в полной мере не реализованной. Правда, этому имеются многочисленные объективные и весьма негативные причины и обстоятельства, среди которых и Глобальный финансово-экономический кризис 2008 г., и жесточайшие санкции стран КЗиГГ, наложенные на страну в 2014 году после воссоединения Крыма с Россией и, в особенности, принятые ими санкционные меры в 2022 году после начала известной Специальной Военной Операции (СВО) 24 февраля прошлого года и воссоединения с РФ четырех регионов Новороссии (ЛДНР, Запорожская и Херсонская области) в сентябре этого же года.

Итак, на путинском этапе постсоветской модернизации в России в «нулевые годы» была восстановлена традиционную модель управления страной, в котором для укрепления национального единства используются образы вполне реальных иностранных врагов. В течение двух первых сроков своего президентства (200-2008 гг.) В.В. Путин «нарезал» федеральные округа, во главе которых назначил лояльных ему полпредов, «равнодушил» олигархов от власти, показательно наказал М.Б. Ходорковского, отменил выборность членов Совета Федерации России и глав субъектов федерации (2004 г.), «усовершенствовал» электоральное законодательство о референдуме и выборах в законодательные и представительные органы власти, осуществил переход к пропорциональной системе избрания депутатов (по партийным спискам) и др. Наряду с этим он укрепил с помощью вертикали исполнительной власти и режим президентской власти. В Госдуме утвердилось монопольное господство пропрезидентской партии «Единая Россия», фракция которой ныне по результатам думских выборов 17-19 декабря 2021 г. насчитывала более двух третей депутатского корпуса. В федеральном и региональных парламентах вместе с партией власти находились еще четыре партийные фракции: КПРФ, ЛДПР и Справедливая Россия, включая «Новых людей» (С 2021 г.). Партия «Единая Россия» регулярно образует самую большую фракцию в парламенте всех созывов.

В информационном отношении совокупным результатом исполнения «плана В.В. Путина» в «нулевые» годы стало не только становление бюрократической составляющей в российской модели государственно-бюрократического капитализма, но и его стабилизация, а также известное укоренение этой модели. Речь идет об существенно выросшем влиянии бюрократии на социально-экономическое развитие страны. В этих условиях в мае 2008 года Президентом России был избран Д.А. Медведев, деятельность которого в рамках правящего

«тандема» вплоть до 2012 года частенько называют «третьим президентским сроком В.В. Путина».

Молодой «преемник» не только заявил о том, что «свобода лучше несвободы», но также инициировал издание и введение в действие закона о противодействии коррупции, реформировал милицию в полицию, начал гуманизацию уголовного законодательства и др. Более того, в своей статье «Россия, вперед!», вышедшей в свет в сентябре 2009 года, он выдвинул идею «системной модернизации российского общества на принципах Конституции и ценностях демократии». По его мнению, настоящая модернизация страны должна быть направлена на расширение социального пространства свободы, «чтобы отдельная жизнь была под охраной государства, чтобы основные права и свободы были защищены этим государством». Эти идеи он повторил и в своей речи на XII съезде партии «Единая Россия» (24.09.2011 г.), а также в своем заключительном послании к Федеральному собранию в декабре 2011 г., в которых подчеркивал, что важнейшим приоритетом политической стратегии уходящего президента было и остается доведение до логического завершения системной модернизации страны и прорыв к национальной модели постиндустриальной формации.

Но дело так и не дошло до полного практического воплощения реформаторских планов «преемника» и настоящей системной модернизации страны, предусматривающей преобразование существующей модели капитализма в современное цивилизованное общество. Поскольку поставленные в стратегии прогрессивные цели могут быть достигнуты только при условии прорыва к качественно новой общественно-экономической формации постиндустриального типа, поскольку остается уповать на завершение «Путинского плана» после окончания СВО. Именно в таком обществе на смену нынешней экономической модели придет социальное рыночное хозяйство, а «вертикаль» исполнительной власти трансформируется в демократическое социально-правовое государство. Так что пока можно отметить имевшую место в условиях его президентства известную «политическую разморозку» страны, породившую многочисленные надежды и некоторые ожидания в сознании определенных кругов российского общества. В подтверждение этого предположения стоит упомянуть, что сам В.В. Путин в рамках своей предвыборной президентской кампании 2012 г. говорил том, что «необходимо по-другому выстраивать общество, укреплять политическую систему, расширять базу демократических институтов, модернизировать все стороны нашей жизни – и политическую, и экономику, и социальную сферу».

Вместе с тем инициированная Д.А. Медведевым «политическая разморозка» российского общества за короткое время вызвала неоднозначные подвижки в социуме и тренды в правящем политическом классе, бизнес-сообществе и других сегментах общества. Он в известной мере «разворочил муравейник криминально-бюрократической системы», ущемил и даже дезорганизовал их привычный образ жизни. Началась известная фрагментация правящего политического класса и бизнес-элиты, а в результате разгула «болотной стихии» на горизонте замаячила перспектива их раскола и появления предпосылок для формирования новой контроллы.

Однако народное большинство не только в провинции, но и во многих крупных городах испытало испуг перед «Болотной стихией», обеспокоилось судьбами хрупкой «путинской» стабильности, которая в любой момент могла быть утрачена и привести к неопределенности и дестабилизации в обозримом будущем. К 2012 году в общественном мнении созрел запрос на обуздание «болотной стихии» и восстановление стабильности и предсказуемости, ответом на который стал объявленный Президентом России В.В. Путиным курс на «закручивание гаек».

Итак, к марта 2012 г. в общественном мнении Россиян созрел запрос на обуздание «болотной стихии» и восстановление стабильности и предсказуемости, ответом на который стало избрание В.В. Путиным Президентом России. Он сразу же взял курс на «закручивание

гаек» и восстановление стабильности. Ситуация в стране стала успокаиваться. «Болотная стихия» пошла на убыль и, в конце концов, сошла на нет. В это же время на Украине активизировались бандеро-фашистские силы, которые под непосредственным руководством и при прямом участии коллективного Запада под началом глобального гегемона (КЗ и ГГ) организовали и сумели совершить 22 февраля 2014 г. государственный переворот и свергнуть безвольного президента В. Януковича.

Хотя за день до этого 21 февраля в Киеве при участии Министров иностранных дел ФРГ, Франции и Польши состоялось подписание соглашения Президента В. Януковича с лидерами майдановской оппозиции А. Яценюком, О. Тягнибоком и В. Кличко об урегулировании их конфликта и поэтапной передачи власти новым лидерам на основе досрочных парламентских и президентских выборов. Но увидев бессилие и малодушие В. Янукович, радикалы с «Майдана Незалежности» не стали ждать и с ведома КЗ и ГГ пошли в атаку, надеясь на то, что «vae victis (горе побежденным), а победителя не судят». Но это была только мнимая «пиррова» победа, в рамках которой подтвердилась истина о том, что «Достойное поражение — во сто крат ценнее сомнительной победы!».

В результате в России за эти годы во исполнение «Плана Путина» состоялось воссоединение Крыма и четырёх регионов Новороссии с Россией, на которое Запад ответил жесточайшими санкциями (25000), усугубившими ситуацию в стране, но не сломившими нас. Также свою роль в ухудшении ситуации в стране сыграла экономическая рецессия 2014-15 гг., обусловившая девальвацию рубля, всплеск инфляции, падение уровня жизни населения и др. Но ожидавшейся западными политики дестабилизации в России или, тем более свержения Путина, - не произошло!!!

Более того к началу двадцатых годов ситуация в стране улучшилась. В итоге 1 июля 2020 г. в результате проведения Всероссийского голосования по поправкам в Основной Закон началась масштабная конституционная реформа. Согласно официальным данным при явке 65%, - «за» поправки проголосовало 78 % от участвовавших в референдуме. В реальности же голосование стало референдумом не только по фактически Новой (Путинской) Конституции, но и плебисцитом о доверии к Главе государства и его политике. При этом не будет преувеличением утверждать, что благодаря поправкам существенно укрепился характер Конституции как Основного Закона светского, федеративного, социального, демократического и правового государства. результаты голосования дали В.В. Путину карт-бланш на продолжение постепенных системных преобразований без всяких потрясений.

В этом отношении уместно напомнить известную истину о том, что Россия, как никакая другая страна, привержена «сквозной» логике властовования, в контексте которой, как показало нынешнее президентство В.В. Путина, на смену недолгим периодам «оттепелей», «политических разморозок» и другим либерально-демократическим новациям неизменно приходит возврат к более привычной для граждан модели правления. Последняя в гораздо большей мере релевантна культурно-историческим (самодержавным) традициям нашей страны, менталитету россиян и обладает более весомым потенциалом для поддержания стабильности общества, управляемости государства из единого центра и гарантирует людям стабильность и предсказуемость!!!

Отдельно стоит сказать о Специальной Военной операции (СВО). В начале 2022 года «Коллективный запад» под руководством «Глобального гегемона» (США) подошел к финальной части своей стратегической операции по превращению Украины в «Анти-Россию». В январе-феврале того же года в пятьдесят раз усилились провокационные обстрелы украинскими войсками территории Луганской и Донецкой народных республик. В сложившейся ситуации руководство ЛДНР обратилось за помощью к Президенту В.В. Путину. Глава Российского государства по согласованию с Советом Безопасности и Федеральным Собранием РФ принял историческое решение о признании суверенитета этих республик, их воссоединении с родиной и проведении специальной военной операции по

защите проживающего в них мирного населения. В ответ «К3 и ГГ» многоократно увеличили финансовую и военную поддержку преступного Киевского режима.

Предпринятый Россией 24 февраля превентивный шаг, привел к смене генерального вектора эволюции всей Современной Эпохи, которая из однополярной начала превращаться в многополюсную систему, в которой не должно быть диктата «Глобального гегемона» и «Коллективного запада» в целом. Последние, объединив в своих рядах около 70 стран мира, руками Зеленского повели против России «гибридную Прокси-войну» (Война по доверенности или на чужой территории руками местной власти). В ответных действиях России воплотилось позитивное влияние российского руководства на реальную Мировую политику и современную эпоху. содержание последней (эпохи), по словам В.В. Путина, сказанным на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 Г., стало меняться под влиянием главного противоречия нынешней эпохи. речь идет о том, что ныне «Запад не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается делать это. И в этом состоит главное противоречие новой мировой эпохи», открывшейся после начала СВО на Украине. В ходе операции началась масштабная демилитаризация и денацификация Украины, в рамках которых на стороне Киевского режима выступили США и другие страны мира. развернулась, как уже отмечалось выше, необъявленная «гибридная прокси-война» с Россией на всех фронтах: военно-техническом, финансово-экономическом, политическом, информационном, инфраструктурном и др. Минские соглашения при этом западными лидерами были преданы забвению. Наряду с этим страны КЗиГГ с целью истощения и дезорганизации нашей страны обложили Россию тысячами различных санкций (Более 25000), которые не были поддержаны Советом Безопасности ООН. С этого началась не только новая Мировая эпоха, содержанием которой стало утрата США роли единоличного правителя современного мира - «Глобального гегемона», но и настоящая «Национально-освободительная борьба нашего народа за суверенитет страны» (В.В. Путин).

«Без русских как этноса, без русского народа нет и не может быть Русского Мира и самой России. Русский Мир – это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас, это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, СССР, современное российское государство, которое возвращается на мировую арену в качестве авторитетного политического актора, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая супердержава. Русский Мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры, независимо от национальной или религиозной принадлежности. наша битва за суверенитет и справедливость в международных отношениях носит национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, поскольку без суверенной, сильной России никакой прочный, стабильный миропорядок сегодня невозможен. поэтому мы сражаемся сегодня на полях СВО за свободу не только России, но и всего мира. диктатура одного глобального гегемона дряхлеет и пошла вразнос и стала просто опасна для всех нас» (В.В. Путин).

В полной мере сказанное подтвердили результаты Саммита ШОС, прошедшего в КНР 1 сентября 2025 г. накануне празднования 80-летия победы СССР и КНР во Второй мировой войне над империалистической Японией. В результате принятых решений фактически наступает конец однополярному миропорядку под руководством Глобального гегемона (США). На смену ему реально приходит реальный многополярный миропорядок, в котором основными полюсами влияния становятся Россия, КНР, Индия и США. Понимая этот тренд, Дональд Трамп пошел на активное сближение с Россией во время встречи с ним на Аляске в августе 2025 г., желая любой ценой «застолбить» в новом миропорядке лидирующую роль США. Насколько это он сможет сделать покажут события, развивающиеся на фронтах СВО, а также дипломатические усилия России и КНР.

1.3. Историко-медийные смыслы интеграции высшего образования новых регионов РФ: вызовы современности

Марьина Людмила Петровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Новизна темы форматов интеграции современного общества актуализирует феномен формирования и вхождения идеологии журналистики новых регионов РФ в систему социальных институтов российского общества. Слабая теоретическая разработанность данного явления, отсутствие разработанной теоретической базы формирует обширное поле для научно-исследовательской деятельности по выявлению особенностей динамики журналистского образования и профессиональной деятельности журналистов новых регионов России.

Важно определить современные подходы к понятию «интеграция» – социальное, системное и экологическое. Понимание системной интеграции представлено в классических социологических концепциях: у К. Маркса (экономика как базис системной интеграции общества), К. Поланви (экономическая система как среда кризиса общественного порядка), М. Вебера (современное общество находится в системной интеграции). «Современное общество порождает новые системно-интегративные проблемы, что снижает степень обращения к классическим подходам системной интеграции в настоящее время. Инвайронментальное измерение интеграционных процессов претендует на высокую степень новизны в связи с тем, что потенциал экологических кризисов (Ю. Хабермас) сформировал «общество риска» (У. Бек). Инвайронментальное измерение интеграции означает, что современное общество зависит от ограниченных ресурсов, создаваемых естественным или искусственным путем. Именно такие ситуации формируют новые риски инвайронметальной интеграции в формате ре- и интеграционных практик. Социальная интеграция – это измерение интеграции, которое присутствовало и в классических, и в современных интегративных концептах»³⁰.

Современные учёные считают, что интеграция многоаспектный процесс, включающий цивилизационные основания, системные эффекты и инвайронментальную среду, социальные трансформации идентичности и ценностного пространства, структурные изменения социальных институтов. Идентичность трактуется как социокультурный механизм социализации принятия индивидом социальных ролей, усвоения социокультурных образцов и моделей поведения (Ч. Кули, Дж. Г. Мид, Т. Парсонс, И. Гофман). Для понимания динамики журналистского образования и профессиональной

³⁰ Ярмак О. В. Интеграция новых регионов в российское общество: социологический анализ, пересборка социальных пространств (на примере Республики Крым и города Севастополь). СПб, 2023. С. 118-119. URL: <https://dissert.spbu.ru/zashchita-uchenoj-steperi-spbgu/1010-yarmak-olga-valerevna.html?ysclid=m4qx7pgnak956334513>

деятельности журналиста актуален анализ таких видов идентичности: профессиональная, этническая, культурная.

В данном научном поле идеология журналистики как научной дисциплины, образования и профессии включена в социокультурную динамику общества, трансформируя ценности, историческую память, идентичность и коммуникационный арсенал общества. уровнях); структурного (изменение структуры правительства, процессов принятия решений, уровней ответственности, трансформация социальных институтов); инвайронментального (ситуация в области безопасности, доступ к ресурсам) факторов.

Становится очевидным, что социальная интеграция общества осуществляется через поиск своей идентичности и включенность в культурные общности, имеющие религиозные, мировоззренческие, этнические и иные основания. В этом процессе приоритетны позиции как профессионального образования и профессии осуществляющих ведущие виды социализации. Описывая цивилизационные интегративные процессы, необходимо обратиться к концепции «столкновения цивилизаций» социолога С. Хантингтона, который считает, что социальная интеграция формируется на основе конфликтного цивилизационного потенциала. Культурные и цивилизационные конфликты могут, с одной стороны, обострять процессы интеграции, с другой стороны, способствовать возникновению реинтеграционной характеристики консолидаций через возвращение к цивилизационным основам. Используя подход С. Хантингтона можно сказать, что цивилизационная миссия России становится значимой в фокусе евразийской интеграции, в основе которой лежит феномен идентичности, выражющейся как социокультурный коллективный тип, как форма культурно-исторического самосознания³¹. Безусловно, классические социологические теории интеграции, применяются сегодня. Однако современное общество породило новые системно-интегративные проблемы, одна из которых интеграция журналистики в конфликтных регионах.

В России интеграционные концепции были сформулированы под влиянием цивилизационно-исторического подхода к интеграции - теории культурно-исторических типов, евразийства и неоевразийства. Отдельное внимание заслуживает отечественная классическая концепции, без которой невозможно определить основания интеграционных процессов, - теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, согласно которой, все культурно-исторические типы равнозначны в силу их уникальности и их главной исторической задачей является, прежде всего, развитие самобытных начал: народы, не создавшие государственности и вошедшие в состав какого-либо культурно-исторического типа, увеличивают его разнообразие и богатство, и на определенном этапе могут образовать свой культурно-исторический тип. Данный подход актуален при рассмотрении интеграции новых регионов РФ в российское общество³².

Обращение к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского позволяет выделить ряд оснований цивилизационных интеграций: лингвистическое, политическое, этническое и собственно цивилизационное, что определяет динамику журналистского образования и профессии журналиста в новых регионах РФ.

Суть евразийской теории заключалась в интерпретации Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной общности. Евразийство в 1960-1980-е годах (Л.Н. Гумилев) трансформировало Евразию в социогеографическое пространство и особый этнокультурный мир. Современные аспекты евразийства позволяют обосновать цивилизационные основания интеграции Республики Крым и города Севастополь в российское общество, концентрируясь вокруг следующих принципов:

³¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

³² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

- Россия является цивилизационной общностью, возникшей в результате этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада (Л.Н. Гумилев, Б.С. Лавров, И.С. Шишкин);

- евразийство – это идейное противопоставление американскому глобальному мировому порядку многополярного мира (Б.С. Ерасов, И.Б. Орлова, А.С. Панарин, А. Г. Дугин, К.С. Гаджиев, М.Л. Титаренко);

- на территории исторической России необходимо воссоздание единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего интеграции народов Евразии (Э.А. Баграмов, А.Т. Горяев, Б.С. Ерасов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др.);

- необходимо обозначить перспективный для Евразии самостоятельный путь развития, опирающийся на национально-культурные традиции, ценности и традиции.

Расширяет и углубляет данное научное поле идея современного исследователя О. В. Ярмак о систематизации дефиниций категорий интеграции по следующим параметрам: продолжительность процесса интеграции; оказание помощи в разных сферах – экономической, правовой, *культурно-образовательной*, социальной; установление срока переходного периода; обязательный совместный предыдущий социальный опыт. Важно учитывать факторы формирования интеграции такие, как: историческая память (использование прошлых проектов ре- и интеграции); цивилизационный (наличие общих исторических, культурных характеристик); политический (трансформация законодательства на местном, региональном уровнях); структурный (изменение структуры правительства, процессов принятия решений, уровней ответственности, трансформация социальных институтов); инвайронментального (ситуация в области безопасности, доступ к ресурсам). Интеграция понимается как процесс пересборки социальных пространств, имеющий входящие условия – цивилизационные основания, уровни – социальный, инвайронментальный и коммуникативный, исходящие результаты – достижение системных эффектов в виде социальных трансформаций идентичности, ценностно смыслового поля, образа России, создания нового типа солидарности, динамики оценок инфраструктурных изменений³³.

Безусловно, что формирование идеологии журналистики новых регионов осуществляется не только по цивилизационному и культурно-историческому основаниям, но и имеет несколько уровней. Среди них важный для журналистики - социальный, на котором происходит трансформация исторической памяти, смыслов, ценностей и коммуникационный. Современные коммуникативные вызовы информационного общества разрушают накопленный опыт и достижения интеграции как со стороны консолидированного, так и принимающего пространств, и негативно воздействуют на системные эффекты интеграции и достигаемый тип солидарности в обществе, что позволило объяснить воздействие коммуникаций как динамического фактора интеграционного процесса новых регионов РФ.

Изучение социокультурных изменений журналистики как социального института общества позволяет охарактеризовать современную идеологию журналистики в системе профессионального образования и вида деятельности. В контексте профессии журналистика рассматривается как продукт духовной и материальной культуры общества, транслирующий ценности, формирующий историческую память и осуществляющий идентификацию, сопровождается организацией познавательной деятельности. Как институт образования идеология журналистики направлена на формирование профессиональных компетенций, аксиологических установок социокультурных коммуникаций. Глобальные технологии меняют формы коммуникации, ориентируют

³³ Ярмак О. В. Интеграция новых регионов в российское общество: социологический анализ, пересборка социальных пространств (на примере Республики Крым и города Севастополь). СПб, 2023. С. 118-119. URL: <https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/1010-yarmak-olga-valerevna.html?ysclid=m4qx7pgnak956334513>.

деятельность журналистики на инновации. В данной ситуации приоритетное влияние на формирование идеологических установок общества оказывают средства массовой информации. Освоение методологии образовательных коммуникаций и понимание профессиональной журналистской деятельности целесообразно начать с категориального аппарата, описывающего теоретико-методологическую базу заявленной темы: идеология интеграции, ценностный аппарат журналистской интеграции, идентичность как показатель интеграции, информационный уровень образовательных трансформаций, журналистика как феномен культуры.

Российские социально-гуманитарные научные дисциплины разнопланово исследуют общекультурные процессы, в том числе, и журналистику как часть культуры, транслирующую социально-значимую информацию. Журналистика – это полифоническая социокультурная система, являющаяся «не только порождением определенных культурных потребностей общества, но и отражением конкретных социокультурных условий, ситуаций, процессов, а также фактором формирования, развития и трансформации культурной среды»

В изучении динамики журналистики переплетаются различные теоретико-методологические научные подходы. Интеграционные концепции, которые мы используем, раскрывая сущность идеологии журналистики, расширим гуманитарными теориями углубляющими современную коммуникационную парадигму журналистской деятельности и СМИ как транслятора информации, создающего аксиологическое поле моделей поведения в обществе. В рамках семиотического подхода журналистика может рассматриваться как *знаковая система*, при помощи которой передается социальный опыт, осуществляется идентичность и трансформация ценностей.

Отечественный основатель семиотической концепции культуры Ю. Лотман выделяет следующие функции «текстов» культуры: передача информации, выработка принципиально новой информации, функция культурной памяти.

Таким образом, журналистике принадлежит ключевая роль в системе знаковых средств культуры. В контексте концепции массовой коммуникации Б. Грушин вводит понятие «информационная деятельность»: создание информации, перевод информации из одной знаковой системы в другую, распространение информации, использование хранение и разрушение информации. Под воздействием цивилизационного фактора, geopolитической ситуации современные СМИ – активный транслятор информации, формирующий модели поведения в обществе. А журналистское образование в контексте цивилизационных трансформаций также подвергается изменениям. Будучи посредником между аудиторией и реальностью, средства массовой информации не только обладают возможностью влиять на восприятие реальности, но и могут использоваться для формирования реальности — поскольку способны влиять на поведение людей.

Для исследования идеологических доминант журналистики используем теорию концепта, которую разрабатывали многие исследователи, в частности, большое внимание этому понятию уделял в своих работах Р. Барт, который рассматривал концепт как нечто, содержащее в себе весь смысл и значение культурного мифа³⁴.

Иное понимание концепта предстает перед нами в работах Д. С. Лихачева, С. А. Аскольдова, Ю.С. Степанова. Концепт, по словам этих учёных, возникает в результате соединения словарного значения слов с опытом человека и народа. Источниками концептуальных представлений являются традиции и обычай, литература и фольклор, религия и повседневная жизнь общества. Таким образом в презентации концептов важное место занимает языковая практика, которая изучается, в том числе, как информационное явление. Данная концепция конструктивна в исследовании социальной интеграции журналистского образования и профессии журналиста в полифоничном социокультурном поле Крыма и Донбасса.

³⁴ Барт Р. Мифология // Избр. работы: семиотика: поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 83.

Специфика современных культурных коммуникаций все явственнее демонстрирует, что журналистика занимает особое место в системе материального, духовного и художественного общения. Она далеко неоднородна по своему содержанию, форме, что обусловлено цивилизационными факторами: техногенной составляющей, знанием – приоритетной ценностью современности. В социокультурном пространстве журналист организует духовное общение, формирует политическую, эстетическую, нравственную, экономическую, этическую культуру.

В этом контексте для теории журналистики конструктивна концепция *M. С. Кагана*, в которой исследователь объясняет сущность и динамику культуры тремя модусами: человеческой модальностью (потребности, знания, ценности); деятельностной модальностью (способы человеческой деятельности); предметной модальностью (результаты деятельности).³⁵

Хотя представленная научная концепция философская, но она помогает осмыслить специфику современных культурных коммуникаций и понять идеологию журналистики в системе социальных институтов общества.

Безусловно, методология изучения идеологии журналистики должна быть комплексной и, конечно, необходимо руководствоваться различными научными парадигмами. Только объединение усилий различных социально-гуманитарных и естественных научных дисциплин позволит исследовать журналистику как феномен современной культуры, агент социально-ролевого воздействие журналистской деятельности (образовательной и профессиональной) на общество, формирующий идеологические доминанты общества, которые порождают реальные изменения в социуме, реализуясь в соответствующих видах и формах человеческой активности.

Сегодня журналистика как ведущий агент социализации и культурный феномен осуществляет моделирование социокультурного пространства, продвигает современные ценности, формирует стиль жизни. Поскольку журналистика транслирует информацию о различных сферах жизнедеятельности людей, динамика которой обусловлена внешними и внутренними факторами, то в гуманитарной науке существует необходимость в выделении критерии для анализа специфики формирования идеологической концепции журналистики как образовательной системы и профессиональной таких, как: географический, исторический, экономический, политический, религиозно-конфессиональный, культурный, коммуникационный.³⁶

Анализ интеграции журналистского образования и профессиональной деятельности журналиста новых регионов РФ в заявленном концептуальном контексте целесообразно проводить по следующим направлениям:

- историческая память как основа цивилизационной интеграции;
- идентичность и ценностное поле как показатели социальной интеграции;
- коммуникационный уровень интеграции.

Таким образом, новые технологии обучения журналистике в вузах Симферополя и Севастополя – это образовательный продукт конкретных специалистов, теоретиков и практиков в сфере журналистики и медиакоммуникаций. Ролевая идентификация преподавателей, личностный фактор профессионального журналистского образования реализуются в новых реалиях, но при этом учитывается опыт постсоветского периода и современные стратегические планы развития Крымского полуострова, запросы медиарынка.

Современные интеграционные процессы приводят к консолидации обществ, которые имеют схожую идентичность, лингвистическую близость, geopolитические

³⁵ Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. СПб.: Изд-во «Петрополис», 2003, Кн. 1. С. 44.

³⁶ Блохин И. Н., Корконосенко С. Г., Хубецова З. Ф. Научно-образовательные приоритеты в журналистском образовании // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8. С. 149 – 166. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=35605890>

изменения. Динамика социокультурной среды Республики Крым и Севастополя предполагает анализ трансформации журналистского образования с точки зрения трех принципов: национальной идеи; наличия общей исторической судьбы у народов постсоветского пространства; формирования российской идентичности через отражение полистничного и поликонфессионального характера постсоветского пространства³⁷.

Идеология социальных институтов образования новых регионов РФ формируется в результате трансформации коллективной памяти, идентичности и ценностно-смыслового поля жителей Крыма. Новый подход к пониманию социального уровня интеграции обусловлен не только значимостью воссоединения Республики Крым и Севастополя с Россией, но и разностью становления ценностных ориентаций у людей разных поколений и разной этнической принадлежности в различных исторической и социокультурной средах. Инкультурация крымчан и севастопольцев до 2014 года находилась в социокультурном пространстве, исторически и цивилизационно связанного с Россией, в котором работали социальные и политические агенты российского влияния. Период аккумуляции проходил после 2014 года, но был дифференцированным в Республике Крым и Севастополе. Конечным результатом процесса социальной интеграции, принятого крымчанами и севастопольцами ценностей, смыслов, символов и образа принимающего — российского — общества выступает групповой уровень интеграции или аккумуляция (национальная, конфессиональная, политическая, социальная и др.)³⁸

Динамика журналистского образования отражает поиск своей идентичности и включенность в социальные институты РФ с учётом приоритета этнокультурного фактора Крымского полуострова, особенностей исторической памяти.

Специфика формирования идентичности жителей Крымского полуострова в новой социально-политической реальности позволяет зафиксировать образование многослойной идентичности жителей полуострова, включающей этническую, религиозную, культурную коммуникацию. Трансформация социальных институтов Крымского полуострова проходит два этапа: инкультурации и аккумуляции. Инкультурация — это процесс, который связывает институты с первоначальным социокультурным контекстом, аккумуляция — форма социального изменения в результате контакта с другими культурами. Инкультурация крымчан и севастопольцев до 2014 года находилась в социокультурном пространстве, которое исторически и цивилизационно было связано с Россией, в котором работали социальные и политические агенты влияния из РФ, в частности, в образовательной среде — Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, в социально-культурный — Московский культурно-деловой центр «Дом Москвы в Севастополе», Русский культурный центр, созданный фондом «Москва-Крым» в Симферополе, в инфраструктурной — осуществлялось строительство музеев с российским участием, школы №8 в Севастополе, участие Москвы в развитии курортно-рекреационного комплекса восточного Крыма, в военно-гражданской — присутствие главной военно-морской базы Черноморского флота ВМФ ВС России в Севастополе. Период аккумуляции формально проходил после 2014 года, но был дифференцированным в Республике Крым и Севастополе³⁹.

³⁷ Закон Республики Крым от 28 декабря 2016 года № «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» № 352 (Принят Государственным Советом Республики Крым). Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁸ Ярмак О. В. Интеграция новых регионов в российское общество: социологический анализ, пересборка социальных пространств (на примере Республики Крым и города Севастополь). СПб, 2023. с.118-119. URL: <https://dissert.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/1010-yarmak-olga-valerevna.html?ysclid=m4qx7pgnak956334513>.

³⁹ Страшко Е. В., Ярмак О. В., Дерюгин П. П., Ярмак В. Е., Астраханцева Е. А. Факторный анализ инвестиционной привлекательности и человеческого капитала регионов с научно-образовательными центрами мирового уровня // Russian Journal of Management. Том 9. Номер 1. с. 171-175. URL: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-171-175>; <https://riopub.com/ru/nauka/article/42636/view>.

Генезис журналистского образования отражает эти процессы. Ролевая идентификация в системе высшего образования как результат социальной интеграции демонстрирует наличие в социокультурном пространстве культурных ценностей российских (федеральных) и региональных (крымских). Данный контент определяет особенности вхождения журналистского образования Крымского полуострова⁴⁰.

Этнические особенности идентичности раскрываются в исследованиях этничности и межнационального согласия, которые являются попытками создания целостной социально-культурной картины интеграции определенной территории, ограничивающейся пространственными параметрами и природно-географическими факторами. Отражением и индикатором консолидационных процессов в межэтническом пространстве является национально-государственная идентичность. Гражданской идентичности включает не только лояльность государства, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм), понимаем, что в идентичности присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений. Дробижева Л.М. образования Крыма отражает данные признаки идентичности в системе профессиональной подготовки специалистов.

Определяющее значение в процессе реализации «исторической политики» в России имело принятие в 2014 году Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории и историко-культурного стандарта, направленных на формирование единого культурно-исторического пространства Российской Федерации⁴¹.

Становление и развитие журналистского образования в Крыму проходит в период радикальных изменений в обществе. И такое значимое геополитическое событие, как воссоединение Республики Крым и города Севастополь с Российской Федерацией, обозначило проблематику формирования нового смыслового и ценностного поля у жителей Крымского полуострова, которое осложняется тем, что ценностные ориентации людей разной этнической принадлежности формировались в различных исторической и социокультурной средах. Становление идеологии журналистского образования отражает эти интеграционные процессы.

При изучении становления журналистского образования, мировоззренческих установок, на которых базируется система подготовки специалистов, мы будем оперировать рабочим категориальным аппаратом социальной интеграции: социальные, коммуникационные компоненты, механизмы идентичности. Идентичность трактуется как социокультурный механизм социализации принятия индивидом социальных ролей, усвоения социокультурных образцов и моделей поведения (Ч. Кули, Дж. Г. Мид, Т. Парсонс, И. Гофман). Этнические особенности идентичности раскрываются в исследованиях этничности и межнационального согласия, которые являются попытками создания целостной социально-культурной картины интеграции определенной территории.

В аксиологических концептах Республики Крым и города Севастополь приоритетны историко-социальная (сохранение традиций и гордость за победы предков), лингвистическая (сохранение родного языка), государственная (получение гражданства России) и гражданская (стремление к социальной справедливости) компоненты. Ключевым элементом в формировании идентичности является знание своих корней. Здесь важным

⁴⁰ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 19 июля 2022 г. № 662 "О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования"

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405299743/?ysclid=lfr5xq4en5851096095> (дата обращения: 07.02.2023).

⁴¹ Нелина Л.П. Концепция единого учебно-методического комплекса по отечественной истории как этап реализации «Исторической политики» в России // Научный вестник Крыма. 2017. №1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-edinogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otchestvennoy-istorii-kak-etap-realizatsii-istoricheskoy-politiki-v-rossii> (дата обращения: 07.02.2023).

являлось понимание влияния институтов семьи и образования. Согласно данным исследователей Севастопольского государственного университета около половины опрошенных студентов вузов Крыма и города Севастополь (46% в среднем за три года мониторинга: 2020-2023 г.г.) историю своей семьи связывает с историей России, собирая свидетельства своих родных (37%) и сохраняя их в архивах (9%). Только 9% опрошенных (средний показатель за три года измерений) узнали о связи истории своей семьи с историей страны благодаря институту образования (выполняли задания во время обучения в вузе)⁴².

В основу исследования специфики идеологии журналистики Крыма положены эмпирические данные исследователей Севастопольского государственного университета. Данный контекст учитывается при формировании учебного плана, задач прохождения профессиональной практики. Так, интервьюирование обучающихся бакалавриата направление «Журналистика» 2020-2024 г.г. подтверждает гипотезу преобладания следующих ценностей: семья, знание, этнокультура, гражданская принадлежность. Современные механизмы презентации памяти, процесс трансформации мемориальных символов приводят к пониманию памяти как инструмента конструирования идентичности человека. Историческая память – это, по сути, способ конструирования людьми своего прошлого, и поэтому она изучается через свидетельства людей, переживших некий коллективный опыт, через медиа. Данный нарратив разделяет исследователь Санкт-Петербургского государственного университета Камилла Нигматуллина, акцентируя внимание на том, что «исследования профессиональных ценностей и ролей журналистов в России сосредоточены на следующих базовых составляющих журналистской культуры – миссия, этические стандарты, цифровая трансформация профессии, доверие, и на актуализированных в контексте категории – успех, патриотизм, противодействие фейкам»⁴³. Сегодня журналистика как один из ведущих агентов социализации осуществляет аксиологическую функцию в обществе. Так, учёные Севастопольского государственного университета в 2020-2023 годах исследовали механизм ценностных приоритетов студенческой молодёжи Крымского полуострова, в частности, историческая память, патриотизма. Выявлены такие ведущие агенты социализации, как семья и образование. Пятой частью опрошенной молодёжи считает институт образования ведущим агентом исторической социализации (представление объема знаний по образовательным программам в вузе). Так, студенческая молодёжь Севастополя посещает наиболее знаковые места Крымского полуострова – место крещения князя Владимира на территории Херсонеса Таврического и мемориальный комплекс «35 я береговая батарея» в Севастополе, но при этом редко посещают исторические объекты вне Крыма, что может повлиять на успешность интеграции крымской студенческой молодёжи в российское историко-культурное пространство. В актуализации этого процесса велика роль региональной журналистики, которая учитывает теоретические константы теории журналистики и образования такие, как национальная идентичность, славянская и татарская культура Крымского полуострова⁴⁴.

Социальные институты, том числе и сфера журналистского образования, изменяются, наполняются новыми коммуникационными смыслами, технологиями работы под воздействием современной geopolитической ситуации, требованиями рынка труда.

⁴² Ярмак О. В. Интеграция новых регионов в российское общество: социологический анализ, пересборка социальных пространств (на примере Республики Крым и города Севастополь). СПб, 2023. с.118-119. URL: <https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-steperi-spbgu/1010-yarmak-olga-valerevna.html?ysclid=m4qx7pgnak956334513>.

⁴³ Медиааксиология «второй реальности»/коллективная монография под ред. В. А. Сидорова. – СПб.: ООО Издательский дом «Петрополис», 2025, с.178-179.

⁴⁴ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

Многообразие ролевой идентификации специалиста, в частности, журналиста, который конструирует социокультурные смыслы действительности, побуждает к поиску новых образовательных парадигм.

Генезис журналистского образования отражает становление ценностного потенциала идеологии журналистики как системы образования и профессиональной деятельности в контексте интеграции Крыма в российское общество. На территории Крыма до его воссоединения с Российской Федерацией подготовку журналистов осуществляли два региональных вуза и филиал Московского государственного университета. В 2002 г. на филологическом факультете Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь) была создана кафедра межязыковых коммуникаций и журналистики со специализациями «Работник СМИ и информагенство» и «Телерадиожурналистика». Заведующей кафедрой (а с 2005 г. и деканом факультета теперь уже славянской филологии и журналистики) стала профессор Галина Юрьевна Богданович, создатель и руководитель научной школы «Современные кросскультурные коммуникации и медиаконтент». Подготовка журналистов для крымскотатарских СМИ на базе инженерно-педагогического университета продолжилась и после вхождения Крыма в состав РФ, а в бывшем Таврическом университете после 2014 года произошли реорганизации. Путем слияния восьми академий и институтов, семи колледжей и центров, одиннадцати филиалов и семи научных организаций региона был учрежден Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского — крупнейшее высшее учебное заведение Республики. Последовавшая за этим трансформация журналистского образования в соответствии с российскими стандартами привела к учреждению в 2020 году самостоятельного подразделения — Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна с кафедрой журналистики и медиакоммуникаций на его базе. Возглавила кафедру доцент Диана Константиновна Первых⁴⁵.

Вторым вузом стал Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, в котором бакалаврская программа направление «Журналистика» реализуется факультетом истории, искусств и крымскотатарского языка, литературы на кафедре крымскотатарской литературы и журналистики с 2013 года. 2015-2016 учебный год она функционировала в статусе кафедры крымскотатарской литературы и журналистики под руководством заведующего Темура Нияверовича Курушутова. В сентябре 2023 года кафедра журналистики выделяется в самостоятельное подразделение Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова и является одной из самых молодых динамично развивающихся выпускающих кафедр под руководством Людмилы Геннадьевны Егоровой (Докторская диссертация по специальности 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика на тему «Трансформационный потенциал качественной периодики Крыма в контексте смены информационной парадигмы (2014–2021)» защищена в 2024 году). Научная деятельность кафедры журналистики охватывает целый спектр актуальных проблем. Научной кафедральной темой, разрабатываемой сотрудниками, является «Становление и современное состояние медиасфера Республики Крым». Тесную взаимосвязь с медийным пространством, этнической средой обеспечивают преподаватели практики такие, как Зельфира Шевкетовна Шукурджиева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики, главный редактор крымского молодежного журнала «Мы!»; Фатиме Азизовна Холмирзаева, ассистент кафедры журналистики, ведущий-редактор телеканала «Миллет»; Вильдан Рафаэлевич Милушев,, преподаватель кафедры журналистики

корреспондент Телерадиокомпании «Крым», главный продюсер телеканала «Первый Крымский», руководитель отдела авторских программ, диктор новостей; Анастасия

⁴⁵ Журналистское образование Крыма и Севастополя в лицах// Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия, МГУ, 2023, с.449-450.

Юрьевна Калугина, преподаватель кафедры журналистики, шеф-редактор, ведущая, специальный корреспондент ГТРК «Таврида» (Вести Крым).

Студенты кафедры проходят практику в редакциях ведущих крымских СМИ: телеканала «Миллет», телерадиокомпании «Крым», изданиях «Медиацентра имени Исмаила Гаспринского». Кафедра активно сотрудничает с Центром информационной работы со студенческой молодёжью КИПУ имени Февзи Якубова, что позволяет будущим журналистам полнее раскрывать свой творческий потенциал, освещая различные мероприятия, проводимые университетом и сотрудниками Центра. Кафедра журналистики совместно с Центром информационной работы со студенческой молодёжью КИПУ имени Февзи Якубова выступает организатором конкурса студенческих медиаработ «Да! Медиа». Конкурсная программа предусматривает определение наиболее успешных студенческих практик в сфере медиатворчества по номинациям: «Видеопроект», «Аудиоподкаст», «Фоторепортаж», «Портретная фотосъемка», «Фотопризыв», «Авторский медиапроект», «Репортаж», «Интервью», «Очерк», «Графический дизайн». Преподавателями и студентами кафедры с 2021 года при поддержке медиацентра имени Исмаила Гаспринского и финансовой помощи Государственного комитета по делам национальностей Республики Крым издается первый крымский молодежный журнал «Мы!».

Наше исследование идеологии современного становления журналистского образования на Крымском полуострове акцентирует внимание на внешних цивилизационных и внутренних факторах, которые предъявляют новые требования к профессии журналиста, а значит и к подготовке специалистов в данном регионе. Современная стратегия развития Республики Крым обусловила появление программы подготовки по направлению 42.03.02 «Журналистика» в Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского (КФУ)⁴⁶ и Крымском инженерно-педагогическом университете им. Февзи Якубова (КИПУ), кафедра крымскотатарской литературы и журналистики⁴⁷.

Динамика журналистского образования исследуется в контексте интеграционных процессов, обусловленных цивилизационными, геополитическими, коммуникационными факторами. Безусловно, Ролевая идентификация профессорско-преподавательского состава и профессиональное становление выпускников бакалавриата направление "Журналистика" осуществляются в этносреде, с учётом национальной культуры и востребованности рынка труда в новых геополитических условиях. В образовательной социализации журналиста приоритетную роль играет личностный фактор, а именно, - личность педагога-теоретика и педагога -практика, которые осуществляют образовательную социализацию аудитории: ролевую идентификацию, формируют ценностные ориентации, стиль жизни⁴⁸.

После 2014 года журналистское образование стало развиваться и в городе федерального значения Севастополе. 8 октября 2014 года учреждён Севастопольский государственный университет путём слияния семи образовательных организаций. Сегодня СевГУ – это крупнейший вуз Крыма, в его состав входят 12 институтов, колледж и военный учебный центр⁴⁹.

В 2016 году на базе гуманитарно-педагогического института был открыт набор на бакалавриат по направлению «Журналистика». Руководителем образовательной программы стала доцент Татьяна Викторовна Шкайдерова. В 2018 году подготовку журналистов переводят в Институт общественных наук и международных отношений на кафедру

⁴⁶ / ИММИД КФУ им. В.И. Вернадского. [Электронный ресурс] // URL: <https://immid.cfuv.ru/> (дата обращения 27.10.2022)

⁴⁷ URL: <https://www.kipu-rc.ru/index.php/166navtyp-ylkw3rb7hfigzua-krizwo25476-bwadnvoh> (дата обращения 27.10.2022).

⁴⁸ Блохин И. Н. Личность в пространстве массовой коммуникации: начала ролевого анализа: Монография. СПб.: SCIENTIA, 2016, с. 195

⁴⁹ Севастопольский государственный университет. [Электронный ресурс]// URL: <https://mail.sevsu.ru/>

«Социально-философских наук и массовых коммуникаций» (данное название актуально с 1.09.2022 по 1.09.2023, в настоящее время - кафедра «Социально-философских и политических наук» Института общественных наук и международных отношений СевГУ), которую возглавляла доцент *Ольга Валерьевна Ярмак*, защитившая докторскую диссертацию и в настоящее время руководитель проектов в медиагруппе «Россия сегодня» (Москва), по совместительству профессор кафедры «Социально-философских и политических наук» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, доктор социологических наук (с 1.09.2023 по 1.09.2025 г.г. завкафедрой *Владимир Геннадьевич Косов*).

В 2016 году на базе гуманитарно-педагогического института открывается набор на бакалавриат направления «Журналистика». Открытие медиацентра СевГУ в 2018 году влечёт за собой и реорганизацию журналистского образования. Подготовку этих специалистов переводят в Институт общественных наук и международных отношений на кафедру «Социально-философских наук и массовых коммуникаций» (данное название с 1.09.2022), где ведётся профессиональная подготовка по направлениям бакалавриата: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью». За период 2016- 2024 г. г. выпущено 46 специалистов бакалавриата направления «Журналистика» (2020 г. – 5, 2021 – 12, 2022 – 10, 2023-10, 2024-9 выпускников), которые работают в СМИ, рекламе, в структурах государственного управления. Продуктивную роль в образовательной деятельности Севастопольского государственного университета играют учебно-методические и научные контакты с Санкт-Петербургским государственным университетом. Отметим, что в образовательной социализации приоритетную роль играет личностный фактор, а именно, - личность педагога и журналиста, которые осуществляют образовательную социализацию аудитории: ролевую идентификацию, формируют ценностные ориентации, стиль жизни.

Таким образом, становление и развитие современного журналистского образования в Крыму и городе Севастополь обусловлено стратегическими задачами региона, исследовательской концепцией Севастопольского государственного университета, ориентированной на Большое Средиземноморье, а также медийными запросами и связанными с ними образовательными тенденциями подготовки специалистов. Геополитика и личностный фактор, стратегии развития региона обуславливают динамику журналистского образования Крымского полуострова. Университетское образование в контексте формирования ценностного потенциала общества активно использует культурные коммуникации как средство социализации. Сегодня приоритетные позиции в обществе занимают СМИ как агент неформального образования, которые используют новую методологию. Прежде всего, это деятельностно-ценостное познание мира, обусловленное внешними цивилизационными факторами и внутренними.

Теоретико-методологическую основу понимания современной деятельности педагога составляет феноменологическая социология, изучающая смысловое строение социальной реальности, ее конструирование (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель и И. Гофман). Символический интеракционизм объясняет социальное взаимодействие и коммуникацию через использование языка как общей системы символов (Дж. Г. Мид и Г. Блумер). С помощью концепции «языка как игры» транслируется опыт культурных традиций, осуществляется слияние миров интерпретатора и интерпретируемого.

Сегодня в Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета новые средства коммуникативного и информационного взаимодействия (интернет - ресурсы, игровые приемы, сетевое обучение), реализующиеся через образовательную систему в контексте социально-ролевой идентификации. Теория театральной коммуникации распространяют закон театра на любые социальные процессы, в том числе на научные, профессиональные и

образовательные сферы деятельности⁵⁰. Теория театральной коммуникации распространяют закон театра на любые социальные процессы, в том числе на научные, профессиональные и образовательные сферы деятельности⁵¹.

Ценностный контекст сотрудничества СПбГУ и СевГУ характеризуется активным использованием инновационных педагогических технологий при реализации как бакалаврской программы «Журналистика», так и магистерских «Медиакоммуникация», «Социология». В Севастопольском государственном университете дистанционная форма обучения, обусловленная геополитическим и цивилизационным факторами, позволяют и студентам, и преподавателям приобрести качественно новый социальный опыт, усвоить иное ролевое знание, развивает творческую активность. Продуктивно это используется в процессе преподавания таких дисциплин, как: Цифровые коммуникации. Применение интернет-технологий в СМИ Методы социологической экспертизы в СМИ, Мобильные технологии в медиа. В Институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета активно используют новые средства коммуникативного и информационного взаимодействия, реализующиеся через аксиологическую деятельность. Данный опыт новых образовательных технологий СПбГУ реализует в ходе сотрудничества с вузами новых регионов РФ. Актуальность этих взаимодействий заключается не только в совместной подготовке специалистов, но и в ценностном потенциале университетского образования: формировании исторической памяти, знаний традиционной и современной культуры россиян, стиля жизни, обеспечении эмоционально-психологической безопасности. Сотрудничество началось в 2020 с Севастопольским государственным университетом в форме привлечения ведущих преподавателей СПбГУ к учебной и научной деятельности. В 2023 году слушателями летней социологической школы, которой руководил профессор Санкт-Петербургского государственного университета Павел Петрович Дерюгин, стали студенты, магистранты, аспиранты из ДНР и ЛНР, Севастополя. Теоретические знания в области медиакоммуникаций, социологической методологии исследования слушатели из новых регионов РФ закрепляли в ходе культурных коммуникаций: экскурсии в город-герой Кронштадт, музеи Северной столицы, театры. Участие молодых исследователей в научных конференциях СПбГУ также сопряжено с формированием духовных ценностей, исторической памяти. Например, заседание секции «Массмедиа и культура: опыт взаимодействия» научно-практической конференции «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» Санкт-Петербургского государственного университета проходит в конференц-зале Новой сцены имени Вс. Мейерхольда Александринского театра. Даже онлайн-участие молодых исследователей из Донецка Луганска, Севастополя позволяет ощутить атмосферу истории: памятник Вс. Мейерхольду, который встречает во дворике Новой сцены Александриинки, безмолвно напоминает о 150-летии этого великого режиссёра в 2024 году. Вы словно перелистываете страницы прошедшего тысячелетия и погружаетесь в сегодняшний день. А участники научно-практической конференции из новых регионов, как правило, представляют научный дискурс культуры своих территорий [6, 449-450]⁵².

Наше теоретическое осмысление научных источников, анализ эмпирических материалов системы медиаобразования в Санкт-Петербургском государственном университете показали, что перформативный поворот в социальном знании, динамика информационных практик приводят к активному использованию в образовательной

⁵⁰ Блохин И. Н. Личность в пространстве массовой коммуникации: начала ролевого анализа: Монография. СПб.: SCIENTIA, 2016, с. 195

⁵¹ Марьина Л. П. Перформативность современной науки и образования: журналистский контекст // Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия: сб. мат.междун. науч.-практ. конф. – М. Фак. журн. МГУ, 2021, С.523.

⁵² Марьина Л.П. Журналистское образование Крыма и Севастополя в лицах// Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия, МГУ, 2023, с.449-450

процессе инновационных технологий. Сегодня социально-гуманитарная наука находится в состоянии поиска новых парадигмальных оснований научного знания⁵³.

В данном контексте приоритетны социально-деятельностные методологии, которые эффективно применяет СПбГУ в ходе сотрудничества с вузами новых регионов РФ. Изучение коммуникативного подхода к образованию, активно применяемый преподавателями Санкт-Петербургского государственного университета, позволяет продуктивно использовать культурное пространство мегаполиса в образовательном процессе вуза и параллельно осуществлять аксиологическую деятельность⁵⁴.

Такие аспекты исследовательского поля, как определение механизмов создания новых историко-медийных смыслов в условиях интеграции новых регионов РФ играют важную роль в журналистском образовании. Именно ситуация гибридного медийного соперничества требует обучить специалистов СМИ эффективному управлению информационными потоками.

Ценностные сдвиги в массовом сознании зачастую происходят в период радикальных изменений в обществе. И такое значимое геополитическое событие, как воссоединение Республики Крым и города Севастополь с Российской Федерацией, обозначило проблематику формирования нового смыслового и ценностного поля у жителей Крымского полуострова, которое осложняется тем, что ценностные ориентации людей разной этнической принадлежности формировались в различных исторической и социокультурной средах. Национальная интеграция учитывается в процессе подготовки специалистов для СМИ⁵⁵. Отражением и индикатором интеграционных процессов является национально-государственная идентичность, которая осуществляется с учётом полифонии: славянские группы (русские и украинцы) а также крымскотатарское население, которое идентифицирует себя к Крыму как к родной земле. Сильна в этой группе гендерная и конфессиональная идентичности. В первую очередь, на основе принадлежности к российскому государству, затем – к Крыму и своему городу как территории проживания формируется идентичность русской этнической группы. Результаты исследований учёных СевГУ 2017-2020 г.г. зафиксировали значимость культурного фактора у украинцев больше, чем у других. Подтверждена приоритетность полуостровной идентичности во всех этнических группах⁵⁶.

Оценки степени гордости за ощущение той или иной основы идентичности в разрезе выделенных групп по национальному признаку являются методологической основой становления и развития журналистского образования, его интеграции в систему социальных институтов России в современной геополитической ситуации. Генезис журналистского образования и профессии журналиста отражает уровни современной интеграции этого региона: цивилизационный, геополитический, коммуникационный. Структура идеологии журналистики новых регионов РФ включает ценности, историческую память, идентичность обучающихся и обучаемых, информационный арсенал общества, ситуацию в области безопасности, доступа к ресурсам (инвайронментальность). Динамика

⁵³ Grishanina A., Maryina L., Grishanina A., Liseev R. & Lai L. Digitalization as Strategies for Public Self-management of the Cultural Environment during the Pandemic// XV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2022": Global Precision Ag Innovation 2022, Volume 1. Springer Nature, 5.02.2023 .c.115-117).

⁵⁴ Марьина Л.П. Культурные коммуникации в современном университетском образовании: ценностный потенциал сотрудничества СПбГУ с новыми регионами РФ// Архитектура современного университетского образования.Санкт-Петербург: Медиапанор 2024, с. 25-27.

⁵⁵ Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. – Севастополь: СевГУ, 2019. – 144 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42520704> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁶ Там же, с.257-258

журналистики на Крымском полуострове отражает интеграционные процессы социальной системы. На постсоветском пространстве филиал Московского государственного университета первым интегрирует стандарты российской школы журналистики в это этногеографическое пространство. Региональные вузы в ходе интеграции высшей школы открывают подготовку специалистов для СМИ в социально-гуманитарных институтах университетов Крыма и города Севастополь: кафедра «Социально-философских и политических наук» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; кафедра журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; трансформация журналистского образования в Государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», где в 2023 году создана самостоятельная самая молодая кафедра журналистики.

1.3. Трансформация идеологии журналистского образования и профессии журналиста в ДНР: ценностный потенциал

Университетское журналистское образование формирует не только профессиональные компетенции, но и аксиологические парадигмы общества. Мировоззрение журналиста определяет культуру его труда. Система журналистского образования и журналистики как профессии Донбасса обусловлено, прежде всего, политическими, экономическими социокультурными факторами. В январе 2025 года на телеканале «Россия 1» состоялась премьера документального фильма Андрея Медведева «Донбасс. Зеркало для героев» в котором писатель Святослав Юрьевич Рыбас охарактеризовал Донбасс как специфический субэтнос. Немаловажную роль в его формировании занимают информационные ресурсы.

Трансформация идеологии журналистики Донбасса становится понятной, если учесть цивилизационный, геополитический и коммуникационный факторы современной социокультурной интеграции. Сегодня ведущий вуз Донбасса, где на филологическом факультете осуществляется подготовка журналистов, - Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», которое прошло длительный путь развития: Сталинский государственный педагогический институт (1937 - 1961), Донецкий государственный педагогический институт (1961 - 1964), Донецкий филиал Харьковского государственного университета им. А. М. Горького (ХГУ) (1964 - 1965), Донецкий государственный университет (1965 - 2000), Донецкий национальный университет (2000 - 2023), Донецкий государственный университет (с 2023). С 1937 года данный вуз считается центром гуманитарного образования Донбасса. В 1950-1965 годы филологическое образование можно было получить на историко-филологическом факультете. В 1965 году открыт филологический факультет как самостоятельное структурное подразделение, где и получают образование журналисты. Профессиональные журналистские компетенции предоставляет факультет общественных профессий (декан Анатолий Стефанович Роксошний) на протяжении трёх лет обучения, профессиональных практик в ведущих региональных и областных изданиях. Первый выпуск по специальности «Журналистика» состоялся в 1979 году.

«Правила игры в нашей жизни непрерывно меняются. Единственный возможный ответ на изменения – ответное изменение... Станьте «сёрфингистами и будьте готовы поймать волну экономических, культурных и демографических перемен, когда она достигнет вас. Знакомый нам мир вскоре трансформируется и скорее всего, никогда не

вернётся на круги своя. Правила игры меняются навсегда⁵⁷. Запросы информационного общества предъявляют новые требования к трансформациям журналистского образования. В 2001 году в ДонНУ открыто направление подготовки «Журналистика», в 2015 – «Реклама и связи с общественностью», а с 2016 ведется подготовка по направлению «Телевидение». Все эти годы руководит доктор наук по социальным коммуникациям Инесса Артамонова. Учебно-методический опыт и научный потенциал кафедры направлен на подготовку специалистов для региональных СМИ, сферы рекламы и связей с общественностью. Подготовка по всем направлениям ведется на очном и заочном отделениях. Также для журналистов открыта магистратура и аспирантура. Ежегодно проводится Международная конференция «Медиакоммуникации в 21-м веке: императивы, вызовы, перспективы».

Региональные СМИ в Донецкой Народной республике, среди которых приоритетны позиции телеканалов «Юнион», «Оплот», «Новороссия» транслируют ценности, которые определяют геополитическая ситуация, этническая идентификация, гибридное информационное противостояние. Так, на телеканале «Юнион» с 30 марта 2022 года проходит молодежное интеллектуальное шоу «Знаток русского Донбасса». Данный телеканал создает свои документальные фильмы, один из которых «Куклы, книги и война» (премьера: лето 2023г.) посвящён людям, сражающимся за русскую культуру на Донбассе. Съемки проходили в обстреливаемых районах Донецка, в разрушенном Мариуполе и в тыловом Енакиево. Фильм является собранием историй людей, которые несмотря на звуки канонады идут в театры и библиотеки. На вышеупомянутом телеканале «Оплот» еженедельно выходит программа Арт-коктейль: репортажи о наиболее интересных и значительных культурных событиях в ДНР, сюжеты из театров, концертных и выставочных залов, интервью с деятелями искусства и науки. Гости программы «Арт коктейль» – известные и начинающие режиссёры, актёры, писатели, музыканты и художники из разных городов Республики и РФ. Донецкое Агентство Новостей информирует о Донецком государственном академическом музыкально-драматическом театре имени М. М. Бровуна, который представил документальный спектакль „Я Знаю правду!“, на сцене Московской театральной школы Олега Табакова. В основе документальной драмы — реальные истории обычных людей, которые стали непосредственными свидетелями трагических событий, происходящих в Донбассе с 2014 года. Донецкую труппу в Москве приветствовал актер и режиссер Владимир Машков, который отметил, что спектакль не может остановить пулю, но может остановить стреляющего человека. Материалы Донецкого Агентства Новостей всегда наполнены большим количеством деталей, фактографий, фотографиями.

Таким образом, прослеживается в СМИ ДНР тенденция формирования исторической памяти, популяризация субкультуры Донбасса, гордости за защитников Отечества. Сетка вещания региональных телеканалов отражает данный ценностный контент:

1. Первый республиканский телеканал - официальный информационный телеканал Донецкой Народной Республики. Основные программы: «Верую», новостная программа «Точка зрения», «За Донбасс».

2. Телеканал «Новороссия» начал свое вещание 12 сентября 2014 года. Программы: «Патриотическая позиция» (аналитическая программа), и «Республика в цифрах» (развитие различных сфер ДНР). Остальное время в сетке вещания – советские фильмы. В 2022 году данный телеканал в ДНР заменили на «Соловьев Live».

3. Телеканал «Оплот»- создан в июле 2014 года. Структура: телеканал «Оплот ТВ», развлекательный телеканал «Оплот 2» и радиостанции – «Папино радио», «Столица». Основные программы телеканала «Оплот ТВ»: новостная программа «Дайджест Дня», аналитическая программа «Щеневмерла» и обзор последних культурных мероприятий за

⁵⁷ Гильден М. 2030: Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее/переводчик К. Батыгин. -- М.: Альпина Паблишер, 2024. с. 345, 347

неделю «Арт-коктейль». Также по вечерам идут документальные фильмы собственного производства.

4. Телеканал «ЮНИОН» создан еще в 2001 году. Основные программы: ежедневная «Панорама» как лидер информационного блока; «Ваше слово» -опросы населения по различным темам; «Три минуты на ответ» - общественно-политическое шоу, ведущая Майя Пирогова; «Смотрите не пропустите» – новости культуры.

В 2025 году создан «Первый республиканский медиахолдинг, который объединил 23 газеты, среди которых «Вечерний Донецк», «Голос Республики», «Макеевский рабочий», «Родина», «Кочегарка ДНО»; три крупных телеканала (Оплот, Юнион, Первый республиканский), шесть радиостанций (радио «Комета» «Республика Донбасс», «Столица»). В подготовке специалистов для трансформирующейся системы СМИ Донбасса и, в частности, Донецка участвует кафедра журналистики Донецкого государственного университета. И обучающиеся кафедры журналистики ДонГУ, и журналисты СМИ Донецка достигают ценностные эффекты в реализации цивилизационных оснований, геополитических и коммуникационных в журналистике. В данном контексте конструктивны такие ценностные концепты, как историческая память, субкультура Донбасса, информационная безопасность, русская культура. Данные ценностные доминанты продвигаются в средствах массовой информации ДНР и заложены в образовательных компетенциях.

1.4 Динамика психологических компетенций для подготовки специалистов медиа

Мельник Галина Сергеевна

*доктор политических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Актуальность изучения психологических аспектов массовой коммуникации объясняется тем, что современный мир претерпевает серьезные изменения под воздействием многих глобальных, региональных и локальных процессов. Глобализация меняет пространственно-временной континуум нашего существования и его темпоральность. Исключительно насыщенной становится политическая, экономическая, социальная и культурная жизнь отдельных стран и мирового сообщества в целом. Информация и коммуникация, которые не могут существовать в отрыве друг от друга, усилили взаимосвязанность и взаимозависимость мира. Интерес к рассматриваемым проблемам медиаэкспертов и преподавателей, осуществляющих подготовку специалистов в сфере информации, вызван многими причинами. Стремительно развивающиеся средства массовой коммуникации играют огромную роль в жизни человеческого сообщества, так как сближают народы и служат благородным целям информирования и образования людей, но одновременно с их помощью происходит невиданная доселе манипуляция общественным сознанием. Несмотря на то, что в условиях информационного общества получение информации индивидуализируется с помощью персонального компьютера и мобильного телефона, воздействие на массы старых и новых медиа, а также Интернета, продолжает оставаться исключительно мощным. Происходит переструктурирование системы средств информации, расширяется используемая ими палитра приемов и методов влияния на различные по своей величине и способу организации различных сообществ.

Современные тексты, функционирующие в массовой коммуникации, опираются как на идеологию, так и на ментальные структуры, базовые ценности и страхи массовидного человека. Под воздействием новой реальности радикально меняется коммуникативное поведение аудитории, что требует использования психологических механизмов защиты от информационных стимуляций, ведущих к истерии, психозу, изоляции и разработки механизмов, обеспечивающих свободу от попыток контроля сознания, морального давления, дискриминации.

Предметная область психологии массовой коммуникации включает в себя: описание поведения личности, обусловленного воздействием средств массовой информации; исследование индивидуальных и групповых медиаэффектов, основных компонентов медиакультуры; выявление психологических закономерностей отношения и поведения человека в поликультурных медиапространствах, а также изучение психологических феноменов и механизмов восприятия медиатекстов. В рамках медиапсихологии изучаются способы психологического воздействия на потребности, мотивы, интересы аудитории и механизмы воздействия в сфере массовой коммуникации.

В особое научно-практическое направление выделяется *политическая психология*, применяемая к медиадискурсу и задачам политической журналистики, которая **охватывает проблематику, связанную с обществом, государством и личностью**. СМИ выступают важнейшим инструментом политического управления и обеспечения массовой лояльности к существующей власти, что определяется встроенностю СМИ в истеблишмент, их статусом и занимаемой позицией в политических отношениях. Сегодня массмедиа определяют политическую повестку дня, выходят на авансцену политической борьбы, становятся фактором медиатизации политики⁵⁸, превращая политику в медиапроцесс, влияя на процесс трансформации идеологических концептов.

Журналисты выступают не только, как квалифицированные посредники в организации и поддержании информационных связей между властью, политической элитой, обществом, но и становятся субъектом политического процесса, наряду со структурами власти, политическими организациями, другими субъектами политического процесса. Рейтинг власти и политиков, формируемые в основном медиа, обеспечивают их известность. Медийные материалы заставляют людей поддерживать определенную политическую партию либо государственного деятеля.

Модели СМИ во всех современных политических системах стали ключевым инструментом управления и господства, поскольку в процессе массовой коммуникации осуществляется толкование и даже конструирование социальной реальности. От умения создать информационное пространство, организовать политическую коммуникацию и обеспечить население стран качественной и объективной информацией о происходящих событиях во многом зависит стабильность государства.

Составной частью политики становятся политические технологии, объектом воздействия которых являются политическое сознание и поведение людей. В политической сфере коммуникационные медиатехнологии всё больше выступают как целенаправленная и системно организованная деятельность по объединению, координации и консолидации общественности для достижения конкретных политических целей (перераспределение власти, территории, ресурсов), осуществляемая в основном посредством PR, массмедиа и социальных сетей и рассчитанная на достижение быстрого и максимального результата при заданных ресурсах (так организовывались цветные и несостоявшаяся в России «белая» революции).

⁵⁸ Лабуш Н.С., Пую А.С. 1) Медиатизация политики. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2025. – 392 с.; 2) Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. – 348 с.

Основными инструментами реализации политических технологий выступают средства массовой информации и различные центры политологических (политических) исследований. Согласно новым коммуникационным стратегиям, США возьмут в свою команду уже проверенных сателлитов, чтобы использовать их против суверенных держав и оправдывать свои действия усилиями коалиции в «борьбе за демократию». Что происходило и ранее на других фронтах американского вмешательства – военных, политических, дипломатических, информационных и экономических⁵⁹.

Политические технологии по своему содержанию отличаются наличием алгоритмизированных, стандартизованных средств и процедурных приемов формирования и реализации социальных программ, социотехнических проектов. Эти современные психотехнологии предстоит осваивать журналистам нового поколения.

Вместе с тем, новые средства массовой информации содержат и положительный потенциал для консолидации общества и отстаивания интересов граждан, нуждающийся в анализе политических, философских, культурных, социологических источников и информационных сетевых ресурсах, позволяющие выявить природу и сущность тактических СМИ. Понятен интерес специалистов в области теории и практики массовой коммуникации и журналистики и к этой стороне социально-политического процесса.

Многие негативные явления в медийной сфере вызваны усиливающейся коммуникативной трансгрессией, которая превосходит установленный уровень⁶⁰. Сторонники радикального ислама, например, на своих информационных платформах (медиаагентство «АльФуркан», медиафонд «Айнад», медиаагентство «Итисаам», медиацентр «Аль-Хайят», печатные издания «Islamic State Report», «Islamic State News», «Dabiq») пытались расширить территории своего влияния, прибегая к тактикам угроз в отношении «неверных»⁶¹. Трансгрессия в ряде текстов проявляется в воспроизведстве антигуманистических расовых идей, в выдвижении абсурдных с критериями деления людей на «правильных» и «неправильных», «достойных» и «недостойных» существования. Авторы подобных текстов выдвигают и обосновывают идею необходимости культивировать первое и уничтожать второе⁶².

В политических текстах расширяются границы применимости языковых средств, например, инвективной, сленговой, профессиональной лексики, которая используется для создания оценочных суждений, часто выраженных в крайне непристойной форме. Таким образом, под воздействием коммуникативной трансгрессии, способствующей преодолению границ возможного и невозможного, меняется суть политической коммуникации. Используя всевозможные агитационно-пропагандистские платформы, в том числе сетевые, интернет-

⁵⁹ Новая киберстратегия Пентагона // Катехон. Информационно-аналитическое издание. URL: <https://katehon.com/ru/article/novaya-kiberstrategiya-pentagona/?ysclid=mfa7n94hf979955746> (дата обращения: 06.09.2025).

⁶⁰ Мисонжников Б.Я., Мельник Г.С. Политический текст в условиях коммуникативной трансгрессии // Гуманитарный вектор. – 2015. №3(43). – С. 102-108. Мельник Г.С., Гришанина А.Н. Мисонжников Б.Я. Медийная модель мира и экстремистский дискурс. Глава 7. Разделы 3, 4, 5, 6 // ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. – СПб: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Северо-Западный институт управления. / под общ. ред. А.И. Баstryкина, В.П. Кириленко В.А. Шамахова. – СПб: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. – 444 с. ISBN 978-5-89781-629-4. <https://sziu.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/izdatelsko-poligraficheskij-tsentr/uchebnye-izdaniya>

⁶¹ Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Костин В.Н. Новое качество террористической пропаганды: медиамперия ИГИЛ // Сайт С.П. Курдомова «Синергетика№». URL: <https://spkurdyumov.ru/biology/novoe-kachestvo-terroristicheskoy-propagandy-mediaimperiya-igil/?ysclid=mf9j9k4hrd333459936> (дата обращения 06.09.2025).

⁶² Олешко, В. Ф. Психология журналистики: учебник и практикум для вузов / В. Ф. Олешко. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 373 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-9916-5626-9. Текст: электронный //Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/557625>.

сообщества и реальные группы пытаются привлечь как можно больше людей к своей идеологии посредством речевого воздействия. Задача специалистов и аналитиков медийной сферы уметь распознать подобные тексты, научиться при создании собственных журналистских произведений не переходить границы допустимого.

В системе медиаобразования в связи с этим ставятся задачи формирования у студентов знаний, навыков и умений, необходимых для анализа конфликтогенных текстов. Создаются учебные программы дисциплин, нацеленных на исследование обучающимися природы и особенностей медиатекстов, содержащих конфликтогенный потенциал, ориентированных на понимание ими идеологии, ментальных структур, базовых ценностей создателей медиатекстов. Крайне важно в условиях ценностного раскола освоение будущими журналистами методик анализа конфликтогенных текстов, имеющих признаки экстремизма, умение выявлять зрительные характеристики поликодовых (креализованных) текстов деструктивной направленности, используя функционально-семантический анализ и лингво-психологический анализ.

Материалом практических занятий становятся экстремистские дискурсы, анализ которых позволяет изучать и объяснять парадигмы их развития и механизмов, устанавливать социопсихологические и лингвистические маркеры экстремистских текстов в сетевых медиа (разжигание национальной розни, пропаганда расизма и фашизма, конфликты на этнической или религиозной основе и др.)⁶³.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи: а) дать научные представления о причинах и условиях возникновения конфликтогенных текстов; б) обогатить обучающихся методическим инструментарием их распознавания; в) сформировать навыки анализа подобных текстов, затрагивающих разные предметные области – политику, экономику, социальную сферу, культуру, психологию; г) выработать умение распознавать тексты экстремистской направленности, используя психолингвистические маркеры, устанавливать в медиатекстах наличие политических призывов, пропаганды нацизма, неофашизма и др.; д) очертить юридические и этические параметры конфликтогенных текстов.

В медийных текстах деструктивной направленности нередко происходит героизация образа террориста/экстремиста, что является фактором угрозы информационной безопасности⁶⁴. Экстремисты часто представляются борцами за справедливость народа. Деятельность экстремиста/террориста представляется актами справедливой мести, заслуженного возмездия, реализации принципа социальной справедливости. Героизация медийных персонажей имеет целью добиться подражания одиозным членам террористических, экстремистских, националистических организаций⁶⁵. Радикальными организациями используются сетевые ресурсы для: подбора и вовлечения в противоправную деятельность лиц с ярко выраженными лидерскими качествами; формирования резервов через сетевые проекты, применение специальных техник

⁶³ Глава 4. Медийные ресурсы экстремизма: выявление и нейтрализации. Параграф «Идентификация экстремистских текстов и методики их психолингвистического анализа» (коллективная монография) // Глобальный индекс экстремизма / под общ. ред. А. И. Баstryкина [и др.]. СПб.: ИД РАНХиГС, 2024.

⁶⁴ Бурова Ю. В., Брежнев И. В. Оправдание терроризма и экстремизма через СМИ как угроза информационной безопасности в современной России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. Выпуск 1(9). – С. 81–85; Джаббаринасир Х.Р. Влияние современного международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 22–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3>.

⁶⁵ Олешко, В. Ф. Психология журналистики: учебник и практикум для вузов / В. Ф. Олешко. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 373 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-9916-5626-9. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/557625>.

воздействия на сознание. Героизация лидеров и участников террористической деятельности, демонизация политических противников террористов; преувеличенное изображение значения и возможностей террористических структур, запугивание вероятных или реальных противников возможностью нежелательных для них последствий в случае принятия антитеррористических мер. Восприятие объекта в психологии – это функция контекста. В медиа деструктивной направленности создаются различные контексты символического тона и насилия.

В СМИ репрезентируются роли национального «героя», «патриота», «повстанца», «партизана», «жертвы диктаторского политического режима» или конкретных властных лиц, обвиняемых в политических преследованиях диссидентов; жертвы обстоятельств стихийного социально-политического конфликта, толкнувших человека на совершение теракта, жертвы членов террористической организации, заставивших его пойти на это, жертвы собственных искренних заблуждений. Для достижения максимального воздействия на аудиторию используются соответствующая идеология и эмоционально-психологический потенциал. Поведение героя объясняется мотивами самопожертвования во имя «общего дела» и «священных ценностей» террористических объединений и др. Подобный информационный материал порождает нередко протестную аудиторию.

Планомерная пропагандистская работа на сайтах и различных сетевых платформах формирует интерактивные или симбиотические отношения между медиа и терроризмом/экстремизмом.

Экстремизм как идеология опасен тем, что предполагает бездумное выполнение любых приказов, опирается не на разум, а на инстинкты, предрассудки, не способен к толерантности. Причинами экстремизма являются: значительное расслоение общества по уровню материального остатка, состояние идеологического вакуума, изменение этнического религиозного состава населения, низкий уровень жизни населения, высокий уровень безработицы. Процесс коммуникации часть большей коммуникативной цепи (начало и конец – террористы). Цель – изменение поведения аудитории, т.е. модифицирование мнения и поведения аудитории. Задача – создание обстановки страха, признаков страха. Для психологического воздействия на аудиторию используется языком символов террористов. А сам террористический акт представляется как спектакль и семиотическое действие.

Функционирование подобных ресурсов представляет собой целенаправленное дезинформирование и пропагандистское воздействие на массовое сознание населения определенного региона, страны, нации. Цель – изменение стереотипов и сложившихся норм поведения, ценностных ориентиров, «разрыхление» или полное разрушение традиционных нравственно-культурных ценностей, осуществление культурно-идеологической экспансии через привнесение чуждых «культурных ценностей»⁶⁶.

Деструктивные медиа «затапливают» информационное пространство контентом, отвлекающим внимание от фактов, связанных с конкретным событием. Пропаганда используется для распространения ревизионистской истории, акцентуации спорных исторических повествований, вызывающих разногласия, нацелена на переписывание истории и стирание исторической памяти. В год 80-летия Великой Победы часть блогосферы была наполнена циничными информационными материалами антироссийской направленности, демонстрирующими сцены надругательства над символами Великой Отечественной войны, политическими мемами, выражавшими явное неуважение к дням воинской славы.

⁶⁶ Мельник Г.С. Медиатекст в структуре пропаганды и контрпропаганды. Гл. 7. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации : колл. монография / отв. ред. В.А. Ачкасова, Мельник Г.С. – СПб.: Санкт-Петербург, 2023. – С. 259-310.

Целью пропаганды экстремизма является – изменение поведения аудитории, т.е. модифицирование мнения и поведения аудитории. Задача – создание обстановки страха, признаков страха. Аккаунты в Twitter насчитываются примерно 90 тысяч адресов, владельцы которых разделяли взгляды радикального исламизма, либо проявляли интерес. Подрывная и вербовочная деятельность в Интернет осуществляется с использованием трех видов информационных ресурсов. Первый вид – это «официальные» сайты организаций, размещенные, как правило, на серверах зарубежных провайдеров, на которых осуществляется первичная публикация аудио, видео, графических и текстовых материалов. Второй – это социальные сети, блоги и форумы, через которые производится дальнейшее распространение (так называемый «разгон») экстремистских материалов, инициируется их обсуждение, осуществляется первичное вербовочное изучение участников дискуссий, лавинообразныйброс информации. Ежедневно выкладываются в Интернет-пространство профессионально снятые и отрежиссированные видеоролики с публичными казнями, разрушением памятников культуры, боевыми действиями, интервью с их полевыми командирами, радикальными проповедниками и активистами, фотографии трофеев и убитых противников»⁶⁷.

В условиях ценностного раскола, экспоненциального роста деструктивного контента в Глобальной сети перед обществом, государством и медиа как социальным институтом, а также медиаобразовательными структурами ставится глобальная задача информационно-психологического противодействия экстремизму и терроризму⁶⁸. Задача имеет два направления: с одной стороны, мировоззренческое – защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; с другой, противодействие производству и распространению деструктивной информации.

Противодействием против кислотного контента в информационном пространстве становятся законы, регулирующие информационную сферу и Стратегии национальной безопасности РФ в информационно-психологическом воздействии. В законах предусматривается ответственность за публичное распространение экстремистских материалов; ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил России в целях защиты интересов страны и ее граждан. Медиабезопасность становится важным компонентом в стратегиях национальной безопасности РФ.

Приметой времени стали когнитивные, гибридные, прокси войны, в которых медиа используется как информационное оружие⁶⁹. Новым вызовом современному обществу является глобальный технофашизм и технотерроризм, евроамериканский капитализм, идеологи которого активно готовятся к переходу от холодной войны к горячей. «Информационные» войска готовят аудиторию к переходу от холодной фазы к горячей войне с использованием новейших технических средств. Европа нацеливается на войну с Россией, а Соединенные Штаты начинают «лепить» из Китая образ врага. «Первый комиссар обороны Европейского союза Андрюс Кубилюс, бывший премьер-министр

⁶⁷ Васильев М. Современные медиа технологии на службе международного терроризма. URL: VK Telegram Mail.Ru Odnoklassniki Blogger LiveJournal 08.04.2016.

⁶⁸ Мельник Г. С., Виноградова С.М., Мисонжников Б.Я. Массмедиа в системе информационной безопасности. Раздел 2. Глава 3 // Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб: ИД «Петрополис», 2017. – С.233-265. – 300 с.

⁶⁹ Бартуш А. А. Гибридная, скрытная, непредсказуемая – Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности (nic-pnb.ru). [Электронный ресурс] Режим доступа://nic-pnb.ru/informacionno-protivoborstvo/gibridnaya-skrytnaya-nepredskazuemaya/?ysclid=locoq6nlql276950081; Хромов А.А., Томилов И.С. Манипулятивные технологии отечественных и зарубежных средств массовой информации в военно-политическом дискурсе // АПНИ. Научный журнал «Актуальные исследования». 2023. Октябрь. – № 39. https://apni.ru/article/7056-manipulyativnie-tehnologii-otechestvennikh?ysclid=mfa83371d0300663503 (Дата обращения: 07.09.2025).

Литвы, заявляет, что Европа должна быть готова к войне с Россией в течение 6–8 лет, а высокопоставленный офицер ВМС США говорит, что США должны быть подготовлены к войне с Россией и Китаем к 2027 г.»⁷⁰.

Угрозой обществу в какой-то мере становятся кибертехнологии и внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизни, в том числе в медиапроизводство и медиаиндустрию.

Фейковые новости сегодня также серьезная угроза информационной безопасности. Социальную опасность представляют: распространение и продвижение сфабрикованных и вводящих в заблуждение новостных сюжетов; выдвижение ложных обвинений против правительства, вооруженных сил, фирм или отдельных лиц; распространение слухов и теорий заговора⁷¹. В научном дискурсе активно обсуждаются проблемы, связанные с привлечением платформ к ответственности в борьбе с дезинформацией⁷². Большое количество отечественных и зарубежных научных статей посвящены описанию платформ, помогающих обнаружить, проверить надежность и точность мультимедийного контента, распространяемого через социальные сети, например, InVID Project (Video Verification), Auntie Meiyu; описывается деятельность специальных фактчекинговых организаций⁷³. Разрабатываются программы технического распознавания и сквозной проверки фактов в реальном контексте, охватывающем более 90 языков. Используются популярные в настоящее время широкоформатные языковые модели GPT-3.5 с журналистскими рамками. Дезинформация превращается в глобальную проблему, которая формирует общественный дискурс, влияя на мнения и принятие решений в различных областях, поэтому фактчекинг как важная часть журналистской работы также осваивается в учебном процессе⁷⁴. Предполагается освоение инструментов, управляемых искусственным интеллектом. Однако ИИ позволяет манипулировать контентом и автоматизировать кампании по дезинформации, что еще усложняет работу журналистов по проверке.

Существенной опасностью для российского государства и общества являются информационные ресурсы «разгоняющие» темы разрушения суверенитета. По одинаковым лекалам в разных регионах создаются информационные ресурсы, призывающие к распаду России (Ингерманландия, «Большой Урал», «Вольный Выборг» и др.). Издаются специальные Манифесты сетевых сообществ, в которых провозглашаются идеи «за завершения эпохи *«арестов и репрессий, подавления свободы слова и свободы мысли»*. Авторы подводят читателя к выводу о необходимости смены *«режима Москвы»*. Эпоха, по мнению авторов таких постов, должна неминуемо закончиться падением *«преступного московского фашистского режима»*. Цель подобных материалов – эксплицитна (открыто

⁷⁰ Технофашизм, технотerrorизм и глобальная война // Катехон. Информационно-аналитическое издание. 22.11.2024. URL: <https://katehon.com/ru/article/tehnofashizm-tehnoterrorizm-i-globalnaya-voyna> (дата обращения: 06.09.2025).

⁷¹ Воронова О. Е., Трушин А. С. Функции фейков в современных информационных войнах // История.РФ. URL:<https://histrf.ru/magazine/article/funktsii-feykov-v-sovremennykh-informatsionnykh-voynah> (дата обращения: 10.08.2025; Epstein B (2020) Why it is so difficult to regulate disinformation online. In: Bennett WL and S (eds) The Disinformation Age. Cambridge University Press, 190–210; Richter A. Disinformation in the Media under Russian law / A. Richter. Strasbourg : European Audiovisual Observatory, 2019. 32 p.; Куру К. В. Фейковый контент в медиа как объект коммуникационных исследований // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве: сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума (Ялта, 15–17 мая 2019 г.) / под ред. Т. А. Сенюшкиной, Д. Танчича. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. –С. 95–99.

⁷² Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые – наказание реальное / А.И. Терских // Законность. 2022. № 8. С. 32–37.

⁷³ Ушкян С. Г. Не только социальные сети: каналы распространения фейковых новостей в представлениях населения // Galactica Media: Journal of Media <https://doi.org/10.46539/GMD.V6I2.460>

⁷⁴ Graph-of-Thoughts for Fact-Checking with Large Language Models Sascha Rolingerl, Jin Liu1, Proceedings of the Eighth Fact Extraction and VERification Workshop (FEVER), pages 266–273 July 31, 2025 P.266–273. ©2025 Association for Computational Linguistics

выражена): «*освобождение Выборгского и Приозерского районов Ленинградской области из-под власти Москвы и создание на их основе независимой Выборгской Республики*». Желанная цель – «*крах МОР (московского оккупационного режима)*». Субъекты речи прямо не называют насилистические способы смены власти, но из контекста становится понятным, что имеются в виду именно эти, а не мирные способы. «*Мы искренне стремимся к миру и процветанию, и хотели бы чтобы свобода пришла на нашу землю иным путём. Но очевидно, что это невозможно, и мы не видим иного выхода, кроме как добиваться сформировать и закрепить в читательском сознании отрицательный стереотип в отношении России, послужить основой для ультрарадикальных устремлений, поскольку открыто оправдывает правомерность применения насилия в отношении «власти Москвы».* Одним из первых предлагается тезис: «*Мы не желаем иметь ничего общего с произволом антисибирской, коррумпированной и, по сути, оккупационной власти, развязавшей войну с соседней страной, и неоднократно угрожавшей другим странам, в том числе – применением оружия массового поражения*». Этот тезис является по сути открытым публичным заявлением о поддержке Украины в ее противостоянии с Россией (этот позиция далее неоднократно подтверждается в сообщениях, размещенных в мессенджере в Телеграмм, заключается в одобрении деятельности РДК И ЛРС).

В подобных документах всесторонне обосновывается необходимость изменить политический строй, переписать Конституцию. Авторы Манифеста заявляют, что границы Выборгского и Курортного районов надо рассматривать как спорные территории. Правда, делают оговорку, что этот вопрос откладывается до момента, когда в перспективе будет возможность вхождения «*спорных территорий в состав Финляндии*». Акцентируя внимание на том, что «*эта земля была частью Суоми. Нас объединяют глубочайшие исторические и культурные, экономические связи*», напоминают, что поддержка движения «*священный долг финского народа и правительства*».

Создатели Манифеста подтверждают, что рассматривают обозначенную территорию как неотъемлемую и, на данный момент, «*оккупированную частью финно-угорского пространства*», и более того, частью пространства, «*принадлежащего европейской цивилизации*».

Предлагается герб будущего государства, где изображены руки, держащие мечи, то есть готовящиеся к удару, что «*выражает многовековую борьбу за земли Карельского перешейка*», иными словами, борьба предполагается не просто словесная, а вооруженная. В объяснении символики герба есть фраза: «*Мечи – символ готовности к борьбе за наши идеалы, а тип мечей – исторически распространённый по всей Европе – указывает на выбор нами европейского цивилизационного пути*». И в символике подчеркивается идея насилистической смены власти.

В г. Выборге Ленинградской области создается информационный ресурс организации «Народный совет Выборга», который не признает легитимную власть и берет на себя функции, никем не делегированные, например, раздает бесплатно земли, тем самым вовлекая в организацию новых членов. Финансирование организации неизвестными структурами позволяют ежедневно делать сюжеты и выкладывать их в YouTube и на других ресурсах.

Нередко объектами агрессии становятся представители власти – президент РФ, Премьер-министр губернаторы города, члены правительства. Формулируя негативную оценку, авторы постов используют высказывания, имеющие форму уничижительных характеристик, выражают презрительность к объекту агрессии. В коммуникативном плане используются лексемы с негативной оценкой, заключенной в подтасовке фраз, искажении смысла, ерничество, непристойные сравнения на аудиторию. Основная смысловая направленность подобных текстов, интенции авторов постов заключается в обесценивании личности. Враждебность по отношению персон выступает как комплексная аффективно-когнитивная черта автора. В этой связи предметом обсуждения на занятиях при

подготовке медиатекстов должны стать границы допустимости критики в отношении должностных лиц.

Находящаяся в юрисдикции некоего Объединенного Королевства Белых роз Академия Материнства позиционирует себя как правозащитник всех граждан и справедливая форма правления в России. Королевство «единственным законным правопреемником Российской империи и Союза Советских Республик (СССР) со всеми правами и обязанностями» и заявляет о присоединении к Королевству Белых Роз территорий, принадлежавших Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР), и объявляет государство «народной монархией».

Организация выпускает Манифест, в котором реализуются стратегии обвинения и дискредитации российской власти, критикуются ее действия; власти обвиняются в подавлении свободы. Весь манифест выглядит как обвинительный акт, обращенный к правительству РФ. Для реализации данной целевой установки в материале решаются следующие коммуникативные задачи: 1) обвинение российских властей; 2) пропаганда идей смены руководства; 3) пропаганда положительного отношения к идеи передачи России в управление обозначенной организации; 4) выражение осуждения и негативного отношения к людям, занимающим решающие позиции в политике России; 5) формирование образа врага, под которым понимается правительство России.

Создатели Манифеста не стесняются в выражениях, допускают безапелляционные обвинения «в карательном государственном терроре и репрессиях, политических убийствах, убийствах и расстрелах без суда и следствия, пытках с целью получения признания, пытках и зверствах для удовлетворения психопатологических устремлений психически неадекватных представителей власти, карательной психиатрии».

В так называемом документе всесторонне обосновывается необходимость изменить политический строй, а значит и Конституцию. Каждое слово Манифesta заряжено энергетикой ярких слов («нажива», «извращения», «грабежи»), в нем используются метафоры и ярлыки, негативно характеризующие власти всех уровней («чиновничий бандитизм», «преступная шайка»).

Искажаются факты истории. Революция и советская власть в исторической ретроспективе предстает перед нашим взором как захват и подмена властных структур террористическими группировками, которые осуществляли и продолжают осуществлять разграбление России и геноцид ее населения», иными словами, действия прошлых властей экстраполируются на современную власть, которая обвиняется в геноциде и разграблении России. В текстах используются когнитивные искажения, направленные на воздействие аудитории: предсказание будущего, катастрофизация, обесценивание позитивного, когнитивные фильтры, сверхобобщения, персонализация, обвинения.

Деструктивные медиа влияют на социальные эпидемии, вовлекая в потребителей информации в различные сообщества с помощью мощных механизмов психологического воздействия⁷⁵. Работая с молодежными и подростковыми аудиториями, используют унижение, навязывание чувства неполноты, допуская агрессивный информационный прессинг, занимаясь маргинализацией, организовывая стихийные процессы, используя механизмы, представляющие собой угрозу идентичности, эксплуатируют психопатологические особенности личности для вовлечения в организации, наносящие вред психическому здоровью общества.

Учащиеся выступают медиаэкспертами, работая с подобными медиатекстами. и, как правило, решают несколько задач: 1) установить, о ком/чем говорится в спорном высказывании (тексте) и относится ли предмет речи к нужному типу; 2) что именно о нем

⁷⁵ Фурс Л.А. Когнитивные механизмы манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоznание. Культурология». – 2025. № 3. – С. 227–234. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-227-234

сообщается и соответствует ли сообщаемое тому содержательному типу, который описан в вопросе по отношению к группам лиц) установить, о ком/чем говорится в спорном высказывании (тексте) и относится ли предмет речи к нужному типу; 2) что именно о нем сообщается и соответствует ли сообщаемое тому содержательному типу, который описан в вопросе по отношению⁷⁶.

Медиа в современном мире становятся, как мы заметили, основным пространством для ведения когнитивных войн, в которых медийные ресурсы используются как фактор, прежде всего, когнитивного воздействия на российскую государственность. Современная медиасфера используется в качестве инструмента политического манипулирования.

В Российской Федерации организуются особо опасные экстремистские организации, использующие информационные ресурсы для разрушения российской государственности.

В деструктивных материалах Россия представлена как страна изгоя («Россия войдет в учебники истории как страна, тупо разворованная собственным руководством»), вообще отвергается государственный статус Российской Федерации, само государство представляется как «колониальная корпорация», российская Армия РФ называется ЧВК (Частной военной Компанией). Утверждается также: «У Российской Федерации нет граждан РФ», «Все коренные граждане, их дети и внуки находятся в юрисдикции и правовом поле СССР». «У РФ нет ни одного квадратного сантиметра собственной территории».

В многочисленных постах на сетевых ресурсах демонстрируется неуважение к государству, органам, осуществляющим государственную власть. Представители судебных и налоговых органов, администрации называются «самозванцами и предателями народа и Родины», органы МВД, ФСБ названы «полицайки», «сфбейки», а их сотрудники – «смрадными рептильными тварями», приставы называются «бандитско-фашистскими формированиями», которым разрешено «убивать людей и граждан». Власть Российской Федерации называется ОПГ (организованная преступная группа). Граждане РФ, имеющие паспорта названы «тупыми», «сектой»; решения суда называются фальсификатами, а суды представляются «преступниками в траурных балахонах». Критике подвергаются учреждения в РФ, например, жилищно-коммунальные конторы. Перечисление гражданами денег ЖКХ предлагается авторами постов считать деньгами, «перечисленными на убийства людей».

Ключевой идеей практически указанных постов является идея восстановления СССР. Заявляется: «все мы граждане СССР и находимся на территории Советского Союза» и что «С 1 января 2018 года все паспорта РФ, выданные УФМСом недействительны!! может их выкинуть!». В текстах постов и видеороликах используются методы внушения, эмоционального заражения и подражания, провокационные приемы воздействия на общественное сознание, например прием запугивания. Ссылаясь на якобы не подписанный закон Российской Федерации «О частичной мобилизации», в постах неоднократно заявляется: «Все военкоматы ликвидированы в 2010 г. Подписав контракт, вы попадаете под уголовные статьи: 359 УК РФ – наемничество; 77 УК РФ – бандитизм». Подобные заявления способны деморализовать не только военнослужащих, но и других граждан Российской Федерации.

В идеологии сторонников идеи возврата к СССР используется смесь из идей немецкого движения рейхсбургеров и антисемитских идей. Участники националистического движения рейхсбургеров в Германии, не признают легитимность существования Федеративной Республики Германии и считают себя гражданами

⁷⁶ Бутакова Л. О. Экстремизм сквозь призму лингвистической экспертизы. URL:<https://en.ppt-online.org/183004>; Лингвистическая экспертиза экстремистских высказываний // Федерация судебных экспертов <https://lingex.ru/lingvisticheskaya-ekspertiza-ekstremistskikh-vyskazyvaniy/?ysclid=lmj5i20dng874633201> // (дата обращения: 05.09.2025).

немецкого Рейха, существовавшего с 1871 г. Границами Германского государства считают существовавшие на политической карте 1937 г.⁷⁷.

Опасность подобных нарративов в их системности и последовательности. Сторонники движения неустанно обучают «техникам», которые позволяют не платить налоги, штрафы, кредиты, коммунальные услуги, выигрывать дела в судах.

Новым вызовом для журналистов становятся такие явления, как троллинг, кибербуллинг, квадробинг, скулштинг и др. Для освещения подобных явлений и анализа деструктивного поведения в сетевой коммуникации журналист должен обладать знаниями в области личной и социальной психологии.

Наиболее распространён троллинг – тип провокационной деятельности в жизни социума и один из видов коммуникативного поведения (наряду с флеймом, флудом, холивором, спамом) в пространстве Интернет⁷⁸.

Вузы вынуждены разрабатывать программы обучения технологиям обеспечения когнитивной безопасности в медиасфере с учетом социально-психологических факторов, влияющих на критичность мышления. В учебные программы включаются темы, связанные с изучением когнитивных механизмов в процессах медиатекстуализации; освоением когнитивных инструментов в информационно-психологическом противоборстве и психологической защите в информационной сфере.

Значение медиаграмотности и медиаобразования в профилактике правонарушений и защите от преступлений, обеспечении безопасной и качественной журналистской работы хорошо осознаются сегодня педагогическим и медийным сообществом. Будущим журналистам психологически важно понять, что «заведомо ложная информации способна дестабилизировать спокойствие в обществе, побудить к конфликтам и представлять угрозу жизни и здоровью (например, в зарубежных странах СМИ после начала СВО крайне необъективно подают информацию об использовании ВС России на территории Украины). Системные высказывания вызывают у зарубежной аудитории русофобские настроения в отношении русскоязычных граждан.

Видеосюжеты размещаются в публичном пространстве, ложные сведения распространяются в нем под видом достоверных, содержащих данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. Авторы антироссийских публикаций в многочисленных сюжетах пытаются доказать, что «российские военные» («орда») «грабят, убивают, насилуют». Вносятся оценочные суждения, информация выдергивается из общего контекста, без сопоставления ее с другими фактами; должно интерпретироваться отдельные факты (события в Мариуполе и Бахмуте).

В анализе антироссийских текстов учитываются следующие обстоятельства: 1. Подтверждение факта «публичности», распространяемой информации; 2. Установление факта недостоверности сведений; 3. Удостоверение в заведомой ложности информации для ее распространителя; 4. Установления способа искажения информации и средств использованных для этого; 5. Изучение личности правонарушителя на предмет склонности к совершению противоправных деяний⁷⁹.

⁷⁷ Кантор П.Ю. «Граждане СССР» и «Живые люди суверены» в российских судах – что это? URL:<https://dzen.ru/a/ZKPK6C7rPiFyWlhK>. // Юридическая социальная сеть 9111.ru | Дзен (дата обращения 23.08.2025). Савин Л. Новая киберстратегия Пентагона | Катехон. Информационно-аналитическое издание. 220.09.2023. <https://katchon.com/ru/article/novaya-kiberstrategiya-pentagona> (дата обращения: 06.9.2025).

⁷⁸ Воронцов Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в Интернет-коммуникации // Вестн. Удмурт. го. ун-та. Сер История и филология. 2016. Т. 26. Вып.2. С. 109–115.

⁷⁹ Шамаев А.М. Вопросы правоприменительной практики квалификации деяний, подпадающих под ст. 207.3 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации) // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 95–97.

Россия представляется исключительно агрессором, которая «отжала Крым у Украины», является нарушителями международных норм», обвиняется в фашизме, президент Российской Федерации номинируется «злом», «агрессором», «убийцей» и «преступником», россияне, поддерживающие позицию президента, называются «заблудившимися», «бесноватыми».

В рамках основных дисциплин на факультетах, осуществляющих подготовку журналистов, изучаются: экзистенциональные угрозы безопасности (внешние и внутренние) и ее уровни безопасности (личная или индивидуальная, безопасность общества, национальная или безопасность государства, международная или коллективная, всемирная или глобальная); факторы использования Интернет в распространении конструктивных и деструктивных новостей (дигитализация и информатизация всех сфер жизнедеятельности общества, доступ к большим объемам информации, мультимедийный формат, скорость, низкая стоимость передачи информации, анонимность связи, отсутствие цензуры или слабый контроль)⁸⁰.

Неконтролируемый поток симуляций требует проверки получаемых сведений, минимизации рисков от распространения фейковой информации, контроля за разглашением сведений, составляющих государственную тайну. Именно поэтому становятся популярными идеи продвижения медиаграмотности, гражданского образования и наращивание партнерского потенциала для журналистики.

Таким образом, изменение условий в работе журналиста требуют развития новых навыков обучающихся, освоения ими теоретических аспектов политической лингвистики, юрислингвистики и медиалингвистики, а также основам медиабезопасности. Учебные заведения ставят своей целью достижение синтеза базовых представлений обучающихся о роли СМИ в политической сфере, в воздействии на все сферы и институты общества, включая политику.

В рамках ряда базовых и элективных дисциплин, таких как «Политическая психология: особенности медиадискурсивных практик», «Журналистика в политических технологиях», «Медиапсихология: формы, методы, эффекты воздействия в цифровой среде», «Медиапсихология: модели поведения в профессиональной среде», «Конфликтогенный медиатекст: природа и аспекты изучения» и др. анализируются конструктивные и деструктивные медиатексты в традиционных и сетевых медиа, осваиваются методы и приемы их воздействия на разные целевые аудитории. В задачи обучения входит формирование у учащихся представлений о том, как СМИ определяют политическую повестку дня, выходят на авансцену политической борьбы, становятся фактором медиатизации политики, превращая политику в медиапроцесс, влияя на процесс трансформации идеологических концептов, конструирование политических медиамиджей и информационную безопасность.

В программу обучения включаются дисциплины, позволяющие: а) дать системное представление о функциях и целевых установках сетевых СМИ в социально-политическом процессе современной России; формах и методах отражения политической жизни в сетевых СМИ, их участии в организации информационного обмена между субъектами политического процесса; б) ввести студентов в мир виртуального информационного пространства, в котором осуществляется политическая коммуникация; в) раскрыть значение журналистов как квалифицированных посредников в организации и поддержании информационных связей между властью, политической элитой, обществом посредством Интернет-коммуникации; г) очертить нравственные параметры журналистики в этой сфере; обогатить методическим инструментарием студентов, специализирующихся в области политической журналистики; д) познакомить с особенностями работы политических

⁸⁰ Пролегомены когнитивной безопасности. Коллективная монография / под редакцией И. Ф. Кефели. – СПб.: Петрополис, 2023. – 448 с.

обозревателей, парламентских корреспондентов, комментаторов; е) Выработать у студентов умение анализа взаимодействия СМИ как субъекта политического процесса со структурами власти, политическими организациями, другими субъектами политического процесса, а также сформировать навыки подготовки журналистских текстов политической проблематики, рассматриваемых в контексте когнитивной психологии.

Эмпирическую базу для работы в аудитории составляют материалы Центра экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета. (тексты СМИ и заключения экспертов)⁸¹. Центр проводит до 1000 экспертиз в год для федеральных и региональных органов государственной власти, судов и органов прокуратуры, других правоохранительных органов, бизнес-структур и частных лиц.

Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 была утверждена обновленная номенклатура научных специальностей, в которую впервые была включена новая группа научных специальностей – когнитивные науки, охватывающие междисциплинарные исследования когнитивных процессов. В научном дискурсе актуализируются проблемы изучения массмедиа в структуре когнитологии, представляющей собой симбиоз наук – философии, психологии, социологии, филологии и др.

К освоению предлагается учебный материал, изучаемый с разных подходов. *Лингвистический подход* предполагает когниции рассматривать как процесс и результат познания через систему текстопостроения. В этом случае медиатекст анализируется как когнитивный (ментальный) инструмент влияния на аудиторию.

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению массовой коммуникации опирается на понятие «когнитивно-дискурсивная практика», под которой понимается «преобразовательная деятельность людей».

Психологический подход означает изучение когнитивных медиатехнологий манипуляции сознанием, понимание самых распространенных когнитивных искажений, природы систематических ошибок; в том числе ошибок селективного восприятия медиатекстов, а также другие эффекты воздействия СМИ на аудиторию.

Онтологические исследования психологов и концепции расширенного познания позволяют описать множество эффектов и феноменов ошибочного восприятия и обработки информации.

Системные идеи, подсказанные медийной практикой и политической обстановкой, требуют незамедлительного включения в учебные программы новых технологий создания и анализа медиатекстов, освоения новых подходов к обучению журналистике и работу над формированием новых компетенций.

⁸¹ Центр экспертиз
ekspertiz?ysclid=mfa99o9tp6115091188

СПбГУ. URL: [https://spbu.ru/ekspertnyy-universitet/centr-](https://spbu.ru/ekspertnyy-universitet/centr-ekspertiz?ysclid=mfa99o9tp6115091188)

Глава 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ: АКСИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

2.1 Роль медиацентров в образовательном процессе: содержание и требования к медиакомпетентности современного педагогического работника (на примере ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет»)

Дегтярева Ольга Викторовна,
кандидат политических наук, доцент,
*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС),
ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет» (г. Бердянск,
Запорожская обл.)*

Медийно-информационная грамотность населения все чаще выступает предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей. Наши социологические опросы показали, что абитуриенты направления подготовки 42.03.02 «Журналистика» недостаточно владеют навыками поиска, отбора, использования и критического осмысления информации. Однако именно эти элементы составляют основу медиаграмотности будущих педагогических работников.

Развитие технологий сформировало совершенно иные принципы восприятия информации. С одной стороны, заочный диалог в социальных сетях, геймификация познавательного процесса, иммерсивность – это инструменты, которые призваны решить проблемы клипового мышления, недостаток концентрации, многозадачность и наладить диалог между образовательной организацией и ее молодой аудиторией на понятном последней языке. С другой стороны, результаты исследований подчеркивают важность интеграции программ повышения медиаграмотности в образовательные программы вузов, а также необходимость повышения квалификации педагогических работников, взаимодействующих со школьниками в рамках медиаклассов и медиацентров. Исследование, направленное на выявление проблем в области формирования медийно-информационной грамотности среди российских подростков, показало, что всего 23% имели представление о содержании понятий «информационная грамотность» и «медиаграмотность», в то время как 67% – не были знакомы с этими категориями⁸².

Компания ООО «ТИБУРОН» (Tiburon Research) установила, что почти 40% россиян обращались к онлайн-обучению за последний год⁸³. Несомненно, рост популярности онлайн-курсов в России является частью глобальной тенденции цифровизации образования, которая особенно усилилась в последние годы. Согласно данным Содружества онлайн-высшего образования (СОВО), в 2024 году выручка от новых наборов на онлайн-программы высшего образования достигла почти 2 млрд. рублей, что на 36% больше по сравнению с предыдущим годом. Важно отметить, что с 2021 по 2024 годы наблюдался рост

⁸² Антипина Н. Л., Герасимова Г. И., Мурзина Е. В. Исследование медийно-информационной грамотности российских подростков // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. №2 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-medijno-informatsionnoy-gramotnosti-rossijskih-podrostkov> (дата обращения: 16.02.2025).

⁸³ Tiburon Research. Онлайн-обучение в России: популярные направления и платформы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tiburon-research.ru/cases/onlajn-obuchenie-v-rossii-populyarnye-napravleniya-i-platformy> (дата обращения: 28.03.2025).

рынка в 6,5 раз, а выручки – с 717 млн. рублей до 4,5 млрд. рублей соответственно⁸⁴. Детский сегмент онлайн-образования ежегодно демонстрирует поступательно высокие темпы роста в 2024 году 39% против 27% – в 2023 году⁸⁵. Среди причин актуализации коммерческого сектора отмечается растущий спрос на образовательные курсы, которые не входят в перечень школьной программы.

С другой стороны, на фоне активной разработки и внедрения дистанционных технологий и платформ в школах и вузах, которые предлагают интерактивные курсы, видеоуроки, тестирования и симуляции, создавая тем самым полноценную образовательную экосистему, все чаще обнаруживается проблема нехватки квалифицированных педагогов – многие не имеют достаточных навыков для работы с цифровыми инструментами. В результате возникла необходимость в расширении профессиональных компетенций, в формировании базовых навыков, поскольку эти умения позволяют учителям адаптировать образовательный процесс к современным изменениям. Тенденция усилилась в связи с тем, что общество осознало возрастающее влияние медиа в разных областях человеческой деятельности. Следовательно, своего осмыслиения требует и социальная роль медиа.

Часто, основным содержанием медиаобразования выступает язык медиа, а педагогической стратегией – обучение правилам декодирования медиатекста, описания его содержания, ассоциаций, особенностей языка. В этой связи исследователь Э. Харт писал, что «медиаобразование должно еще более активно внедряться в учебный процесс, так как «новая» грамотность требует, чтобы учащиеся изучали «метаязык», который позволит им говорить о медиа»⁸⁶.

Важную роль в достижении этих целей играет системное развитие медиаобразования. «Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года»⁸⁷ определяет одной из ключевых задач создание условий для самореализации и развития талантов подрастающего поколения, а также формирование гармонично развитой, социально ответственной личности с высоким уровнем морального сознания. В документе подчеркивается необходимость формирования медиаграмотности у детей в рамках дополнительных общеобразовательных программ социально-гуманитарной направленности. Особое внимание уделяется созданию сети школьных медиацентров (пункт 8.1), которые могут стать платформой для освоения практических навыков работы с медиасредой.

Сложный характер медиакоммуникаций, разная степень вовлеченности аудитории в потребление и создание контента требуют не только нового теоретического понимания медиа, но и конкретных мер по обеспечению безопасной цифровой среды. Вопрос понимания медиаконтента юной аудиторией остается чрезвычайно важным на протяжении всей истории СМИ, но сегодня он становится еще актуальнее, что обусловлено процессами цифровизации массмедиа. Критическое отношение к современному медиаландшафту, умение ориентироваться в медиа, возможность самореализации в информационном поле становятся важными компетенциями «человека медийного» – активного участника процессов распространения и производства медиапродуктов, а не только их пассивного потребителя. Цифровые медиа – понятие, которое синтезирует традиционную

⁸⁴ Содружество онлайн-высшего образования. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soovo.ru> (дата обращения: 28.03.2025).

⁸⁵ Аналитика 4 квартал 2023 года // Edtechs.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://edtechs.ru/index/?index=20>

⁸⁶ Hart A. Probing the New Literature: A Meta-language for Media. / Hart A. // Telemedium. Journal of Media Literacy. – 2000. – № 1.

⁸⁷ Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 г. // Распоряжение Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 678-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/3f1gkklAJ2ENBbCFVEkA3cTOsiypicBo.pdf> (дата обращения 25.05.2025).

журналистику и СМИ с новой цифровой медиасредой, включающей как профессиональные, так и любительские контент-продукты в сети интернет, мессенджерах, поисковых системах, соцсетях. Сегодня каждый участник информационного пространства может самостоятельно выполнять функции комментатора, репортера, фотокорреспондента, редактора и т.п. Не случайно О.И. Молчанова отмечает, что «по мере развития медиасфера изменяются свойства современного потребителя, в частности, восприятие им информации из плоского превращается в объемное, меняется поведение пользователя: теперь он не только потребляет информацию, но и транслирует ее и даже производит, что становится возможным благодаря новым интерактивным технологиям»⁸⁸. Более того, моральный ущерб, наносимый небезопасными медиаресурсами, может проявляться как на уровне отдельного индивидуума (эмоциональные, психологические, социальные факторы), так и на уровне группы или всего социума, и иметь краткосрочный и долгосрочный эффект.

Важным направлением развития современного образования является цифровая образовательная среда (ЦОС) и цифровые образовательные ресурсы (ЦОР)⁸⁹, которые должны способствовать ускорению поиска, обмена и освоения информации, активизировать познавательные процессы обучающихся, а также готовить их к практическому применению полученных знаний в самостоятельной деятельности. Они должны повысить уровень эффективности развития различных видов мышления, коммуникативных навыков, умений работать с разными типами информации, а также повлиять на формирование потребности в самореализации и самообразовании в условиях современного общества.

Обновленный в 2024 году Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО) включает в требования к результатам освоения учебной программы такие пункты, как «Разумное и безопасное использование цифровых технологий»; «Формирование культуры пользования ИКТ»; «Компетентность в сфере ИКТ». Тем самым ФГОС подчеркивает необходимость формирования у обучающихся навыков безопасного использования средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и сети интернет, работы с поиском, анализом и передачей информации, презентацией выполненных работ и развития критического мышления в цифровой среде⁹⁰. Эти стандарты являются важной составляющей успешной социализации, обучения и будущей профессиональной деятельности в современном обществе.

В рамках работы студенческой научной группы «Проектная деятельность в медиабразовании как инструмент формирования практико-ориентированных медиакомпетенций» нами были подготовлены две группы студентов. Под нашим руководством первая группа студентов провела фокусированные интервью и социологическое исследование – опрос педагогов школ и учреждений дополнительного образования с целью разработки и апробации курса повышения квалификации учителей медиацентров, способствующих формированию дополнительных компетенций в сфере медиа. В опросе приняли участие 138 педагогов разных городов России, 90 (65%) из которых подчеркнули важность обучения и внедрения базовых знаний и принципов формирования медиаграмотности.

⁸⁸ Молчанова О.И. Пользовательский контент как результат трансформации медиасферы // Информационное общество. – 2017. – № 4-5. – С. 101.

⁸⁹ Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» [Электронный ресурс]. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/> (дата обращения: 12.02.2025).

⁹⁰ Проект «Цифровой образовательный контент» [Электронный ресурс]. – URL: <https://educont.ru/about>

⁹⁰ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования // Приказ Министерства Просвещения РФ от 31 мая 2021 г. №287 (ред. от 22.01.2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/ (дата обращения 25.05.2025).

Мы изучили контент и публикации ряда школьных медиацентров, которые представляли опрошенные респонденты и выявили, что их участникам часто не хватает базовых навыков медиаграмотности. В частности, наблюдается: несоблюдение норм правовой и информационной этики, нарушение авторского права, достоверности, использовалась эмоционально окрашенная лексика в заголовках и т.п. Для более детального исследования состояния медиацентров и установления соотношения их деятельности с содержанием федеральных и национальных проектов («Молодежь и дети»⁹¹, «Все лучшее детям»⁹² и «Наставники и педагоги»⁹³), а также проекта «Школа Минпросвещения России»⁹⁴ [5], был проведен подробный анализ контента ряда региональных медиацентров. Для анализа были выбраны критерии, соответствующие ключевым направлениям медиаобразования: навыки написания и редактирования текстов, навыки видеомонтажа, умение критически воспринимать информацию, способность анализировать надежность источников, умение отличать факты от мнений и пр.

Например, рассмотрим текст медиацентра «НОВОСТИ МОУ СОШ №23»⁹⁵ г. Воркуты от 21 октября 2024 г. о проведении школьной «пятиминутки», посвященной профилактике виртуальных преступлений. В результате анализа видно, что структура текста в жанре «заметка» нарушена, в публикации недостаточно конкретных примеров киберпреступлений, которые могли бы помочь читателям лучше понять угрозы (например, можно указать кражу личных данных через фишинг — мошеннические письма), присутствуют размытые формулировки и т.п.

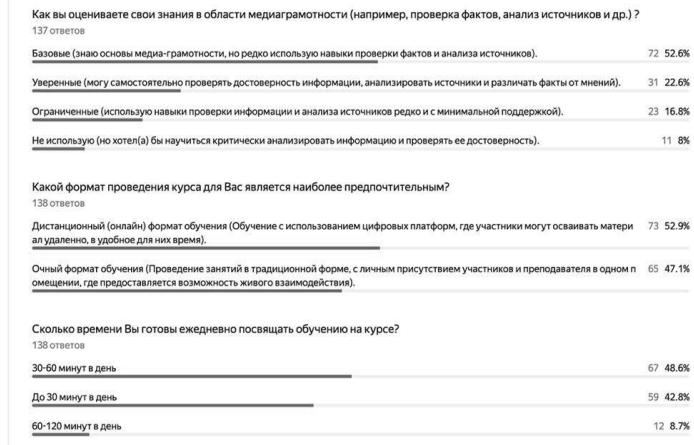

Рис.1 Оценка знаний педагогических работников в области медиаграмотности.

⁹¹ Национальный проект «Молодежь и дети» [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/914/about/> (дата обращения: 25.05.2025).

⁹² Федеральный проект «Все лучшее детям» [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/sAaJYPPFTsrPXNV1NT6FYjlVvksc2WwA.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

⁹³ Федеральный проект «Наставники и педагоги» [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/sAaJYPPFTsrPXNV1NT6FYjlVvksc2WwA.pdf> (дата обращения: 18.05.2025).

⁹⁴ Федеральный проект «Школа Минпросвещения» [Электронный ресурс]. – URL: <https://smp.edu.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

⁹⁵ Медиацентр МОУ «СОШ № 23» ВКонтакте [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/novosti_mou_sosh23?ysclid=m2j7s0efve337885560 (дата обращения: 18.03.2025).

Вторая группа студентов (Арабова А. К. и Михалева Н. Н.) под нашим руководством и совместно с руководителем ресурсного центра технической направленности дополнительного образования Республики Коми Тутриновой Анастасией Петровной подготовила мониторинг и сравнительный анализ организационной и содержательной части работы школьных медиацентров, далеких от зоны СВО. Для оценки текущего состояния медиацентров в Республике Коми с сентября по октябрь 2024 года были привлечены 125 образовательных организаций. По отношению к общему количеству общеобразовательных организаций региона, численность которых составляет 291 согласно отчету Министерства просвещения РФ о состоянии системы образования в субъектах РФ за 2024 год, в нашем мониторинге приняли участие меньше половины организаций, а именно 43%. По данным проведенного мониторинга, медиацентры осуществляли свою деятельность в 116 учреждениях – 25% (всего 29 организаций). Данные мониторинга показали, что несмотря на то, что организации заявили о наличии медиацентров, они не имели своих сайтов и их страницы в социальных сетях были не активны. То есть медиацентры регионов, не испытывающих на себе кадровый голод, отключение электроэнергии и иные материально-технические проблемы, в большей степени характерные для зоны СВО, оставались «внутренними» локальными проектами, о результатах деятельности которых, были осведомлены только их непосредственные участники.

Заключительный этап исследования предполагал выделение целевой группы (педагогические работники), ее сегментирование по профессиональным и поведенческим признакам и выявление основных потребностей. Для анализа целевой аудитории был использован комбинированный подход, с использованием методологии: модели STP (Segmenting, Targeting, Positioning) и Buyer Persona, которые позволили определить основные характеристики типичного представителя аудитории, включая демографические аспекты, поведенческие паттерны, боли и потребности. Теория образовательных потребностей Д. Макклелланда способствовала глубокому пониманию мотивации педагогических работников, что особенно важно для создания портрета целевой аудитории в сфере медиаобразования. Разделение по трем ключевым потребностям — достижение, сопричастность и власть — помогло сегментировать аудиторию по ключевым ценностям и стремлениям.

В результате исследования мы пришли к выводу, что 65% опрошенных педагогических работников считают необходимым внедрение факультатива «Медиаграмотность» в школьный образовательный процесс. Анализ материалов показал, что педагоги осознают необходимость обучения медиаграмотности, но многие не имеют достаточного количества знаний в этой сфере.

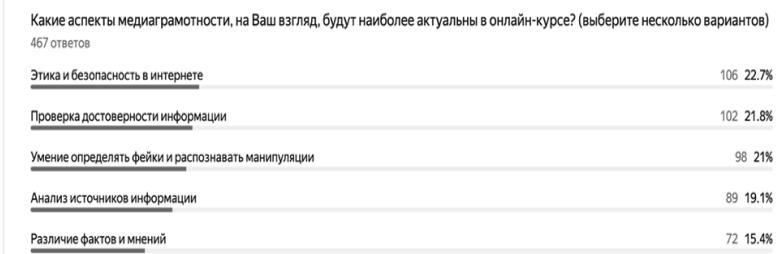

Рис. 2 Актуальные потребности педагогических работников в области изучения медиаграмотности.

Разработка образовательных программ, методических материалов и курсов повышения квалификации является приоритетным направлением для улучшения ситуации. Отмечена необходимость создания специализированных информационных каналов: профессиональные педагогические сообщества, специализированные вебинары, курсы повышения квалификации, образовательные порталы и другое.

Знания	Когнитивные процессы					
	Запоминание	Понимание	Применение	Анализ	Оценка	Создание
Фактические	базовые понятия медиаграмотности, журналистики, основные принципы создания медиапроектов, журналистская этика, законы РФ о СМИ.	Классификация журналистских жанров, структура журналистских текстов, основы фактчекинга.	Использование знаний для создания контента в контексте.	Сравнение традиционных и цифровых медиа, анализ фейков.	Оценка достоверности источников информации.	Разработка медиaproекта (группы ВК, Телеграм-канала, видеорепортажа).
Концептуальные	Ключевые цели и задачи журналистики, принципы работы с медиа.	Понимание механизмов распространения информации, влияние соцсетей.	Использование правил написания заметок, съемки интервью, видеосъёмка, видеомонтажа.	Анализ манипулятивного контента, медиатехнологий.	Оценка качества созданных медиаматериалов, имя знания о правилах их создания.	Создание контент-плана, стратегии продвижения.
Процедурные	Правила создания постов, видео, интервью, инфографики.	Понимание структуры журналистского текста, правил интервью.	Применение инструментов фактчекинга, монтажа, работы со светом и звуком.	Анализ качества созданного контента, выявление недочетов.	Оценка соответствия материала аудитории и жанру.	Создание медиаматериалов: статьи, видеорепортажи, интервью, карточки.
Метакогнитивные	Основы медиаграмотности, цифровой гигиены.	Осознание принципов критического мышления, логической аргументации.	Использование способов обнаружения фейков, манипуляций.	Анализ манипуляций, влияние соцсетей на психику.	Оценка собственной профессиональной компетентности.	Разработка стратегий защиты от фейков и манипуляций.

Таблица 1. Система учебных целей (по таксономии Блума).

Среди основных мотивов, которые вынуждали респондентов задуматься о дополнительном образовании, следующие: «желание быть современным специалистом», «эффективно работать с цифровым поколением», «обеспечивать информационную безопасность детей». По итогу проведенных интервью (CustDev) респонденты упомянули о барьерах: «нехватка времени на обучение», «недостаток качественных образовательных программ», «консервативные взгляды на обновление учебного процесса», «технические барьеры» и др.

Насколько, по вашему мнению, важно развивать базовые навыки журналистики у школьников?

137 ответов

(Оцените по шкале от 1 до 5, где 1 — совсем не важно, 5 — очень важно)

Какие аспекты медиаграмотности, на Ваш взгляд, будут наиболее актуальны в онлайн-курсе? (выберите несколько вариантов)

467 ответов

Рис.3 Оценка базовых навыков в области журналистики у школьников.

Все опрошенные подтвердили, что школьные медиацентры играют важную роль в образовательном процессе, однако указали на некоторые трудности в их функционировании. Двое респондентов отметили нехватку квалифицированных кадров, один подчеркнул проблемы с материально-техническим обеспечением, а третий обратил внимание на слабую интеграцию медиаобразования в общую образовательную систему, отметил: «учителя, которые занимаются медиаобразованием, зачастую не имеют соответствующей подготовки и вынуждены осваивать все на ходу» (интервью №2, руководитель ресурсного центра технической направленности).

Что касается проблем с кадровым обеспечением, респонденты сошлись во мнении, что нехватка специалистов является одним из ключевых препятствий. Один из них предложил привлекать студентов педагогических вузов и факультетов журналистики к работе в школьных медиацентрах. Этим целям как раз служит авторский проект наших студентов «Онлайн-курс повышения квалификации «МедиаПрофи»⁹⁶. Другой респондент подтвердил, что необходимо внедрять специальные курсы повышения квалификации: «если педагоги будут проходить курсы, ориентированные именно на школьное медиаобразование, качество подготовки значительно повысится» (интервью №3, директор АНО ДПО «Шаги к успеху»).

В рамках работы фокус-группы и этапа обсуждения перспектив развития медиаобразования в регионе участники предложили несколько решений. Двое поддержали идею создания онлайн-курсов для педагогов, ориентированных на практическое обучение, еще один отметил важность региональной поддержки и централизованных рекомендаций по созданию медиацентров: «необходимо разработать единые методические рекомендации, чтобы каждая школа понимала, как создать и развивать медиацентр» (интервью №1, директор ГАУДО «Республиканский центр дополнительного образования»). Группа респондентов отметила, что совместное обучение медиаграмотности школьников и педагогов на текущем этапе способствует росту информационной безопасности в цифровом пространстве.

С развитием цифровых технологий медиацентры становятся неотъемлемой частью образовательного процесса. Интеграция медиацентров в образовательный процесс способствует повышению качества образования. Медиацентры становятся площадкой для междисциплинарных проектов. Они объединяют различные области знаний и способствуют комплексному развитию личности. Однако остается актуальной проблема, заключающаяся в том, что деятельность значительной части медиацентров и их охват не выходит за пределы школы, что ограничивает их влияние и значимость, а также возможности развития, поскольку они не достигают своей целевой аудитории и не получают обратной связи из внешних источников. Несмотря на количественное расширение медиацентров, в их деятельности сохраняется целый ряд содержательных и методических проблем. Это касается как уровня подготовки педагогов, так и качества создаваемого медиаконтента, также подвергнутого анализу в нашем исследовании. Медиаобразование призвано сформировать медиакультуру нового поколения, обеспечить осознанное и безопасное взаимодействие с медиасредой, а также способствовать эффективному использованию цифровых ресурсов в самостоятельном обучении детей и молодежи. Медиацентр в школе может и должен выступать как полноценный медиапедагогический ресурс, ориентированный на формирование у школьников навыков анализа и критического восприятия информации, создания собственных медиапродуктов и осмыслиенного участия в медиакоммуникации. Однако подобная функция возможна лишь при наличии у педагогов устойчивых умений в области медиаобразования, понимания жанровых особенностей,

⁹⁶«МедиаПрофи». ВКонтакте [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/media_proffi (дата обращения: 20.06.2025)

технической грамотности. Таким образом, уровень функционирования школьного медиацентра становится презентативным показателем медиакомпетентности педагога, а также готовности образовательной организации интегрировать медиаобразование в повседневную педагогическую практику.

2.2 Ценностная идентификация медиаобразования в Луганском государственном университете: традиции и вызовы современности

Куянцева Елена Александровна,

*канд. филол. наук, заведующая кафедрой журналистики и издательского дела
ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (ЛНР)*

Проблема медиаобразования в условиях современности стала не просто актуальной, а необходимой для ее глубокого исследования и применения в образовательном процессе.

Современные проблемы, с которыми сталкивается общество, сложны не только революционными преобразованиями, но и своей беспрецедентностью: никогда ранее человечество не сталкивалось с такой перенасыщенностью информацией. Действительно, её стало настолько много, что утратилась возможность переработать или разобраться в ней даже профессионалам в медиасфере. Абсолютно каждый в нынешних реалиях может принять фейк за правдивую информацию и наоборот. Сложно разобраться, где правда, полуправда, информационный вброс или многоступенчатая дезинформация. Человеку стало крайне затруднительно понять, что из информационного изобилия ему нужно, а что следует игнорировать, какие знания способствуют развитию, а какие вызывают разрушение личности.

В современных условиях появилась еще несколько важных проблем: в медиасфере новостные ленты создает ИИ, и она зачастую воспринимается общественным сознанием в качестве «мебели», которой пользуются, но при этом не обращают на нее внимания⁹⁷. Читатель «всякий раз видит обновление содержания, подстроенного под запросы, которые он же и «кликнул» вчера»⁹⁸. В таких условиях «информационного изобилия» (образное выражение Дж. Кина) и цифровизации медийного мира живет современный человек. И у него есть потребность понять эти перемены.

Ранее в истории человечества одним из эффективных способов нужного для страны информационного воздействия были цензурные ограничения, государственная идеология, но в условиях современности сделать все это «проверенными» способами невозможно. В любом случае человек столкнется с разнообразной информацией, самыми различными, вплоть до противоположных, интерпретациями происходящих и даже давно случившихся событий, исторических фактов. И это будет влиять на его мировосприятие. Как никогда остро встал вопрос о способах выживания в условиях информационной турбулентности. Для каждого индивидуума актуальной является задача – избежать деструктивной манипуляции, сохранить психическое здоровье в условиях мощного информационного воздействия на массовое сознание.

⁹⁷ Медиакснология «второй реальности» / под ред. В.А. Сидорова. СПб, 2025. С. 4.

⁹⁸ Там же, с. 4

Обозначая специфику современных реалий, исследователи ссылаются на четвертую, а то и пятую информационные революции, связанный с появлением Интернета⁹⁹. Всемирная сеть дала новые возможности для коммуникации: «от книжной культуры письма, мы все заметнее переходим к экранной культуре изображения, и если передача знания и культуры шла к сыну от отца, от учителя, от книги, то теперь все более заметна перспектива зрительного образования и совместной рефлексивности нового поколения»¹⁰⁰.

Интернет-пространство последовательно подходит к «созданию единого информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиапотоков»¹⁰¹.

Говоря о современных вызовах в медиасфере, исследователи указывают также на беспрецедентное увеличение креализованного текста и манипулятивных технологий в возросшем потоке информации, предназначенном для массовой аудитории; увеличение конфликтогенности в масс-медиа. «Чтобы разрешить противоборство односторонней победой, игроки коммуникативно-информационного поля зачастую пытаются внедрить всевозможные фактоды, переманив социум на свою сторону»¹⁰².

Молодежь часто оказывается под воздействием многомерных и разнонаправленных потоков информации, поэтому стала очевидной необходимость формирования навыков, знаний и умений восприятия информации, что позволило бы истолковывать значения аудиовизуальных образов и соответственно ориентироваться в них¹⁰³. Исследователи пришли к выводу о необходимости внедрения медиаобразования – направления в педагогике, изучающего закономерности массовой коммуникации и решающего такие задачи, как «подготовку нового поколения к жизни в современных информационных условиях, к восприятию разновекторной информации, обучению человека адекватно понимать ее, осознавать последствия её воздействия <....> на психику, а также овладению способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств»¹⁰⁴.

Традиционно в проблемах развития медиаобразования в России исследователи винят идеологические барьеры и невозможность доступа к источникам информации, научным разработкам, которые были закрыты исходя из «цензурных соображений и идеологических установок»¹⁰⁵. Меж тем, как события последнего десятилетия доказали наличие цензуры и идеологических установок и со стороны Запада, считающегося демократическим и находящимся в авангарде научных достижений. Более того, имея опыт применения «мягкой силы» для воздействия на информационное пространство различных стран, западные технологии используют медиаобразование и медиаграмотность для манипуляции

⁹⁹ Лисицкая Л.Г., Молчанова М.М. Медиаобразование в России: история и перспективы // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №70-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-v-rossii-istoriya-i-perspektivu> (дата обращения: 08.08.2025)

¹⁰⁰ Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерк современной русской стилистики М.: Гардарики, 2005. С. 213.

¹⁰¹ Лисицкая Л.Г. Медиатекст в аспекте культуры речи. М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2008. С. 7

¹⁰² Рудаков С.И., Соловникова Т. Г. Влияние медиасфера на современные социальные конфликты // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. №17 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mediasfery-na-sovremenneye-sotsialnye-konflikty> (дата обращения: 05.08.2025)

¹⁰³ Лисицкая Л.Г., Молчанова М. М. Медиаобразование в России: история и перспективы // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №70-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-v-rossii-istoriya-i-perspektivu> (дата обращения: 05.08.2025). С. 124

¹⁰⁴ Там же. С. 125.

¹⁰⁵ Там же. С. 125

общественным мнением. Например, на Украине, которая уже три десятилетия декларирует свою приверженность европейскому курсу развития массмедиа, последовательно, с помощью финансируемых из-за рубежа проектов («Детектор медиа», «Media Sapiens», «Media lab», фонд «Демократические инициативы») продвигается мысль, что молодое поколение более мудрено грамотно, чем старшее. Такие данные подкрепляются результатами социологических исследований. На наш взгляд, они скорее показывают, какая часть населения более восприимчива к информационной повестке дня, продвигаемой масс-медиа Украины. Молодежь, еще не сформировавшаяся в своих мировоззренческих взглядах, становится мишенью для информационного воздействия, поскольку энергична, податлива, готова действовать. Старшее поколение, рожденное при СССР, обесценивается, презентуется в украинских медиаисследованиях как закостеневшее в своих устаревших взглядах на мироустройство.

Еще в первом десятилетии ХХI века украинские ученые ссылаются на Европу как большой авторитетный ориентир в выборе пути развития Украины в постсоветский период. «Еврокомиссия рассматривает понятие медиаграмотности как важный фактор активной гражданской позиции в информационном обществе, имеющем отношение ко всем видам медиа (телевидение, кино, радио, музыкальные записи, печатные и интернет-ЗМК и т. д.) (перевод наш. – Е.К.)»¹⁰⁶. Если в СССР идеологические ориентиры давала правящая Коммунистическая партия, то после провозглашения Украиной независимости стала популярной мысль о новых ориентирах в «демократическом» устройстве новообразовавшегося государства, исходя из сформировавшейся гражданской позиции каждого.

Идея свободного выбора выглядела привлекательной. Логично смотрелась альтернатива «тоталитарному» обществу – гражданское, в котором каждый человек будет строгим критиком работы медиасфера и сможет сам выбрать себе качественный контент для потребления. Но этого не случилось, и не только на Украине. Сложно указать то общество в современном мире, где действительно имеются идеальные условия для формирования гражданской позиции каждого индивидуума, которые декларировались в научном дискурсе как демократические, свободные, плюралистические.

Для жителей Луганской Народной Республики вопрос о внедрении медиаграмотности в обучение стал особенно остро в 2014 году. Они что называется, на себе испытали крах международных стандартов свободной журналистики. Преподаватели, обучающие будущих профессионалов медиасферы, и студенты, мечтающие о журналистской карьере, столкнулись с реальностью, в которой оказалось «европейские» ценности журналистики не работают: откровенная дискриминация, культура отмены, обозначение части населения врагами и террористами с последующей расправой в соответствии с навешанным ярлыком.

Вопрос медиаграмотности стал особенно актуальным для всего региона: столкновение с кратко увеличивающимися объемами информации, отсутствие правил в информационной войне, крушение многих аксиом в журналистских стандартах – все эти вызовы современности, подчеркнутые прозрачностью грани перехода боевых действий и угроз из виртуального мира в реальность были осмыслены в сложных условиях крушения несостоявшейся суверенности Украины, спецификой культуры и положения Донбасса. Безусловно, это повлияло на их дальнейшую образовательную деятельность.

¹⁰⁶ Шинкарук А.Л. Європейські комунікації: культура, політика, технології: монографія / Шинкарук А. Л., Парfenюк В. М., Кац Е. Я. Рівне, 2008. С.111

Луганский государственный педагогический университет второй по значимости вуз Донбасса, который занимается подготовкой специалистов для СМИ в условиях гибридного информационного противоборства.

Кафедра журналистики и издательского дела в ЛГПУ, основанная в марте 2005 года, до событий 2014 активно занималась изучением региональной журналистики, особое внимание уделялось луганским СМИ, изучению специфики журналистики целом и Луганского края с учетом имеющихся на тот момент представлений об украинской журналистике, выбравшей европейский путь развития. Основными её ценностными постулатами с 1991 года до конца 2013-го были отказ от цензуры, строгий контроль за соблюдением журналистской этики со стороны общественности, ориентация на формирование гражданского общества, предоставление возможности свободно выражать свои взгляды в медийном пространстве. В условиях декларирования европейских стандартов в информационной сфере Украины вопрос о важности комплексного изучения журналистики как феномена социализации общества не реализовывался.

После геополитических событий 2014 года и последующего военного конфликта часть Донбасса фактически вышла из состава Украины, став непризнанными республиками (до сентября 2022 года, когда ЛНР и ДНР вошли в состав России).

Журналисты Луганщины испытали на себе кризис журналистских стандартов, реализуемых в мирное время, оказавшись на фронте боевых действий и беспрецедентной информационной атаки со стороны Украины и стран коллективного Запада. Сориентироваться в новых условиях, а именно – информационной блокады, тотальной международной лжи в освещении событий на территории бывшей Луганской области, теперь уже Луганской Народной Республики, разрушения семейных и родственных связей на почве гражданского конфликта, столкновения с чудовищной пропагандой со стороны некогда считавшейся эталонной европейской журналистики, открывшей новые уровни искажения информации, – всё это стало новым вызовом и для журналистского образования и профессиональной деятельности.

У многих студентов не было определенной четкой мировоззренческой или идеиной позиции в создавшейся геополитической обстановке, ощущалась растерянность, нехватка знаний истории, политических реалий. Для молодежи решение остаться в Луганске и обучаться далее принималось под влиянием родителей, родственников, сложившихся обстоятельств. Возникали сложные семейные конфликты, когда мнения разделялись, становились конфронтационными. В этом контексте самыми сложными были 2014 – 2016 годы: студентов в университете оставалось немного, была неопределенность со статусом территории ЛНР, что привело к большому оттоку людей на признанные территории. Именно в эти годы остро встал вопрос о культурном самоопределении. Но глубокое изучение этих аспектов современности началось в 20-е гг., в особенности после вхождения ЛНР в состав России. До этого в условиях неясного статуса университета кафедра журналистики и издательского дела не имела фундаментальных научных исследований. В указанные сложнейшие годы преподавательский состав кафедры был занят вопросами ее существования в принципе: сохранение кадров (большинство преподавателей уехали на территорию Украины), набор студентов, постепенную интеграцию в российское научное пространство.

Путь кафедры журналистики и издательского дела ЛГПУ с 2014 – это сохранение научного и ценностного потенциала в сфере журналистского образования и профессии; поиск новых стратегий развития, которые связывают с социальной интеграцией и внедряют ценностные аспекты медиаобразования не только в вузе, но и в системе школьного образования.

Каждый из преподавателей кафедры журналистики и издательского дела выбрал свой подход к обучению медиаграмотности, опираясь на близкие им идеи известных ученых, и учитывая собственный опыт и ценностную школу.

Личностная профессиональная интеграция журналистского образования в ЛГПУ транслирует активное освоение ценностей медиаобразования и формирование исторической памяти студенческой молодёжи.

Куянецева Елена Александровна, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела, в своей научной и педагогической деятельности особое внимание уделяет технологиям информационного воздействия на массовую аудиторию. Особенно важным для изучения были обозначены процессы информационной оккупации одного государства другим. Наиболее важными для изучения технологий современных информационных войн были труды таких исследователей, как О.Е. Воронова и А.С. Трушин¹⁰⁷, А.В. Манойло¹⁰⁸. Отдельно стоит отметить работы Г.Г. Почепцова¹⁰⁹, который после 2014 года занял антироссийскую позицию в своих публикациях, но они дают возможность лучше понять причины агрессии по отношению к России в украинском научном дискурсе¹¹⁰.

При изучении дисциплин «Информационные войны», «Политическая журналистика», «Информационная политика и безопасность в медиасфере» уделяется внимание технологиям ведения когнитивных войн, информационных операций, медийных атак. С 2022 года пристальное внимание уделяется изучению феномена русофобской направленности украинской журналистики. Исследование технологий и алгоритмов действий в информационных операциях помогает студентам узнавать геополитические реалии, осознавать специфику работы в политической сфере, интересоваться историей и культурой России, понимать суть цивилизационного противостояния России с Западом. Несомненно, подробное изучение информационных войн помогает обучающимся понять многие медийные процессы, происходящие сейчас как в отечественных, так и зарубежных массмедиа, увидеть причины русофобии.

Серостанова Оксана Борисовна, доцент кафедры журналистики и издательского дела, в своей педагогической практике реализует медиаэстетический подход к медиаобразованию, который включает исследование специфики процесса восприятия информации в медиа, формирование культурных норм и ценностей, а также влияние массмедиа на общественное сознание. Осмысливая происходящие современные информационные процессы, О.Б. Серостанова обращается к идеям Бодрийяра¹¹¹, который считал, что эстетизация мира и его космополитическое инсценирование достигается благодаря массмедиа. Они влияют на сферу человеческих отношений, традиции, историю, искусство и т. п.

В современном мире в условиях развития цифровых технологий «воображаемое» становится полноценным наряду с «реальным». Изменяется и отношение к характеру коммуникации: она воспринимается как динамичная интеллектуальная данность,

¹⁰⁷ Воронова О. Е. Глобальная информационная война против России / О. Е. Воронова, А. С. Трушин. М. : Язу-каталог, 2019. 320 с.

¹⁰⁸ Манойло А. В. Стратегические информационные операции и оперативные игры спецслужб / Манойло А. В., 2024. 300 с.

¹⁰⁹ Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. 576 с.,

¹¹⁰ Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент. политики / Г. Г. Почепцов. ООО «Алгоритм», 2015. 254 с.

¹¹¹ Бодрийяр Ж. 2000 Символический обмен и смерть. Пер. с фр. М., Добросвет, 387 с.(Baudrillard J. 1976 Échange symbolique et mort, Paris, 387 р.)

обладающая интерактивностью и многоканальностью¹¹². Посредством символической деятельности человека продукты идеального и материального вплетаются в мир повседневности. Символический обмен охватывает культурное пространство социума и отражает непрерывную динамику глобальных структур отношений. Коммуникация рассматривается в потоке фетишей, воплощенных в предметной форме в виде товаров, денег, символов, знаков, языка, идей, бренда, имиджа и т.п. Они часто базируются на стереотипах и устоявшихся утверждений, свойственных той или иной культуре. Создается коммуникативная среда. Основываясь на обмене символами, в искусственно сознанной культурной и виртуальной реальности действующие субъекты создают свое представление о происходящем¹¹³.

О.Б. Серостанова обращает внимание на культурно-символический обмен как совокупность коммуникативных практик, функционирующих по принципу циркуляции ценностных потоков материального и духовного характера.

Еще в XX веке Т. Адорно и М. Хорхаймер¹¹⁴ пытались изучить культурные индустрии – что происходит с культурой и почему культурные продукты становятся на массовый поток производства. Безусловно, конвейерное производство продуктов культуры связано с активным внедрением медиа.

Основное внимание преподавателя уделяется медиаэстетике – анализу визуальной культуры, изучению экономических, социальных и культурных процессов, связанных медиапродукцией; взаимодействие между новыми медиа и культурой в эпоху медиатизации и цифровизации и влиянию медиа на человека и культуру в целом.

Современная медиаэстетика рассматривается скорее в качестве реакции на растущую важность взаимодействия медиатехнологий и культурного пространства, с помощью которого запускается развитие новых форм искусства и культуры. Существующие медиатехнологии произвели переоценку смысла эстетического восприятия в культуре и создали новые возможности для развития визуального образа в искусстве¹¹⁵.

Медиа как посредники в процессе восприятия продукта творчества становятся особой материальной социальной практикой¹¹⁶. Интернет, новые медиатехнологии и социальные сети стали наиболее значимыми средствами выражения и распространения медиаэстетики современности. Возникают и новые сопровождающие вызовы: снижение качества культуры. Очень легко создать визуализированный контент, который не несет смысловой нагрузки, но привлекает пользователей, но это приводит к размыванию культурных ценностей¹¹⁷.

Главной задачей медиаэстетики в условиях современности выступает развитие теории и практики, способствующее определению и манипулированию медиатехнологиями в культуре. В условиях происходящих процессов и возникших вызовов важным становится вопрос о создании продукта, улучшающего культурное производство и укрепляющие

¹¹² Серостанова О.Б. Трансформация культурных практик обмена // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2020. Том 45, № 2 (376–384), с. 378

¹¹³ Там же . С. 378.

¹¹⁴ Адорно Т., Хорхаймер М. Диалектика просвещения. М., СПб: Медиум, Ювента, 1997. С. 150.

¹¹⁵ Серостанова О.Б. Медиаэстетика современности в культуре // Современный дискурс-анализ. 2023. Вып. 2. С. 12. URL: <http://discourseanalysis.ru/ada33/st368.shtml>

¹¹⁶ Медведева А.Р. Медиаэстетические функции интерфейса культурно-просветительской журналистики (на примере проекта «Арзамас») // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. №3. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/103544> (дата обращения: 19.07.2025)

¹¹⁷ Серостанова О.Б. Серостанова О.Б. Медиаэстетика современности в культуре // Современный дискурс-анализ. 2023. Вып. 2. С. 12 – 16. <http://discourseanalysis.ru/ada33/st368.shtml>

культурные ценности в обществе. С помощью изучения медиаэстетики современности возможно понять, каким образом медиатехнологии формируются и используются для создания медиаконтента, соответствующего эстетическим, культурным потребностям и запросам общества.

Идеи, на которые опирается О.Б. Серостанова в своей медиаобразовательной деятельности, перекликаются с предложениями, высказанными и учеными Санкт-Петербургского университета о медиааксиологии, изучающей восприятие ценностей через их медиальные интерпретации и воплощения¹¹⁸.

Неким итогом научных поисков луганских преподавателей стал выход монографии «Россия как суверенная цивилизация: культурно-информационный аспект» (Луганск, 2024)¹¹⁹. Монография была написана в рамках фундаментальной исследовательской темы, которой занималась кафедра журналистики и издательского дела в течение 2024 года – «Информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом: история и современные реалии».

Целью этого исследования было изучение современных вызовов, ставших перед Россией как уникальной цивилизацией в современных реалиях информационного противостояния. Особое внимание было удалено истории превращения Украины как неотъемлемой части Русской цивилизации во враждебную территорию, находящуюся под тотальным контролем Запада: всего за три десятилетия Украина прошла путь от провозглашения демократии, свободы слова, уважения прав личности, стремления к достижению лучших традиций и практик мировой журналистики к полной утрате влияния на собственную информационную политику для защиты интересов государства и его народа, жесткой цензуре и пропаганде русофобии в худших ее проявлениях.

В монографии также были определены показатели суверенности России как государства-цивилизации, обоснована связь между медиа, брендами и культурой в контексте глобальных цивилизационных вызовов; изучен культурный код русской цивилизации в разрезе развития культурных индустрий с учетом новых глобальных угроз. Отдельное внимание в исследовании уделялось информационно-культурологическим ресурсам и возможностям России в условиях актуализированного и вышедшего на новые уровни информационного противостояния. Были предложены меры по защите информационного суверенитета России.

Еще одним исследователем, уделяющим важное значение медиаобразованию в своей педагогической деятельности, является кандидат наук по социальным коммуникациям Алена Васильевна Дроздова. В своих научных поисках и применяемых практиках она обращается к экологическому подходу в медиаобразовании. «Со второй половины XX столетия заостряется экологический взгляд на объекты научных исследований, экологический подход активно наращивает свой интегративный потенциал, а проблематика «человеческого в человеке» резонирует идеям технологического детерминизма и концепции информационного общества»¹²⁰ [Дроздова А.В. Ноосферные понятия В.И. Вернадского в экологической теории медиаобразования]. Исследователи, разделяющие такие подходы к образованию, в своих идеях обращаются к фундаментальным исследованиям В.И.

¹¹⁸ Медиааксиология «второй реальности» / под ред. В.А. Сидорова. – СПб, 2025. – 284 с.

¹¹⁹ Кузнецова Е.А., Серостанова О.Б. Россия как суверенная цивилизация: культурно-информационный аспект: монография. – Луганск: Издательство ЛГПУ, 2024. – 252 с.

¹²⁰ Дроздова А.В. Ноосферные понятия В.И. Вернадского в экологической теории медиаобразования // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ / Под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. – С. 79 – 81

Вернадского о ноосфере как о новом состоянии биосферы Земли, к которому приходит человечество.

В.И. Вернадский в свою очередь обращался к наработкам Эдуарда Леруа и Пьера Тейяра де Шардена. Французские ученые рассматривали ноосферу в качестве нового состояния, «современной стадии, геологически переживаемой биосферой», «духовного пласта биосферы»¹²¹. В.И. Вернадский в своих зарубежных лекциях также говорил об изменении биосферы под воздействием деятельности человека, приобретающей геологический (глобальный) характер¹²². Стихией развивающаяся биосфера может быть осознана и изучена человеком, но и человек как часть природы требует глубокого и разностороннего изучения. «Обослабление» человека от природы предопределено усилием человеческого ума и сознательной воли – магистральных конструктов формирующейся ноосфера. Толкование смыслов ноосферы основано на сценариях: несбыточная утопия – апокалиптическая разрушительная техносфера – конечное светлое будущее: «эпоха ноосферы»¹²³.

Последователи В.И. Вернадского обосновывают актуальность введения понятия ноосферная реальность. И нам «стоит принять (осознать) эту реальность, поддержать ее становление в наилучшем гуманном сценарии, «где нет войн, нет нищеты и бедности, и где разумные люди научатся управлять сложнейшими процессами преобразования земной природной биосферы в нужное им для поддержания их жизни состояние – в ноосферу»¹²⁴.

Предлагаемая ноосферная концепция ставит проблему образования в число приоритетных, и требует введения интегрированных знаний обо всей ноосферной целостности, ее функциях, структуре, способах организации, принципах управления и сохранения ноосферно-биосферного единства человечества. Важной становится проблема формирования интеллектуально-духовных и творческих качеств человека, изучение его собственных резервов антропосферы¹²⁵.

В своих исследованиях А.В. Дроздова ссылается на понятие ноосферного образования Н.В. Масловой. Базовые принципы такого образования – это экологизация, системность, гармонизация, гуманизация, инструментальность, личностная ориентация, опережающее развитие образовательной технологии, простота познания, экономичность, потенциальная интеллектуальная безопасность. Все эти принципы подчинены природосообразности – соответствуя целям, методологии, методик, технологий, всего учебно-воспитательного процесса возможностям человека и природному коду¹²⁶.

Ноосферное образование рассматривается не как частная дисциплина, а как новое научное мировоззрение, методология и универсальное смысловое пространство жизни,

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Экология культуры: к 110-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева (28.11.1906 – 30.09.1999) / отв. ред. А.Г. Назаров: 2-е изд. стереотип. – М., 2019., с. 86

¹²⁴ Экология культуры: к 110-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева (28.11.1906 – 30.09.1999) / отв. ред. А.Г. Назаров: 2-е изд. стереотип. – М., 2019. С. 87.

¹²⁵ Дроздова А.В. Ноосферные понятия В.И. Вернадского в экологической теории медиаобразования // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ / Под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. – С. 79 – 81

¹²⁶ Маслова, Н.В. Природосообразное ноосферное образование – стратегический ресурс России / Н.В. Маслова // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. – URL: <http://www.rupravlenie.ru/wpcontent/uploads/2021/01/01-Maslova.pdf> [Дата обращения: 10.08.2024].

среда единения природной и культурной основ бытия человечества¹²⁷ [Дроздова А.В. Ноосферные понятия В.И. Вернадского в экологической теории медиаобразования, с. 80]. Для обучения журналистов важно, что особое внимание в формировании ноосферного образования уделяется именно феномену информации: «Есть основания полагать, что наиболее сложным будет овладение миром информационных технологий – сердцевины современного научно-технического развития»¹²⁸.

По мнению Н.В. Масловой, знание – это информационно образное отражение в сознании индивида закономерных, воспроизведимых связей между элементами объективного и субъективного миров, а ноосфера – энергоинформационная среда единения индивидуального и коллективного интеллекта и духовности на основе экологического императива. В таком контексте чрезвычайно актуальным принципом ноосферного образования является принцип потенциальной интеллектуальной безопасности – естественной безопасности от перегрузок, чужеродной и ненужной ученику информации¹²⁹.

Таким образом, А.В. Дроздова в своей профессиональной педагогической деятельности берет за основу экологическую теорию медиаобразования, фундаментом для которой стали идеи В.И. Вернадского о ноосфере, ноосферной реальности, ноосферном комплексе, ноосферных знаниях и ноосферном образовании. «В них заложен принцип природообразности развития человека и многослойной среды его обитания, в том числе – медийной. Современному человеку «умный образ жизни» способны обеспечить напряженность его сознания, духовно-интеллектуальный потенциал и опора на экологический императив»¹³⁰.

С 2020 года доцент кафедры А.В. Дроздова является руководителем педагогического эксперимента по медиаобразованию в ГОУ ЛНР «Лутугинская специализированная школа», в которой были открыты медиаклассы. По инициативе преподавателя, начиная с 2021 года, были проведены Международные научно-практические семинары «Медиаобразование в России: традиции, опыты» (соорганизатор в отдельные годы – Автономная некоммерческая организация по оказанию услуг в сфере медиаобразования «Медиаграмотность в информационном мире» (Российская Федерация, г. Таганрог; рук. – к. пед. н. А.С. Галченков). Целью таких встреч педагогов было обобщение актуальных технологий медиаобразования, сформировавшихся в российской науке и практике, представление опыта их реализации и дальнейшей интеграции в образовательное пространство Луганской Народной Республики. В семинарах обязательно принимали участие не только преподаватели вузов, но и учителя среднеобразовательных школ, которые в своей педагогической деятельности ощутили необходимость изучения медиаобразования и

¹²⁷ Дроздова А.В. Ноосферные понятия В.И. Вернадского в экологической теории медиаобразования // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ / Под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. – С. 79 – 81

¹²⁸ Экология культуры: к 110-летию со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева (28.11.1906 – 30.09.1999) / отв. ред. А.Г. Назаров: 2-е изд. стереотип. – М., 2019. С. 98.

¹²⁹ Маслова, Н.В. Ноосфера. Ноосферное развитие. Ноосферное образование / Н.В. Маслова // Открытое образование. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noosfera-noosfernoe-razvitiye-noosfernoe-obrazovanie> (Дата обращения: 10.08.2025).

¹³⁰ Дроздова А.В. Ноосферные понятия В.И. Вернадского в экологической теории медиаобразования // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международная научно-практическая конференция и II Международный научный семинар: сборник научных работ / Под редакцией Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 80.

введение его в школьную программу. О важности давать не только знания, но и адаптировать молодёжь к изменяющемуся информационному миру.

Медиаобразовательной деятельностью непосредственно занимается также и старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела Турилова Алена Олеговна, которая завершает работу над кандидатской диссертацией, посвященной проектной деятельности студентов – будущих журналистов. В диссертации исследуется готовность будущего тележурналиста к проектной деятельности, внимание молодого ученого сосредоточено на изучении комплекса педагогических условий этой готовности, главное из которых – создание образовательной среды, мотивирующей творческую практическую деятельность будущих тележурналистов. В рамках научного эксперимента на кафедре было открыто творческое медиаобъединение «Студенты говорят», в процессе работы которого были созданы оптимальные условия для формирования готовности к проектной деятельности у будущих тележурналистов. Основной целью медиаобъединения является широкое вовлечение студентов в творческую журналистскую деятельность по актуализации и популяризации идей и ценностей русской культуры и национального достояния русскоязычного мира среди субъектов образовательного пространства Российской Федерации на территории Луганской Народной Республики, формирование единого информационного пространства кафедры журналистики и издательского дела ЛГПУ, который является площадкой для студенческого творчества. Будущие журналисты имеют возможность попробовать свои силы как индивидуально, так и командно. Проект «Студенты говорят» неоднократно становился победителем всероссийских конкурсов, что свидетельствует о его успехе и эффективности.

Будущие специалисты в сфере тележурналистики во время обучения получают не только фундаментальные знания относительно форм, методов, способов, базовых принципов и особенностей работы тележурналистов, но и изучают язык экрана, психологию журналистского творчества; формируют, развивают, систематизируют литературные способности, приобретают знания относительно структурных, композиционных, драматургических особенностей создания сценарных материалов и правил написания журналистских, в том числе и телерепортерских текстов; приобретают практические навыки поведения перед камерой и микрофоном. Студентам прививаются навыки получения наилучших результатов в сжатые временные рамки. Работа над созданием визуального контента особенно нравится студентам, востребована и абитуриентами, о чём они говорят на Днях открытых дверей.

Воспитание высокого уровня образованности и культуры – главный приоритет в педагогической деятельности самого старшего ученого кафедры – кандидата педагогических наук, доцента Гаминой Татьяны Сергеевны. Множество ее статей посвящено педагогическим проблемам воспитания молодежи, условия формирования грамотного журналиста. В начале 2025 года вышел из печати результат ее многолетней работы – учебник «Риторика в медиасфере: учимся говорить публично»¹³¹, в котором освещаются основы успешного публичного выступления, методика подготовки импровизационных выступлений, техника слушания, речевые приемы, оказывающие максимальное воздействие на аудиторию, практический опыт авторов со слушателями курса риторики.

¹³¹ Гамина Т.С., Куянцева Е.А. Риторика в медиасфере: учимся говорить публично: учебник для студентов очной формы обучения по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика и 42.03.03 Издательское дело. Луганск : Издательство ЛГПУ ; ИП Орехов Д.А., 2024. 431 с.

В целом, в годы непризнанности ЛНР преподаватели кафедры представляли результаты своих научных исследований на международных конференциях, проводимых в России: «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования» (БелГУ), Международные конференции преподавателей русского языка и литературы государств СНГ, БРИКС, АТЭС, ШОС, славянских стран «Сталинградская гвоздика». С 2016 года студенты ЛГПУ регулярно принимали участие в Международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Медия в современном мире. Молодые исследователи» (Санкт-Петербург). Регулярная поддержка была и со стороны ДНР, где проходили традиционные «Донецкие чтения», республиканские конференции с международным участием «Язык и коммуникация: функционально-семантический, когнитивный и лингводидактический аспекты» (г. Горловка). В 2019 году кафедра сделала акцент в своих научных поисках на исследовании информационного противостояния, осмыслиении роли и места Донбасса в меняющемся мире. Луганский государственный педагогический университет провёл Международный интеграционный форум (6 – 8 ноября 2019 г.), в котором впервые очно приняли участие российские учёные. Эти важные мероприятия дали старт реальному сотрудничеству с российскими вузами.

В настоящее время кафедра журналистики и издательского дела активно интегрируется в российское пространство: приведены к стандартам учебные планы и документация, обозначена стратегия развития кафедры, обозначены ее основные направления научных поисков. Медиаобразование является одним из постоянных и основных приоритетов в её деятельности. Свидетельство чему государственный заказ – исследовать информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом (2024 год). В рамках обозначенной темы были написаны научные статьи, доклады для международных конференций. Совместно с БелГУ и НИУ ВШЭ была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Информационные процессы российского медиапространства в контексте цивилизационного противостояния с Западом» (7 ноября 2024 года). Е.А. Куйнцева и О.Б. Серостанова выпустили монографию «Россия как суверенная цивилизация: культурно-информационный аспект».

Эффективному усвоению идеологических стандартов способствует тесная взаимосвязь с журналистами-практиками, использование их знаний в учебном процессе.

Евгений Ценценатов – руководитель самого известного и успешного в свое время информационного агентства ЛНР – МИА «Исток» (2014 – 2021 гг.). Молодой журналист

работал на кафедре внештатным совместителем, преподавал курсы «Основы журналистского творчества» («Основы журналистской деятельности»), делая акцент на практических аспектах журналистской информационной деятельности. Получал положительные отзывы о своей работе от будущих журналистов и издателей.

Юрий Юров – один из самых знаменитых журналистов в ЛНР. До 2014 года был главным редактором популярной в Луганске общественно-политической газеты «XXI век» (сейчас «XXI век ЛНР»), весьма известной и авторитетной в Луганске и области (до 2014 года) и в Луганской Республике сейчас. Летом 2014 года редакция газеты в лице Юрия Павловича и его коллеги Александра Бальваса работала под обстрелами в обесточенном Луганске. Тогда в полной информационной блокаде выпуски «XXI века» были надеждой и ориентиром для луганчан. С 2014 года Юрий Юров – депутат Народного Совета Луганской Народной Республики. В 2022 году ушел добровольцем на фронт, после возвращения в сентябре 2023 года был назначен председателем Комитета Народного Совета Луганской Народной Республики по взаимодействию с общественными объединениями, информационной политике и межпарламентскому сотрудничеству, сейчас как депутат работает в Кременской, т.е. практически возле горячей линии фронта – налаживает жизнь на освобожденной территории. В настоящее время продолжает сотрудничество с кафедрой в качестве шеф-редактора газеты «XXI век», которая является одной из основных баз практик для студентов кафедры журналистики и издательского дела.

Евгений Мурылев – выпускник ЛГПУ, известный тележурналист, в настоящее время первый заместитель генерального директора ГТРК Луганской Народной Республики, председатель отделения Союза журналистов России в ЛНР. Успешно преподавал «Основы журналистской деятельности», «Профессионально-творческий практикум», давал студентам практические навыки работы на телевидении.

Леонард Свидовских – главный художественный руководитель ГТРК Луганской Народной Республики, почётный председатель Союза журналистов ЛНР. С 2018 года – председатель Луганского республиканского союза журналистов. Уже несколько лет является внештатным преподавателем, доцентом кафедры журналистики и издательского дела, преподает дисциплины, связанные с практической реализацией умений и навыков будущих журналистов на радио и телевидении. Поскольку сам Леонард Вячеславович – ведущий известного в ЛНР проекта «Параллели» и «Исторические параллели», то постоянно приглашает студентов на съемки и для участия в передаче. Кроме того, Л. Свидовских – автор документальных фильмов о военном конфликте на территории Донбасса («Агония», «Отторжение»), имеет возможность приглашать студентов на показы и обсуждение своих фильмов, приобщать их к истории родного края, уважительно относиться к прошлому, осмысливать настоящее для будущих поколений. Леонард Свидовских отстаивает в информационной сфере право Донбасса заявить о своих годах пребывания на geopolитическом фронте, права журналистов, работающих в зоне военных действий на постоянной основе до вхождения ЛНР в состав России.

Выпускники кафедры журналистики и издательского дела ЛГПУ являются востребованными на рынке труда, прежде всего, в СМИ ЛНР. Есть студенты, реализовавшиеся в других регионах Российской Федерации.

2.3 Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля в Севастополе

Дерюгин Павел Петрович,

*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ»*

им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

Жаркова Татьяна Владимировна,

соискатель, г. Севастополь

В современных условиях все большее значение приобретает вопрос формирования концепции трудовой социализации специалистов социогуманитарного профиля. Это связано с тем, что на рынке труда возрастают потребность в квалифицированных специалистах в области гуманитарных наук, которые могут решать сложные задачи в различных сферах деятельности¹³². Круг практических проблем в формировании концепции социализации специалистов социально-гуманитарного профиля очень широк. Обзор научной литературы по данной теме позволяет сделать некоторые выводы о наиболее важных вопросах в решении данной проблемы. Прежде всего, укажем на наличие серьезных научных и эмпирических обобщений в виде докторских и кандидатских диссертаций, монографий и статей, где актуальная современная проблематика трудовой социализации молодых специалистов рассматривается в прямой постановке вопроса, или ей посвящены отдельные разделы, главы или параграфы. Сюда же следует отнести ряд конференций, учебных пособий, учебных программ, стимульных учебных материалов, где актуальные проблемы трудовой социализации молодежи звучат в прямой постановке вопроса и определяются недвусмысленно. Это работы Алленкиной О. (профессионально-трудовая социализация молодежи с ограниченными возможностями здоровья, учебно-методическое пособие), Степановой С.В.(трудовая социализация инвалидов в условиях современного российского общества, социологическое исследование), Лукьяновой Т.Н.,(рынок труда и трудовая социализация современной студенческой молодежи), Краснопёровой А.Г. (профессионально – трудовая социализация личности), Аграната Д. Л., Васильева Н. В., Гневашевой В. А., Ковалева А. И., Лукова В. А., Селиверстова Н.А (трудовая социализация подростков), Гневашевой В. А. (особенности трудовой социализации «уличных детей»), Примакова В.Л. (трудовая социализация офицера в условиях военной службы), Сотникова А.В. (трудовая социализация мигрантов), Бесчастной А. А. (роль трудовой социализации в процессе общей социализации), Попова А.В. (трудовая социализация личности) и ряде других.

Делая обобщение, можно отметить основные факторы, влияющие на формирование концептуальных подходов к анализу трудовой социализации молодежи, и отметить некоторые тенденции, касающиеся трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля. Во-первых, проведенные диссертантам исследования позволяют сделать вывод о том, что трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля носит массовый характер и что этот процесс взаимосвязан со многими особенностями развития российского общества, что, безусловно, свидетельствует о его социальном характере. С методологической точки зрения обоснованность концепции

132 Бордовский Г.А., Гончаров С.А. Тенденции развития гуманитарного образования и потребности в специалистах гуманитарного профиля на рынке труда Санкт-Петербурга : материалы круглого стола Совета ректоров вузов С.-Петербурга // Universum: Вестник Герценовского университета. 2006. №7 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-gumanitarnogo-obrazovaniya-i-potrebnosti-v-spetsiali> (дата обращения: 05.03.23).

массовой трудовой социализации молодежи теоретически и идеологически аргументирована и согласуется с выводами авторитетных исследователей. Так, в частности, Ю.В. Филиппов, занимаясь социализацией этноса, указывает, что социализацию можно изучать с учетом субъекта человеческой истории (человек, этнос, нация, класс, социальная группа)¹³³. Действительно, по мнению Н.А. Головина, субъекты, институты, механизмы, факторы и последствия социализации на доиндивидуальном уровне не полностью совпадают с теми, которые воздействуют на личность. Изменилось не только количество предметов, связанных с процессом социализации, но и объем и качественный уровень исследований процесса социализации¹³⁴. Видение социологов включает процессы в историческом масштабе, а эффекты социализации рассматриваются на уровне исторических различных поколений. Ключ к пониманию влияния социализации лежит не только в очевидных исторических событиях жизни человека, но и в возможных социально-экономических процессах, характерных для конкретной социальной группы или исторического периода.

Во-вторых, это достигается путем обобщения материала трех поколений исследователей социализации, которые изучали трудовую социализацию с разных теоретических и методологических позиций. В последние годы растет интерес к изучению социализации не как отдельного ее аспекта, а как сложного и кумулятивного процесса, происходящего на самых критических этапах жизненного цикла человека, включая процесс трудовой социализации. Анализ работ по методологии исследования социализации показывает, что на рабочую социализацию молодых специалистов в гуманитарном секторе повлияли зарубежный и отечественный опыт рабочей социализации, акцент на адаптационный период и важность глубокого анализа, трудности усвоения рабочих ценностей, особенности социализации в обществах, переживающих кризис, гуманитарное социальное поколение и субпрофессионалы. Они пришли к выводу, что следует рассмотреть различные аспекты, такие как групповая дифференциация¹³⁵.

В-третьих, уникальность социализации современных молодых специалистов социально-гуманитарной сферы связана с изменениями в системе ценностей и социальной структуре общества, глобализацией, стремительным увеличением объема знаний и информации, интенсификацией социальных процессов. Анализ последствий третьей научно-технической революции лег в основу теорий «нового индустриального» или «постиндустриального» общества, разработанных западными учеными во второй половине 20 века, такими как Р. Арон, Д. Белл, Дж. Гелбрейт, У. Ростоу, Э. Жак, Ж. Фурастье, П. Друкер легли в основу теорий «нового индустриального» и «постиндустриального» общества, разработанных западными учеными в конце 20 века¹³⁶. Поэтому изучение социализации нового профессионального труда с социогуманитарным профилем должно быть детально рассмотрено как результат изменений в организации трудовой деятельности, нормативных ценностных представлений и реконструкции видов трудовой деятельности и их социального смысла.

Процессы трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля непосредственно связаны с социально-экономическими изменениями, произошедшими в последние годы, и обусловлены ими. Несмотря на то, что доля таких вакансий все еще остается незначительной, спрос на удаленную работу продолжает

¹³³ Филиппов Ю.В. Социализация этноса. Учебное пособие. в. Введение в специальный предмет этничности. Новгород, 1997. - С. - 15-16.

¹³⁴ Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. Издательство С.-Петербургского университета, 2004. – С. – 28.

¹³⁵ Горяева Т.Н. Трудовая социализация молодежи. Автореферат диссертации на соискание учченой степени кандидата социологических наук. Москва – 2006. Режим доступа: <https://www.dissertcat.com/content/trudovaya-sotsializatsiya-molodezhi> (дата обращения: 07.03.22).

¹³⁶ Mayer Ph. Socialization: The Approach from Social Anthropology, Routledge, 2004. – р. 8-12.

расти¹³⁷. В частности, основные проблемы трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля в городе Севастополе связаны с нестабильной экономической и политической обстановкой в регионе.

1) Одной из основных причин является частичная военная мобилизация, которая ограничивает возможности молодых людей по выбору профессии и трудуоустройству.

2) Работа в СВО (силы и средства обороны) также является одной из проблем. Не все молодые специалисты готовы работать в этих обстоятельствах, что снижает конкурентоспособность на рынке труда.

3) Кроме того, нестабильность экономической ситуации и политические риски отталкивают потенциальных работодателей, что приводит к уменьшению числа вакансий и зарплат.

4) Еще одной проблемой является отсутствие возможности для профессионального роста и развития. В связи с ограничениями на рынке труда, молодые специалисты не могут получить достаточно опыта и знаний, что может привести к их отставанию от коллег в других регионах.

В–четвертых, в качестве важного фактора формирования концепции социализации новой профессиональной деятельности с социогуманитарным профилем в современных условиях рассматривается важное положение под названием «текущая современность», согласно метафорическому определению З. Баумана. В данном случае оно знаменует переход от структурированного мира, ограниченного сетью социальных условий и обязательств, к податливому и безграничному миру. Этот переход подразумевает значительные изменения во всех сферах социально–гуманитарной трудовой жизни. Это новое положение вещей очень трудно объяснить в терминах «информационного общества», «сетевого общества», «глобализации» или «постмодернизма». Необходимо переосмысление границ взглядов и концепций социально–гуманитарных профессий, используемых для описания индивидуального профессионального и профессионального опыта и общей истории¹³⁸. Одной из ключевых идей, которая особенно актуальна для идеи социально–гуманитарной работы, является идея прогресса. Не так давно прогресс был целью, а работа – средством, способствующим прогрессу. Глубокий смысл прогресса формировался под влиянием двух тесно связанных между собой убеждений: что время на нашей стороне и что мы определяем ход событий. По словам Алана Пайлфита, «единственный ресурс, способный превратить пустыню в землю обетованную, – это уверенность членов общества друг в друге и общая вера в будущее, в котором они собираются жить»¹³⁹.

В–пятых, концептуальная конструкция трудовой социализации для молодых специалистов не может игнорировать социальный и человеческий профиль. Работа считалась естественным состоянием человека, бедность и нищета объяснялись как отклонения от чтобы выйти из этой ситуации, мужчин и женщин стали ранжировать в зависимости от вклада их труда в достижение общей цели, и работа заняла центральное место в деятельности человека¹⁴⁰. В современном обществе работа больше не рассматривается как логическая, непрерывная и кумулятивная цепочка действий, связанных четкими правилами. Работодатели ищут людей, имеющих опыт работы, несколько мест

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Бауман З. Текущая современность / Зигмунт Бауман ; [пер. с англ. С. А. Комаров]. - Москва [и др.] : Питер, 2008. – С. 23.

¹³⁹ Там же – С. 18.

¹⁴⁰ Бредихин С. С. Человек в труде. Социальный и антропологический аспекты // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. №391. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-trude-sotsialnyy-i-antropologicheskiy-aspекty> (дата обращения: 14.03.2023).

работы и соответствующие специальности, а также более гибких в своей трудовой жизни¹⁴¹. В этом отношении наши выводы таковы, что студенты вузов более готовы к смене работы, чем к приобретению новой специальности. Приобретение новой специальности кажется им шагом вперед по сравнению со смены места работы. Логика понятна: приобретение новой специальности занимает больше времени, чем поиск новой работы.

В–шестых, как показывают результаты данного исследования, профессиональная социализация молодых специалистов в области социально–гуманитарной деятельности происходит в условиях неопределенности и часто основывается на силе индивидуализации. Неопределенность и индивидуализация не объединяют и не формируют представления об «общих интересах», в результате чего практическая ценность многих социально–гуманитарных задач все больше затушевывается и теряется. Марк Грановеттер утверждает, что сегодня наступил век «слабых связей»¹⁴². Профессиональная адаптация студентов и молодого поколения в целом может быть достигнута только в том случае, если интеграция молодежи в экономическую сферу будет происходить параллельно с процессом формирования позитивного самовосприятия рыночных структур. Изучение этих неустойчивых отношений может быть важным для специалистов социогуманитарного профиля предприятий и организаций. Например, социологи сегодня, возможно, больше, чем когда–либо, чувствуют себя частью общества, которое они исследуют. Поэтому мы считаем, что внимание исследователей к этому вопросу в значительной степени сосредоточено на личностном элементе¹⁴³.

В–седьмых, концептуальные описания трудовой социализации у молодых социологов обрамлены представлениями о технократическом агенте развития современной культуры. Даже по такому важному вопросу, как трудовая социализация, выработаны стандартизованные подходы не только на уровне практики, но и на уровне теоретических исследований. Анализ теории мотивации показал, что недостатки данных теорий состоят в том, что они в своем большинстве ориентированы на совокупного работника, и не учитывают особенности мотивации молодых специалистов, не говоря уже о категориях¹⁴⁴. Эта точка зрения может быть подтверждена, например, в работах Б. Стиглера. Согласно его философским взглядам, технология формирует горизонт человеческого развития и отодвигает на задний план социальные и человеческие факторы. Основной тезис его книги «Технология и время» заключается в том, что происхождение технологического развития напоминает не только происхождение человека, но и происхождение самого человека¹⁴⁵.

Наконец, в–восьмых, социализация труда для молодых специалистов является частью становления «нового» капитализма, который заставляет работодателей и работников, являющихся непосредственными участниками трудовых отношений, перестраивать свои вертикальные отношения. По мнению Р. Сеннетта, для решения проблемы «гибкости», процесса, который не существует в современных системах, необходимо отказаться от определенности, характерной для бюрократии. Одним из компонентов новой организационной системы рабочей силы является «централизация без централизации», которая поощряет такие инновации, как «гибкий рабочий график».

¹⁴¹ Яновский, Д. Ф. Управление социальной и трудовой активностью студенческой молодёжи. Автореф. Дис. Канд. Соц. Наук. М.: 2011. - С. 44.

¹⁴² Горина И. И. Предпосылки выделения слабых связей в синтаксисе современного русского языка // Наука. Инновации. Технологии. 2003. №35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposyalki-vydeleniya-slabyh-svyazey-v-sintaksise-sovremenennogo-russkogo-yazyka> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁴³ Social network analysis as an organizational diagnostic tool: The case of small business in Russia / S. Rasskazov, M. Rubtsova, P. Derugin [et al.] // International Review of Management and Marketing. – 2016. – Vol. 6, No. 1. – P. 170–176. – EDN UKKGAW.

¹⁴⁴ Варенов А.В., Исаев С.Ю. Мотивация персонала: игра или работа. -М.: Речь, 2009. – С. 29.

¹⁴⁵ Синявский А. Д. Трансформация мотивации молодых специалистов в период профессионального становления. Автореферат диссертации на соискание учченой степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербург – 2008. - С.10.

Разнообразие классификаций, определяющих роль и место в процессе социализации нового рабочего специалиста с социогуманитарным профилем, обусловлено семантической полисемией самого понятия и спецификой подходов представителей различных школ. Важные шаги сделаны в разработке вопросов социализации, позволяющих социализации стать объектом социологического исследования.

Процесс профессиональной социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля во многом напоминает профессиональную социализацию, но не ограничивается профессиональным контекстом. Чтобы лучше проиллюстрировать смысловые границы этих терминов, мы должны сначала обратиться к определениям работы и профессии¹⁴⁶. Наиболее распространенным определением является определение сущности труда, данное К. Марксом в его работе «Капитал»: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Вещество природы он сам противостоит как сила природы... В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»¹⁴⁷. Г. Зиммель, в отличие от концепции Маркса, писал, что продукт труда представляет собой единство физических и духовных затрат, которые должны по-разному оцениваться обществом. Другими словами, они не равны. Продукт высококвалифицированного работника ценится выше, чем продукт неквалифицированного работника. Он оценивается объективно, то есть независимо от воли и сознания общества, а не отдельных работодателей, даже если это коллективные работодатели, такие как государство¹⁴⁸. Современное определение труда подразумевает, что труд – это удобная для человека деятельность с целью создания материальных и культурных ценностей. Работа – это основа человеческой жизни и необходимое условие. Воздействуя на природную среду, изменения и приспособливая ее для удовлетворения своих потребностей, люди не только обеспечивают свое существование, но и создают условия для общественного развития и прогресса.

По мере того как научно-технический прогресс приводил к специализации физического труда, формировались кластеры родственных профессий и возникали «горизонтальные» профессии, характерные для различных секторов производства, в то же время многие виды интеллектуального труда «технологизируются» благодаря использованию современного компьютерного оборудования¹⁴⁹. В результате все больше профессий занимают пограничные позиции в общественном разделении труда, сочетаая в себе различные виды занятий. Профессиональная социализация – это многопараметрическое и социальное явление, включающее в себя социальные взаимодействия, связанные с трудовыми отношениями и трудовой деятельностью¹⁵⁰. Результаты исследований по профессиональной социализации представлены в основном в виде данных по вопросам трудоустройства выпускников вузов по конкретным

¹⁴⁶ Кох И.А., Орлов В. А. Профессионально-трудовая социализация молодежи в реформируемом обществе // Вопросы управления. 2020. №1 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-trudovaya-sotsializatsiya-molodezhi-v-reformiruemom-obschestve> (дата обращения: 29.02.2023).

¹⁴⁷ Маркс К. Капитал, т. I. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. - С. 18.

¹⁴⁸ Зиммель, Г. Философия труда / Г. Зиммель // Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. - С. 466-485.

¹⁴⁹ Шепанская, Т. Б., Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003 - T.VI - №1. - С. 139.

¹⁵⁰ Фридман М. Профессиональная ориентация/ М. Фридман // Служба кадров и персонал. - 2008. - N 1. - С.75-78.

специальностям и анализа рынка труда¹⁵¹.

Трудовая социализация является сложным понятием и представляет собой неотъемлемую часть процесса социализации человека на протяжении всей жизни с момента достижения им трудоспособного возраста, который включает в себя не только работу по найму, но и работу по дому, благотворительную и добровольную деятельность. Трудовой процесс обеспечивает организационную основу для вхождения человека в общество. Находясь в организации, человек становится частью установленного порядка и подвергается надзору, контролю и дисциплине. Будучи работником, человек больше узнает о должностных ролях. Он усваивает понятия «начальник» и «подчиненный», «лидер» и «аутсайдер», «друг» и «коллега», «фронт» и «тыл»¹⁵². В процессе работы люди учатся получать и передавать информацию, реагировать на внешнее давление и справляться с конфликтными ситуациями, определять количество затрачиваемых усилий, строить коммуникационные сети и завоевывать авторитет.

Целью и результатом трудовой социализации является формирование личности, способной к самосовершенствованию в труде и организации своей деятельности, что означает развитие не только профессиональных, но и интеллектуальных, волевых и эмоциональных качеств, способствующих достижению результатов труда¹⁵³. Содержанием трудовой социализации является формирование в этом процессе социально значимых качеств личности. Исходным моментом являются потребности, то есть нужда субъекта в определенных внешних условиях существования и развития. Потребности и интересы личности являются составными элементами содержания процесса и результатов процесса трудовой социализации¹⁵⁴.

Процесс социализации молодых специалистов с социогуманитарным профилем представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую различные уровни, механизмы, факторы и виды. *Параметры эффективности* могут быть оценены по трем направлениям¹⁵⁵.

Первое направление – содержание трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля, что предполагает оценку конкретных результатов трудовой социализации, выраженных в виде профессиональных и экономических достижений, непосредственных результатов трудовой деятельности в организации и дома, собственных увлечений, семейной жизни, культуры досуга, социального статуса и трудовой мобильности. *Второе направление* – изучение способов социализации нового профессионального труда с социогуманитарным профилем, чтобы можно было оценить степень спонтанности или непосредственности процесса трудовой социализации, как в плане адаптации, саморазвития, воспроизводства и реинтерпретации трудовых норм и ценностей. *Третье направление* – социально-психологическая функция трудовой социализации молодых специалистов с социогуманитарным профилем. На коллективном уровне показателем успешной трудовой социализации является признание рабочими и референтными группами ценности и вклада молодых специалистов в деятельность организации, чего трудно добиться молодым специалистам в области социальных и гуманитарных наук в силу специфики их работы.

¹⁵¹ Вайсбург А.В. Модель процесса профессиональной социализации специалиста // Профессиональная ориентация. 2014. №1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/model-protcessa-professionalnoy-sotsializatsii-spetsialista](https://cyberleninka.ru/article/n/model-protsessa-professionalnoy-sotsializatsii-spetsialista) (дата обращения: 29.02.2023).

¹⁵² Зайченкова, А. Г. Организация обучения персонала как функция управления процессом адаптации / А. Г. Зайченкова, Г. А. Хрипков, Л. М. Эррера // Инновации в образовании. - 2005. - N 2. - С. 73-84.

¹⁵³ Лукашевич Н.П. Социология труда. К: 2001. – С. 78.

¹⁵⁴ Там же – С. 76.

¹⁵⁵ Лунёв А.. П., Храпов С. А. Управление социализацией студенчества как механизм роста человеческого капитала России // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uravlenie-sotsializatsiey-studenchestva-kak-mehanizm-rosta-chelovecheskogo-kapitala-rossii> (дата обращения: 20.03.2023).

Таким образом, одновременная оценка результатов социализации молодых специалистов социальногуманитарного профиля с трех направлений может дать наиболее полную информацию о процессах и результатах трудовой социализации. Основной целью трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля является полноценная интеграция молодых специалистов в систему социально-экономических отношений общества через трудовую деятельность. Социологический подход характеризуется определением социального типа как совокупности доминирующих параметров и характеристик процесса интеграции человека в общество через трудовую деятельность и изучением проблем норм и отклонений трудовой социализации¹⁵⁶.

Исходя из основных характеристик труда, одной из которых является «уровень», трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля может быть рассмотрена на *трех уровнях*: 1) *Социальный/институциональный уровень*; 2) *Групповой уровень*; 3) *Индивидуальный уровень*. При изучении социализации рабочей силы молодых специалистов с социогуманитарным профилем необходимо рассмотреть особенности каждого уровня.

Специфика результатов трудовой деятельности позволяет выделить *типы* трудовой социализации молодых специалистов с социогуманитарным профилем, основываясь на классификации межличностных отношений¹⁵⁷: 1) *Профессиональную социализацию*; 2) *Социализацию в свободное время*; 3) *Социализацию в семье*; 4) *Социализация нормативных ценностей*.

В дополнение к факторам социализации труда, состоящим из молодых специалистов с социогуманитарным профилем, важны также *факторы социализации труда*. Фактор определяется как одно из условий функционирования, необходимых для какого-либо процесса. Что касается процесса трудовой социализации молодых специалистов с социогуманитарным профилем, то необходимо рассмотреть, при каких условиях происходит этот процесс.

Условия (факторы) социализации можно объединить в три группы¹⁵⁸: 1) *Макрофакторы* – это национальные, этнические, социальные факторы, влияющие на социализацию людей, проживающих в конкретной стране (это влияние может быть как прямым, так и опосредованным другими группами факторов). 2) *Интерфакторы* – это условия социализации больших групп людей, среди которых можно выделить: район проживания и тип населенного пункта (область, село, деревня, город, поселок); принадлежность к той или иной субкультуре. Интерфакторы влияют на социализацию прямо и косвенно. 3) *Микрофакторы*. К ним относятся факторы, которые непосредственно влияют на конкретных людей, с которыми они взаимодействуют, например, рабочие группы, работодатели, коллеги, профсоюзы, религия, страхование, медицинские организации, различные государственные и частные организации и микросообщества.

Социализация молодых специалистов с социогуманитарным профилем может выражаться по-разному. Согласно общепринятой в психолого-педагогической литературе классификации, их можно подразделить на относительно направленные структуры, относительно социально контролируемые структуры и латентные (спонтанные) структуры¹⁵⁹.

Согласно классификации Богданова В.В., формы можно также дифференцировать на

¹⁵⁶ Соколов Е.А. Профессиональное становление личности специалиста-гуманитария. Университетская книга. 2009. - С. 43.

¹⁵⁷ Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1..

¹⁵⁸ Дорошенко О. М. Понятие социализации личности: факторы, механизмы, этапы // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. №1..

¹⁵⁹ Полванова Д. Т. Социализация личности в качестве психосоциального явления // Вопросы науки и образования. 2018. №2 (14).

основе адаптивной и неадаптивной активности¹⁶⁰, ключом к осмысленному пониманию может быть теория В.А. Петровского об адаптивной (целесообразной) и неадаптивной активности. Результатом адаптивной деятельности является приближение к цели. Механизмом активности социализированной личности в этом случае является телологическое оправдание, т.е. стремление к достижению вполне конкретной и социально значимой ценности¹⁶¹. Второй тип активности, выделенный В.А. Петровским, называется неадаптивной активностью. Под неадаптивной понимается противоречивое отношение, которое возникает у человека между целью и результатом деятельности, когда намерение и действие, замысел и его реализация, побуждение к действию и его последствия несовместимы. Понятие несовпадения целей и результатов деятельности человека предстает как особая характеристика, как признак дезадаптивности. Это несоответствие неизбежно и неотвратимо, но в нем заключен источник динамики личности, ее существования и развития. Оно характеризуется наличием реальных причинных факторов, стимулирующих активность личности. Активность определяется не конечной целью (как в случае адаптивной активности), а переживанием самим индивидом возможности реализации себя как личности, как активного субъекта¹⁶². Таким образом, дезадаптивную социализацию можно рассматривать как источник социальных инноваций, а адаптивную социализацию – как источник простого воспроизведения социального опыта. Социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля происходит через различные механизмы во взаимодействии с различными факторами и агентами¹⁶³.

Наиболее обширная классификация механизмов социализации включает социально-психологические и социально-педагогические механизмы¹⁶⁴. Социализация труда на уровне групп молодых специалистов социогуманитарного профиля включает, помимо вышеупомянутых категорий механизмов, *социально-управленческие механизмы социализации*.

1) К социально-психологическим механизмам социализации труда относятся:

– Репрезентация – запечатление индивидом на уровне перцептивного или подсознательного разума характеристик важных для него объектов. Запечатление происходит в основном в период младенчества. Однако интеграция всех образов и чувств возможна и в трудоспособном возрасте.

– Эзистенциальная образность – бессознательная ассоциация усвоения языка и социальных моделей поведения, обязательных в процессе взаимодействия с агентами трудовой социализации.

– Подражание – следование примеру или модели. В данном случае это один из способов добровольного и, чаще всего, бессознательного усвоения человеком социального и трудового опыта.

– Ассоциация – это эмоциональный и когнитивный процесс усвоения норм, установок, ценностей и поведения как своих собственных при взаимодействии с агентами рабочей социализации и референтными группами.

– Рефлексия – это внутренний диалог, в котором рассматриваются, оцениваются, принимаются и отвергаются эти и другие ценности, связанные с различными системами занятости, коллегами и значимыми людьми. Рефлексия может представлять собой

160 Бабкова О. М. Социально-философские идеи Александра Богданова // ИСОМ. 2014. №1.

161 Петровский А, Петровский В Категория личности (к построению онтологической модели личности) // Развитие личности. 2014. №2.

162 Петровский В. А. ПСИХОЛОГИЯ НЕАДАПТИВНОЙ АКТИВНОСТИ 2 ББК 88.4 П30 УДК 371 Петровский В. А. П 30 Психология неадаптивной активности. / Российский открытый университет. — М.: ТОО “Горбунок”, 1992. — С. 54.

163 Петровский А, Петровский В Категория личности (к построению онтологической модели личности) // Развитие личности. 2014. №2.

164 Дорошенко О М Понятие социализации личности: факторы, механизмы, этапы // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. №1.

различные виды внутреннего диалога, включая диалог между различными «я», с реальными или воображаемыми людьми. Благодаря рефлексии люди могут формироваться и изменяться под влиянием реальности, в которой они живут, своего места в этой реальности, а также восприятия и переживания себя.

2) *К социально-педагогическим механизмам социализации относятся*¹⁶⁵:

– Традиционным механизмом социализации молодых профессиональных работников социально-гуманитарного профиля является усвоение индивидом ценностей, поведенческих норм, установок и стереотипов, характеризующих привычную рабочую группу и среду.

– Институциональные механизмы трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля взаимодействуют с организациями, созданными специально для трудовой социализации индивидов (профсоюзы, биржи труда) и организациями, выполняющими функцию социализации наряду с основной (производственные, общественные, ассоциации, другие структуры, СМИ) и индивидуальной функциями в процессе действия¹⁶⁶.

– Механизмы социализации стилизованной новой профессиональной рабочей силы с социогуманитарным профилем действуют в рамках определенных субкультур.

– Межличностный механизм трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля.

3) *К социально-управленческим механизмам социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля относятся*¹⁶⁷: Экономические механизмы трудовой социализации; Организационно-административные механизмы; Самоуправленческий механизм.

Самоменеджмент повышает эффективность всего процесса социализации, так как основывается на интересах молодых специалистов и способствует их участию в творческой деятельности. Из вышесказанного можно понять, что трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля осуществляется в процессе взаимодействия с разнообразными и многочисленными группами, организациями и факторами, которые не только дополняют друг друга с помощью различных механизмов трудовой социализации, но и создают таким образом расхождения и противоречия¹⁶⁸. Это объективно определяет степень автономии молодых специалистов, которая необходима для формирования личности, способной принимать решения, устойчивой к внешнему давлению и не склонной к конформизму и чрезмерно адаптивной трудовой социализации.

Параметры эффективности могут быть оценены по трем направлениям:

1) *Содержание социализации молодых специалистов социально-гуманитарного профиля.* Этот параметр оценивает конкретные результаты трудовой социализации, выраженные в профессиональных и экономических результатах, непосредственных результатах трудовой деятельности в организации и дома, результатах в занятиях хобби, благополучии семейной жизни, культуре досуга, социальном статусе и трудовой мобильности. При рассмотрении этого аспекта особое внимание следует уделять материальным и социальным достижениям молодых специалистов в результате их трудовой деятельности.

2) *Средства трудовой социализации молодых специалистов социально-гуманитарного профиля.* Изучение средств трудовой социализации, используемых

165 Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. - М., 1997. – С. 11.

166 Дорошенко О.М. Понятие социализации личности: факторы, механизмы, этапы // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. №1.

167 Крылова И. В. Социализация личности как аспект задачи управления // Известия ЮФУ. Технические науки. 2011. №10.

168 Викторова М. М. САМОМЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА // Скиф. 2022. №10 (74).

молодыми специалистами, будь то адаптация, саморазвитие, воспроизведение и реинтерпретация трудовых норм и ценностей, позволяет оценить степень спонтанности или концентрации процесса трудовой социализации и исследовать механизмы социализации самих молодых специалистов. Организованная и самоорганизованная трудовая деятельность являются индикаторами общих форм адаптивной и дезадаптивной трудовой социализации.

3) *Самоопределение и самореализация новой профессиональной рабочей силы с социогуманитарным профилем*. Этот параметр отражает функциональность новых профессионалов на коллективном и индивидуальном уровне. На коллективном уровне показателем успеха социализации рабочей силы является признание ценности и вклада новых специалистов в деятельность организации коллективом, организацией или референтной группой. На индивидуальном уровне речь идет о системах мотивации карьеры, социальному благополучию и самооценке, удовлетворенности работой, ценностных ориентациях и отношении к работе.

Согласно Справочнику научных журналов по социально-гуманитарным специальностям в списке Расширенного аккредитационного совета, социальные гуманитарные науки включают: социологию, психологию, экономику, право, историю, философию, педагогику, лингвистику, науку и политологию¹⁶⁹.

Причина дисбаланса между трудным трудоустройством молодых социогуманитариев и большим спросом на социально-гуманитарное образование заключается в том, что социально-гуманитарные знания в основном субъективны, дополняются «личными знаниями», а стандартные социально-гуманитарные знания и технологии всегда получают уникальный личный опыт, и применяется в виде персонализированных инноваций. Основная роль социальных гуманистов в современном обществе – это роль специалистов, проявляющаяся через их представителей в создании политических и других социальных технологий. «Сейчас, когда ни одно серьезное решение не может быть принято без участия экспертов, в современном обществе сложился настоящий «культ экспертов»¹⁷⁰. Это непосредственно влияет на процесс социализации труда молодых специалистов в социально-гуманитарных аспектах, обуславливая его характеристики.

По данным исследования ВЦИОМ в 2024 году о престижности и перспективности социогуманитарных профессий среди российской молодежи были отмечены несколько специальностей. К «дисциплинам-лидерам» относились экономика и право, к «перспективным дисциплинам» – юриспруденция, педагогика, экономика, международные отношения, а к наименее престижной категории «дисциплин-аутсайдеров» были отнесены филология, философия, культурология и творческие направления. Такое деление так же обосновано задачами, которые ставит современный бизнес перед социогуманитарной наукой. Тремя основными точками ее взаимодействия с современным российским бизнесом служат, во-первых, маркетинговые исследования – изучение спроса, обследование различных групп потребителей, подведение научной базы под рекламу, торговлю и прочие виды коммерческих услуг; во-вторых, оптимизация кадровой политики и деятельности коммерческих фирм посредством профотбора, организационного консультирования, различных видов тренинга и так далее; в-третьих, хотя и в меньшей степени, изучение (а иногда и оправдание) современного российского бизнеса как нового для нас явления¹⁷¹.

¹⁶⁹ Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М.: ГУ ВШЭ, 2004. - С. 4.

¹⁷⁰ Там же – С. 16.

¹⁷¹ Данные исследования о престиже профессий среди россиян ВЦИОМ 2024. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prestizhnye-professii-vchera-segodnjazavtra> (дата обращения 20.03.25).

Цель исследования: анализ показателей успешности трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля в Севастополе. **Объект исследования** – совокупность молодых специалистов социогуманитарного профиля от 21 до 35 лет, получивших диплом о высшем образовании социологического, психологического, экономического, юридического факультетов и др. проживающих в г. Севастополе. **Предмет исследования** – результаты трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля. **Задачи исследования:** 1. Систематизировать данные о распределении молодых специалистов социогуманитарного профиля в профессиональной структуре. 2. Выявить влияние на успешность трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля следующих факторов: наличие постоянного места работы, предполагающего полную занятость; наличие вторичной занятости; наличие дополнительного образования; влияние структуры свободного времени; влияние межличностных взаимоотношений с коллегами, родственниками, друзьями; обустроенностя быта и удовлетворенность материальным положением; возможности самореализации, саморазвития и накопления профессионального опыта в трудовой деятельности. 3. Определить наиболее успешные и неуспешные группы молодых специалистов социогуманитарного профиля по результатам трудовой социализации. **Гипотеза исследования** – результаты трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля верифицированы через основные показатели трудовой деятельности, структуру занятости и свободного времени, удовлетворенность социальными ролями и статусами. **Выборка.** Выборочная совокупность составила 300 человек. Выборка типическая, стратифицированная, бесповторная, обладает свойством репрезентативности. По результатам опроса были сформированы квоты и проведено 8 глубинных интервью.

Метод сбора эмпирических данных. Данные собирались при помощи анкетирования молодых специалистов социогуманитарного профиля посредством интернет-ресурсов. Форма для заполнения анкеты размещалась на сайте <https://forms.gle/7hWkSYHQkfFGqChD6>

Глубинные интервью. Привлечение респондентов осуществлялось следующим образом: был осуществлен прямой выход на молодых специалистов социогуманитарного профиля через социальные сети, такие как *Vkontakte.ru*, *Telegram*; была задействована университетская Ассоциация выпускников СевГУ; использована сформированная база адресов электронной почты, находящаяся в распоряжении авторов. **Анализ данных** проведен с помощью программы анализа и обработки статистических данных (SPSS). При анализе глубинных интервью был использован метод контент-анализа¹⁷².

Результаты могут быть представлены в 3 категориях:

1) Содержание трудовой социализации; 2) Средство обобществления труда. 3)

Социально-психологическая функция трудовой социализации. Оценивая результаты одновременно по трем направлениям, можно получить наиболее полную информацию о процессе трудовой социализации и результатах работы молодых специалистов.

Результаты исследования

Дискриптивный блок

В исследовании было опрошено 252 респондентов, из которых 82 (32,14%) мужчины и 170 (67,86%) женщины. Распределение по профилю образования представлено следующим образом:

¹⁷² Дудина, В. И. Прикладная социология: социальное моделирование и программирование : учебное пособие / В. И. Дудина, П. П. Дерюгин, С. Е. Дубровская. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – ISBN 978-5-288-04810-4. – EDN QOKBXP.

Таблица 1 Распределение респондентов по профилю образования

Образование	Количество опрошенных	Процентное соотношение
журналистское	47	18,7%
педагогическое	12	4,8%
историческое	12	4,8%
филологическое	19	7,54%
социологическое	22	8,7%
психологическое	16	6,3%
экономическое	54	21,4 %
юридическое	25	9,9%
другие	26	10,32%

Респонденты, с которыми проводилось глубинное интервью, были распределены следующим образом: Интервью 1: Жен., 30 лет, психологическое образование, работает в педагогической сфере, воспитательница в детском саду; Интервью 2: Муж., 23 года, журналистское образование, незаконченное социологическое образование, работает в сфере журналистики, оператор, монтажёр, режиссёр; Интервью 3: Жен., 22 года, филологическое образование, работает частным репетитором по английскому языку с школьниками младших классов; Интервью 4: Жен., 24 года, педагогическое образование в области физической культуры и спорта, второе направление магистратуры менеджмент и управление проектами, работает специалистом Центра трансфера технологий; Интервью 5: Муж., 24 года, историческое образование, работает археологом в Институте археологии Крыма РАН; Интервью 6: Жен., 24 года, экономическое образование, работает менеджером в магазине Чистая Линия; Интервью 7: Жен., 21 год, юридическое образование, работает старшим продавцом, заместителем руководителя в гастрономическом семейном магазине; Интервью 8: Жен., 23 года, дизайнерское образование, работает частным иллюстратором комиксов, артков, разработчиком визуализации меню для сайтов.

В профессиональной структуре молодые специалисты социогуманитарного профиля смогли реализовать себя следующим образом:

Таблица 2 Распределение по профессиональной специализации

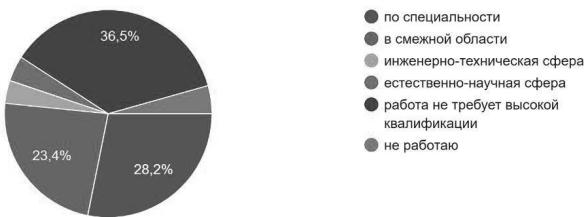
Работаете ли Вы по специальности?	Процентное соотношение
да, работаю по специальности	28,2 %
работаю в смежной области	23,4 %
работаю в другой области	7,6 %
моя работа не требует высокой квалификации	36,5 %
не работаю	4,4 %

Практически в равных долях молодые специалисты смогли себя реализовать как в рамках выбранной профессии, так в близких к полученной специальности сферах занятости. При этом значимые показатели достигаются в основном за счет представителей «дисциплин – лидеров» – молодых специалистов с экономическим, журналистским и психологическим образованием.

Рисунок 1 Доля молодых специалистов работающих по специальности

Вы работаете (выберите 1 вариант):

252 ответа

На основании показателей, представленных на рисунке 2 можно утверждать, что наиболее низкий процент среди молодых специалистов, работающих по специальности, у респондентов с социологическим образованием – 5,56%, а также у респондентов с юридическим образованием – 6,75%. Тогда как доля молодых специалистов с экономическим и журналистским образованием практически в равной доли занимают должности как по специальности – 19,44%, так и не по своей специальности или вовсе специальности, не требующие высоких навыков – 20,63% «Мечтал работать в журналистике и этим все сказано. Недостатки только у тех, кто не хочет или не до конца хочет заниматься журналистикой, но все равно идет в нее работать, в прочем, как и на любой другой работе»¹⁷³. У респондентов с психологическим образованием отмечается высокий процент занятости по своей и смежной специальности – 5,16%. Такие показатели ставят под сомнение определение таких дисциплин как социологию и юриспруденцию как «перспективных дисциплин», подтверждая невысокую востребованность молодых специалистов с соответствующим образованием. Специалисты с социологическим и юридическим образованием отмечают особую сложность при поиске работы по специальности.

Схожим образом происходит распределение среди молодых специалистов, находящихся без работы. Среди молодых специалистов с социологическим и юридическим образованием доля безработных составляет 54,55%, среди молодых специалистов с социологическим образованием – 36,36%, среди молодых специалистов с юридическим образованием – 18,18%. Таким образом, молодые специалисты с экономическим, журналистским, социологическим, психологическим и юридическим образованием показывают себя более гибкими к требованиям рынка труда, чем представители исторических, педагогических и филологических специальностей. «Если говорить, насколько я давно этим (археологией) занимаюсь, то прилично. Года, наверное, с 2014 как энтузиаст–любитель, года с 2017 как студент, ну, а с прошлого года, как полноценный исследователь»¹⁷⁴.

Из числа молодых специалистов, имеющих постоянную занятость, целых 70,63% отметили наличие дополнительной работы. «Сейчас я художник в игровой команде, я занимаюсь различным art-directionом, начиная от дизайна менюшек и ю-икса, заканчивая концептом игровых объектов из прайдов. Я какое-то время работала на фрилансе, но сейчас я подрабатываю, так как не очень много заказов. Я не сильно эту сторону развиваю, и я работала в магазине сборщиком онлайн»¹⁷⁵.

¹⁷³ Интервью 2

¹⁷⁴ Интервью 5

¹⁷⁵ Интервью 8

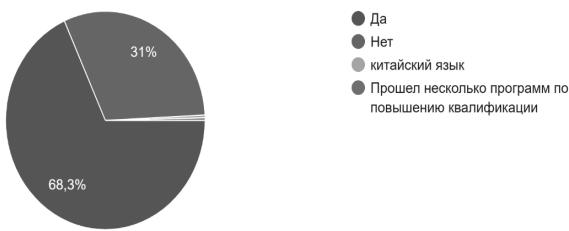
При анализе распределения наличия вторичной занятости по профилю образования, отличия наблюдаются у специалистов с экономическим и журналистским образованием – 14,68% имеют вторичную занятость, при этом 25,4% специалистов заняты деятельностью, предполагающей полную занятость. Самый низкий процент по вторичной занятости у молодых специалистов с педагогическим и историческим образованием. Этим еще раз подтверждается вывод о том, что «адаптационные процессы в сфере труда вступают в новую фазу. Позитивные перемены расширяют возможности людей, создают более благоприятные условия для реализации адаптационных ресурсов. Хотя пассивное приспособление имеет пока большее значение, чем активное, их соотношение постепенно меняется в пользу выбора активных адаптационных практик. Выросло количество людей, которые использовали активные способы адаптации, исследовали дополнительные ресурсы, предпринимали реальные и эффективные шаги для улучшения своего положения – пробовали свои силы в бизнесе и предпринимательстве, меняли профессию, специальность или место работы, проходили переобучение по прежней или новой специальности, устраивались на дополнительную работу. Стремление людей к трудоустройству и сохранению работы становится сегодня главной чертой, определяющей успешность адаптации к рыночной экономике»¹⁷⁶.

Среди уточнений варианта «другое» молодые специалисты отметили выход «в моря», занятия в музыкальных и актерских группах или дополнительную занятость, имеющую непостоянный характер.

Важным показателем в исследовании трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля также является наличие дополнительного образования. Более половины опрошенных респондентов – 68,3% – ответили, что получили дополнительное образование. Из них 69,05% смогли найти работу, предполагающую полную занятость, а 28,57% от числа получивших дополнительное образование заняты на дополнительной работе.

Рисунок 3 Наличие дополнительного образования

Есть ли у Вас дополнительное образование (второе высшее, курсы, тренинги)?
252 ответа

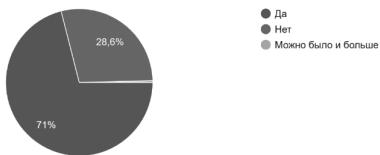
Достаточно высокий процент молодых специалистов, которые отмечают свой профессиональный рост – 71%. «Я сменила место работы, на то, где мне дают возможности для саморазвития. Вот, и планов, на самом деле, очень много, с одной стороны, меня это пугает, потому что, как бы, большая ответственность, но и с другой

¹⁷⁶ Капица С. И. Формирование механизмов управления социальной адаптацией трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда. Автореф. дисс. доктора соц. наук. СПбГУ. 2009. Режим доступа: <https://www.dissertat.com/content/formirovaniye-mekhanizmov-upravleniya-sotsialnoi-adaptatsiei-trudosposobnogo-naseleniya-k-izm> (дата обращения: 03.04.23).

стороны, мне очень приятно и мне это подходит. Это участие в различных конкурсах, причём, в таких, достаточно серьезных конкурсах. Это мероприятия на уровне детского сада, есть мероприятия городские. Есть мероприятия и повышение, так скажем»¹⁷⁷, «Определенно выросла. Так как сейчас мне готовиться к урокам намного проще, чем было раньше, даже хотя бы год назад. Я в этой сфере уже три года и понимаю, что с каждым уроком с каждым новым учеником у меня уже нет того трепета внутри»¹⁷⁸.

Рисунок 4 Профессиональный рост

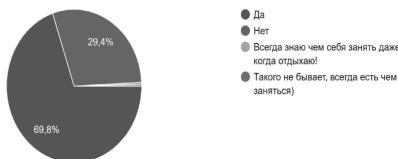
Считаете ли Вы, что выросли как специалист и получили большой опыт за последний год работы?
252 ответа

Практически все молодые специалисты – 96% указывают на наличие хобби и увлечений, которыми они занимаются в свое свободное время. Но при этом 69,8% отметили так же, что у них есть время, чтобы «ничего не делать».

Рисунок 5 Свободное время ничего не делать

Позволяете ли Вы себе в свободное время ничего не делать?
252 ответа

Очень высокие показатели также продемонстрировали молодые специалисты при ответе на вопрос, о взаимоотношении с родственниками и коллегами. Довольны отношениями с коллегами из числа работающих молодых специалистов 93,7%, а отношениями в семье – 87,3% соответственно.

Обращая внимание на Рисунок 6, нами было отмечено, что материальное положение у молодых специалистов вызывает наибольшую обеспокоенность, чем межличностные взаимоотношения. По результатам проведенного анкетирования и в интервью у большинства респондентов была высказана мысль о том, что их потребности не соответствуют той заработной плате, которую они получают. «Из минусов, главный минус все-таки это как раз-таки в том, что денег как обычно мало и большая часть нашей экспедиции выживає за минимальные суммы, вот поэтому, пожалуй, единственная проблема, да, это в том, что в этой сфере денег практически нет»¹⁷⁹, «Больше всего отталкивает в работе то, что зарплата слишком низкая»¹⁸⁰.

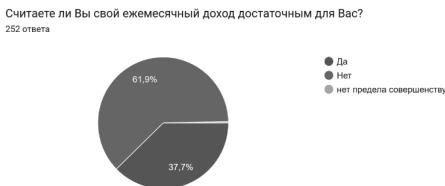
¹⁷⁷ Интервью 1

¹⁷⁸ Интервью 3

¹⁷⁹ Интервью 5

¹⁸⁰ Интервью 6

Рисунок 6 Удовлетворенность ежемесячным доходом

Так 28,97% респондентов отмечает свою неудовлетворенность бытовыми условиями и 61,9% считают свой ежемесячный доход недостаточным.

2.3.3 Проверка гипотез

1) Изменения в профессиональной деятельности молодых специалистов по их социогуманитарному профилю влияют на успешность трудовой социализации.

Результаты нашего исследования указывают на то, что высшее образование уже не гарантирует успешной профессиональной карьеры, и студенты очной формы обучения изменяют свою жизненную стратегию, интегрируясь на рынке труда и получая опыт в сфере вторичной занятости.

Однако, результаты профессионального становления молодых специалистов зависят не только от специфики образования, но и от их личностных свойств, системы ценностей и отношений. Выполняя работу, молодой специалист воспроизводит новые качества и свойства на личностном уровне.

В нашем исследовании мы рассмотрели основные показатели характеристик и уровня развития личности, которые были отражены в вопросах о дополнительном образовании, хобби и наличии свободного времени.

Результаты распределения ответов на вопросы по специальностям о наличии дополнительного образования, хобби, и свободного времени выглядят следующим образом:

Таблица 3

Профиль образования	Доп. образование	хобби	Свободное время
социологическое	77,27%	86,96%	78,26%
журналистское	80,85%	100%	80,85%
психологическое	66,67%	94,44%	66,67%
экономическое	71,93%	96,49%	63,16%
юридическое	72%	88%	68%

Большинством респондентов в ходе интервью и в ответах на анкету была выражена обеспокоенность и неудовлетворенность полученным ими образованием.

Респонденты отметили некомпетентность некоторых преподавателей, которые не могут дать им нужные знания и навыки. «Многие преподаватели, точнее все преподаватели поголовно были из нашего университета, то есть, получается, они не могут себя реализовать, как художники они реализуют себя как преподаватели, но также с переменным успехом, как по мне»¹⁸¹.

Некоторые респонденты также не заметили смысла в некоторых дисциплинах, которые, по их мнению, бесполезны и не имеют отношения к их будущей профессии. «Очень много минусов в том, что было достаточно большое количество дисциплин, которые никак не относятся к моей профессии, но они должны быть пройдены просто потому, что и это

¹⁸¹ Интервью 8

трома времени, траты нервов, потому что обычно на такие дисциплины ставят и экзамены, и зачеты, а не просто они идут как факультативы. Плюс к тому дисциплины выбирать нельзя. В Севастопольском государственном университете ты обязан соответствовать программе, которую заложил определенный человек на определенную специальность»¹⁸², «На первом курсе было очень много общебразовалики, которая «а» – совершенно бесполезна, «б» – многократно повторяется в школе, «в» – не является, ааа...ориентированным на специальность набором предметов»¹⁸³.

Кроме того, студенты часто сталкиваются с повторяющимися дисциплинами из года в год, что вызывает у них недовольство. «Да, есть некоторые абсолютно бесполезные, как может показаться, называть их я не буду, вот, ну сам факт, что есть те предметы, которые кажутся бесполезными, есть повторяющиеся из года год или, допустим, повторяющийся на бакалавриате и на магистратуре»¹⁸⁴.

Также некоторые респонденты высказали свое недовольство работой студсовета, который мешает реализации их потенциала в университете. «Студсовет имел задачу помогать студентам, но он вставлял палки в колеса, отчасти тем, кто хотел заниматься журналистикой. Я себя на первом курсе не мог реализовать как корпоративного журналиста, у меня не было возможности никакой практики. Хотелось сделать студ.газету, студ. СМИ – не получилось, очень много палок в колеса начали ставить именно по финансированию, уже были готовы макеты двух выпусков. Не дали»¹⁸⁵.

Плохо и неудобно–составленные программы обучения также являются проблемой для молодых специалистов. «Да, это постоянные смены рабочих программ, то есть каждый следующий курс фактически обучается по несколько измененной программе, внутри этих программ, например, поставлены довольно дурацкие курсы некоторые. Да, например, соотношение лекций и семинарских часов – последние очень сильно превалируют, чего быть, по–моему, не должно. Все–таки лекционный материал, как базовый, должен преподаваться куда больше, а семинарский все–таки, если не быть с ним наравне, то следовать за ним»¹⁸⁶. Они не дают возможности углубить свои знания и навыки.

Несовременность учебной программы также вызывает недовольство у студентов. Они считают, что программа должна быть более актуальной и соответствовать современным требованиям рынка труда. «У нас, во–первых, была старая программа, она была изначально специалитетом, а потом ее преобразовали в бакалавр–магистр, соответственно, преподаватели не смогли нормально составить программу, и несмотря на то, что специалитет был года за четыре–за пять до нас – довольно давно, им это вообще не помогло с тем, чтобы составить нормальную программу. В итоге, программа никакая, учит ничему. Всему, но понемногу, в итоге ты выходишь вообще ни с одним количеством прикладных знаний, просто как на кружок какой–то походил за четыре года и тебе за это какой–то диплом дали»¹⁸⁷, «Уровень обладания иностранным языком у преподавателей Севастопольского государственного университета, не у всех, но, почему то, к моему большому сожалению, у большинства, он оставляет желать лучшего именно в плане бедности, неправильной фонетики»¹⁸⁸.

Недостаточное техническое оборудование и отсутствие практической направленности в учебной программе также являются проблемами, с которыми сталкиваются молодые специалисты. Если студентов отправляют на практику, то она часто бывает бесполезной и не дает им никаких новых знаний и навыков. «Из минусов это,

¹⁸² Интервью 3

¹⁸³ Интервью 2

¹⁸⁴ Интервью 5

¹⁸⁵ Интервью 2

¹⁸⁶ Интервью 3

¹⁸⁷ Интервью 8

¹⁸⁸ Интервью 3

наверное, малое оборудование этого университета, к примеру, ионных научников или преподавателей непосредственно, которые были за границей»¹⁸⁹, «Очень мне не нравилось, что вот эти все аутентичные учебники, они старого образца новых, как будто у нас нет, в принципе»¹⁹⁰, «Больше всего не нравилось, что, допустим, после того, как ты закончил обучение, никто не поддерживает студентов, стараясь дать возможность где-нибудь поработать, попрактиковаться и так далее, то есть практика у нас если была, то студенты расставляли какие-то банки и склянки в магазине, в общем, занимались работой не менеджера, а работой продавцов»¹⁹¹.

В целом, молодые специалисты социогуманитарного профиля выражают свою обеспокоенность и неудовлетворенность полученным ими образованием. Они требуют изменений в учебной программе, чтобы получить более качественное и практическое образование, которое поможет им реализовать свой потенциал в будущей профессии. Необходимо уделять внимание компетентности преподавателей, актуальности учебной программы, практической направленности и техническому оборудованию. Таким образом можно обеспечить студентам возможность получить качественное образование и успешно реализоваться в своей профессиональной деятельности.

В интервью молодые специалисты говорили о своем хобби как о деятельности, которая доставляет им удовольствие, заставляет расслабиться, а также позволяет усовершенствовать собственные навыки. Практически все отмечали, что уделяют своему хобби достаточное количество времени, занимаясь активным спортом, занимаясь творчеством, художеством, путешествиями, играя в настольные и компьютерные, посещая семинары и тренинги, однако не считая это трудом. «Тот же маникюр, макияж – для меня это творчество, это расслабляет. Недавно подсела на рисование, могу рисовать целыми днями»¹⁹², «Хобби – это не труд, но это хорошая интеллектуальная разрядка, это способ самореализации, если правильно подбирать настольные игры. Можно выбрать живые карточные, либо ролевки, либо стратегические настольки. И даже отдыхая – ты себя прокачиваешь. Потом это может отражаться и в работе, в плане многозадачности, в плане стратегического и тактического мышления»¹⁹³, «Я ощущаю себя легко по причине того, что я просто делаю то, что я хочу»¹⁹⁴.

Многие респонденты отметили, что у них есть свободное время, которое не занято трудовой деятельностью. Это может указывать на отсутствие полноценной трудовой социализации и смещение ценности труда на задний план в жизни молодых специалистов. Такая тенденция может быть связана с ростом значимости инструментальных ценностей в обществе.

В таблице 4 продемонстрированы результаты ответов на вопросы, касающиеся результатов трудовой и профессиональной деятельности, а так же межличностных взаимоотношений.

Таблица 4

Вопрос/профиль образования	социологическое	психологическое	экономическое	юридическое	журналистское
Реализация идей и способностей	59,09 %	83,33%	87,72 %	76%	82,98%
Профессиональный рост	81,82 %	77,78 %	64,91%	52%	70,2%

¹⁸⁹ Интервью 3

¹⁹⁰ Интервью 3

¹⁹¹ Интервью 7

¹⁹² Интервью 1

¹⁹³ Интервью 2

¹⁹⁴ Интервью 4

Признание результатов трудовой деятельности полезными	59,09 %	94,44%	89,47%	92%	89,36%
Удовлетворенность взаимоотношениями в коллективе	95,45%	94,44%	96,49%	88%	93,62%
Удовлетворенность взаимоотношениями в семье	86,36%	83,33%	94,74%	80%	89,36%

Специалисты практически в равной степени показали высокий процент удовлетворенности взаимоотношениями в коллективе, что может являться результатом реализации знаний, умений и навыков, обусловленных профильным образованием.

Самый высокий процент среди молодых специалистов социогуманитарного профиля, отметивших возможность реализации своих способностей и идей в профессионально-трудовой деятельности, профессиональный рост и признание полезности результатов своей профессионально-трудовой деятельности показали молодые специалисты с психологическим образованием, что обусловлено спецификой профильного образования, а также повышенный спрос на специалистов-психологов в связи с повышением уровня напряженности и тревожности в обществе в свете произошедших за последний десяток кризисных экономических и политических событий.

Среди молодых специалистов с экономическим образованием самое большое количество респондентов, удовлетворенных своими взаимоотношениями в семье, но отметивших невысокий уровень профессионального роста за последний год. По мнению авторов, данный показатель может быть напрямую связан с потребностью рынка труда в специалистах данного профиля, поскольку высокий процент молодых специалистов, работающих по данно специальности работают в смежных областях, либо занимают должности, не требующие высокой квалификации.

В таблице 5 представлено распределение ответов молодых специалистов социогуманитарного профиля по типу занятости.

Таблица 5

	социологическое	психологическое	экономическое	журналистское	юридическое
Полная занятость	50%	50%	77,19%	74,47%	72%
Вторичная занятость	22,73%	33,3%	42,11%	29,79%	20%
Удовлетворенность доходом	22,73%	50%	56,14%	25,53%	40%

Хотя молодые специалисты с профильным юридическим образованием часто работают в смежных областях или в сферах, не связанных с их образованием, 72% из них нашли работу, которая предполагает полную занятость.

Молодые специалисты с социологическим, экономическим, юридическим и журналистским образованием относятся к соответствуанию предполагаемой работы профилю своего образования наименее критично, основываясь на реалиях рынка труда. Среди них высокий процент специалистов занят на работах, не требующих высокой квалификации – 24,6%. Это может привести к низкой удовлетворенности доходом или возможностью реализации себя в профессиональной деятельности.

Молодые специалисты с экономическим образованием являются самой благополучной категорией, так как среди них высокий процент работающих на работе с полной занятостью и самый высокий процент специалистов, имеющих дополнительную работу. Это может быть связано с профессиональной спецификой, когда молодые специалисты, занимающиеся бухгалтерией или аудитом, могут вести несколько проектов одновременно.

Интересным для нас стал показатель зависимости удовлетворенностью ежемесячным доходом от наличия собственности. Среди опрошенных респондентов, кто имеет собственную недвижимость или автомобиль удовлетворено своим ежемесячным доходом 38,1% специалистов, в то время как у респондентов, не имеющих собственно-нажитое этот процент составляет всего 8,73%. Действительно, возможное соотношение уровня заработных плат молодых специалистов социогуманитарного профиля и стоимости арендованного жилья сейчас такого, что необходимость ежемесячных платежей заметно снижает удовлетворенность собственным доходом.

Мы можем наблюдать различия в структуре занятости, способностях к самореализации и организации межличностного взаимодействия у молодых специалистов в зависимости от типа их профильного образования. Это подтверждает гипотезу о влиянии специфики профессионального образования на занятость и основные показатели трудовой социализации. Например, молодые специалисты с экономическим образованием чаще работают на полную занятость и имеют больше возможностей для дополнительной работы, в то время как молодые специалисты с юридическим образованием часто работают в других сферах, но все же находят работу, предполагающую полную занятость. Однако, молодые специалисты с различными образованиями могут столкнуться с проблемами, связанными с низкой удовлетворенностью доходом или возможностью реализации себя в профессиональной деятельности.

2) Тип социально-гуманитарного образования влияет на успешность трудовой социализации.

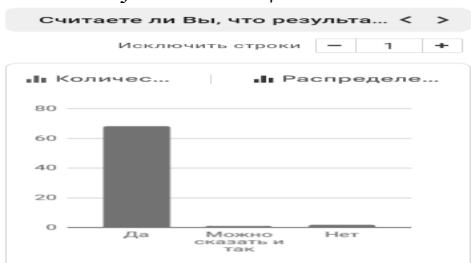
Ключевой из особенностей трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля является желание сменить профессию с целью улучшения результатов своей трудовой деятельности. Однако, необходимо учитывать, что такая смена требует значительных затрат интеллектуальных, материальных и физических ресурсов, а также более длительного периода профессиональной и трудовой адаптации. В связи с этим, возможно временное снижение основных показателей успешности трудовой социализации.

Очень показательным примером является высказывание респондента в интервью 1, который практически полностью разочаровалась в своей специальности психолога после нескольких лет работы школьным психологом и устроилась в смежную сферу – старшим воспитателем в детском саду. «Я не знаю, может быть я в такую–такую, как бы, в школу попала. Я не знаю как в других школах работают, не могу, как бы, за всех говорить, но конкретно я попала в такое место работы, где я делала всё. То есть и у меня была не одна должность. То есть, я была не просто психологом... Очень расстраивает отношения детей. То есть, когда ты налаживаешь контакты с детьми и они каждый день к тебе приходят на каждой перемене, а тебя при этом отправляют то туда, то сюда, и ты не можешь уделить время детям, соответственно, у них возникают какие-то обиды, чувство предательства. И ты, ну, как бы, и тебе очень сложно с этим. То есть у меня встал вопрос в этом. Я не могу приносить детям пользу. Смысл мне там тогда находиться?»¹⁹⁵.

Такой пример показывает, что смена профессии может быть необходима для лучшего развития в профессиональной сфере, но требует серьезного подхода и готовности к новым трудностям.

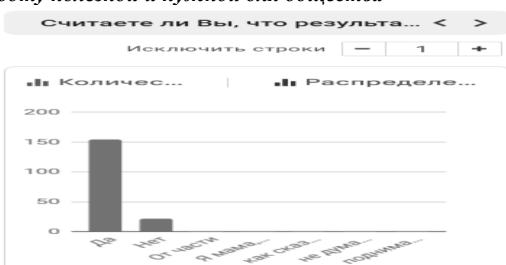
¹⁹⁵ Интервью 1

Рисунок 7 Респонденты, работающие по специальности, воспринимающие свою работу полезной и нужной для общества

У молодых специалистов, работающих по специальности, наблюдаются более высокие показатели, чем у специалистов, сменивших свою профессиональную деятельность. Так, из работающих по специальности, 92,96% считают свою трудовую деятельность очень полезной для общества и организации.

Рисунок 8 Респонденты, работающие не по специальности, воспринимающие свою работу полезной и нужной для общества

В свою очередь, из работающих не по специальности, процент респондентов, считающих свою деятельность полезной, ниже – 74,59%. Респонденты, работающие не по специальности, отмечают, что их деятельность не приносит пользу организации. Это может быть связано с тем, что они не имеют достаточного знания и опыта в данной области, что приводит к низкой эффективности работы. Кроме того, работа не по специальности может вызывать у молодого специалиста чувство неудовлетворенности и недостатка уверенности в своих силах. В такой ситуации респонденты могут испытывать давление со стороны коллег и начальства, что также негативно сказывается на их мотивации и результативности работы.

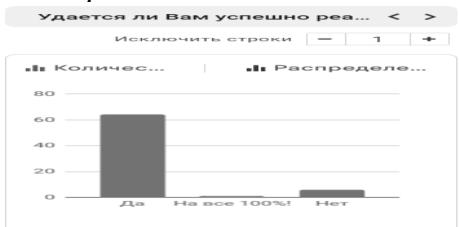
Однако, несмотря на то, что работа не по специальности может вызывать некоторые негативные эмоции у сотрудников, более половины респондентов, работающих по смежной профессии или выбравших труд, не требующий высоких навыков, полагают, что их деятельность приносит пользу организации.

Это может быть связано с тем, что такие сотрудники обладают определенными умениями и знаниями, которые могут быть полезны в работе. Кроме того, они могут быть более гибкими и адаптивными к изменениям в работе, что также способствует повышению эффективности организации.

Некоторые респонденты отмечают, что работа не по специальности позволяет им получить новый опыт и знания в другой области, что может быть полезным для их карьерного роста в будущем. Кроме того, такая работа может быть более физически или эмоционально легкой, что также может повысить уровень удовлетворенности сотрудника.

«Я сменила место работы, на то, где мне дают возможности для саморазвития... Наверное, в работе я могу себя проявить больше, чем в повседневной жизни. То есть те же творческие какие-то моменты, когда я могу больше их проявлять и показывать себя на работе, чем дома»¹⁹⁶.

Рисунок 9 Респонденты, работающие по специальности, удовлетворенные возможностью реализовать свои таланты и возможности

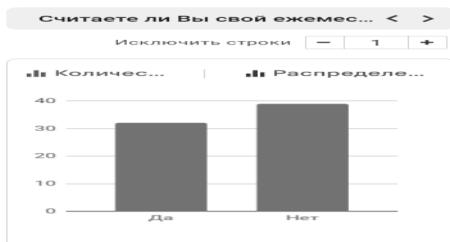
Целых 90,14% респондентов, работающих по специальности, отмечают возможность реализации своих способностей и полученных навыков в профессиональной деятельности.

Рисунок 10 Респонденты, работающие не по специальности, удовлетворенные возможностью реализовать свои таланты и возможности

В то время как респондентов, работающих не по специальности или в смежных областях, удовлетворенных возможностью реализации своих талантов и навыков меньше – 74,59%.

Рисунок 11 Респонденты, работающие по специальности, удовлетворенные ежемесячным доходом

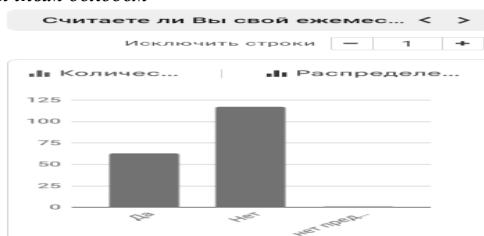

¹⁹⁶ Интервью 1

Как видно по рисунку 11 и рисунку 12, многие молодые специалисты, независимо от того, работают они по своей специальности или нет, не чувствуют удовлетворения от своего ежемесячного заработка. Практически в равной степени, большинство респондентов, работающих как по специальности – 45,07% респондентов, так и не по своей специальности – 34,81% респондентов, не удовлетворены ежемесячным заработком. Это может быть связано с уровнем рентабельности специалистов социогуманитарного профиля на трудовом рынке Севастополя.

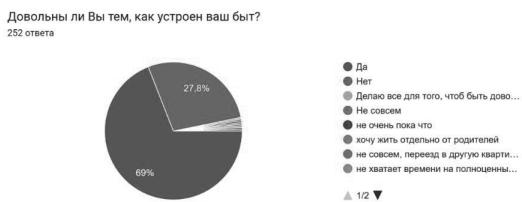
Таким образом, многие работники могут чувствовать себя недооцененными и не получать достаточного вознаграждения за свой труд. Данная цифра не обязательно значит низкий доход, а скорее отражает несоответствие дохода ожиданиям молодых специалистов, приведших к смене профессиональной сферы деятельности, поскольку респондентов просили оценить именно свою удовлетворенность.

Рисунок 12 Респонденты, работающие по специальности, удовлетворенные ежемесячным доходом

Вывод подтверждается и тем, что из этой категории молодых специалистов 30,95% не довольны тем, как устроен их быт, однако у 48,4% респондентов есть в собственности недвижимость и автомобиль.

Рисунок 14 Удовлетворенность бытовыми условиями

Однако, проанализировав нематериальные факторы удовлетворенностью работой, отметим, что заработная плата не является единственным фактором, который влияет на удовлетворенность от работы. Работники также ценят возможности для профессионального роста и развития, признание своей работы и возможность влиять на результаты своей деятельности.

Поэтому, чтобы сотрудники были удовлетворены своей работой, необходимо учитывать не только их заработную плату, но и другие факторы, которые влияют на их мотивацию и удовлетворенность. Кроме того, компании могут предоставлять дополнительные бонусы и льготы, чтобы показать свою признательность и уважение к своим сотрудникам. Важно также обеспечить рабочую атмосферу, которая будет способствовать комфорту и эффективности работы. Все это вместе позволит создать условия для удовлетворенности сотрудников и повышения их производительности.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезу о влиянии смены профессиональной деятельности на результат трудовой социализации. В большинстве случаев смена профессиональной деятельности способствует снижению показателей трудовой социализации, и замедляет полноценное включение молодого специалиста в общество посредством его трудовой деятельности. Этот же вывод сделан «Человек может быть полностью социализирован для своей социальной группы, но его представления наверняка окажутся в большей или меньшей степени неадекватны в другой социальной группе, хотя он вполне может там существовать».

Как уже неоднократно отмечалось, профессиональная деятельность молодого специалиста социогуманитарного профиля является основной и конкретной формой трудовой активности, занимает значительную часть жизненного пути и играет существенную роль в его социальном и культурном развитии, самореализации и самоутверждении. Одной из особенностей прохождения специалистом социогуманитарного профиля своего профессионального пути является периодическое изменение характера самой деятельности, что обуславливает динамику и специфику процесса трудовой социализации. Этот процесс также способствует развитию личности и становлению молодого специалиста как субъекта труда.

3) Половая принадлежность влияет на успешность трудовой социализации

Для того чтобы проверить гипотезу о влиянии гендерного аспекта на результаты трудовой социализации, необходимо сравнить основные показатели. Результаты приведены в процентном соотношении от количества специалистов мужского и женского пола.

Таблица 6

	М	Ж
Наличие дополнительного образования	65,43%	70,18%
Наличие работы, предполагающей полную занятость	80,25%	66,08%
Наличие дополнительной занятости	34,57%	25,15%
Удовлетворенность ежемесячным доходом	43,21%	35,09%
Возможность самореализации в трудовой деятельности	83,95%	76,61%
Профессиональный рост	67,9%	72,51%
Считаю свою трудовую деятельность полезной	93,83%	86,55%
Устроенность быта (удовлетворенность бытовыми условиями)	70,37%	68,42%
Наличие свободного от трудовой деятельности времени	65,43%	71,93%
Хорошие взаимоотношения с коллегами	92,59%	94,15%

Как мы видим из таблицы 6, представители мужского пола успешнее находят работу, предполагающую полную занятость, более успешно реализуют себя в трудовой деятельности, а также более удовлетворены своих ежемесячным доходом. По остальным показателям между молодыми специалистами мужского и женского пола значимых различий не наблюдается. Основные различия продиктованы особенностями рынка труда, где в основном реализуется, согласно проведенным исследованиям, скрытая дискриминация, которая проявляется в политике найма и продвижения, и отражает гендерные предпочтения работодателей по отношению к определенным рабочим местам и видам деятельности. На рынке труда выделяются два типа стереотипов, которые поддерживают гендерное неравенство: стереотипы положения и стереотипы поведения. С одной стороны работодатели исходят из представлений о том, что женщине надо сочетать трудовую деятельность с семейными обязанностями, поэтому от нее в меньшей степени надо ожидать сверхтрудовых усилий, ориентаций на карьерный рост. С другой стороны проявляется стереотип работников, где женщины знают, что к ним относятся как к менее предпочтительным работникам и выбирают виды деятельности, которые требуют меньших трудовых усилий, поскольку соревноваться с мужчинами у них нет возможностей. Положение мужчин, в том числе и молодых специалистов, обусловлено помещение в центр

маскулинной идентичности профессионального успеха. Фиксация на профессиональной самооценке как базе для личностной самооценки в целом создает определенные препятствия при выстраивании стратегии занятости. Компромисс в виде устройства на низкооплачиваемую работу или на работу не по специальности угрожает, помимо прочего, и личностной целостности. Достижение успеха предполагает не только хорошо оплачиваемую профессиональную работу, но и признание своей состоятельности со стороны других членов ближайшего социального окружения. Боязнь выглядеть в глазах других мужчин недостаточно мужественным может быть препятствием при трудоустройстве, особенно с учетом специфики профессий, требующих социогуманитарного образования, что приводит к стремлению достигать лучших профессиональных результатов в более короткие сроки¹⁹⁷.

Основные различия на рынке труда связаны с гендерным неравенством, которое проявляется через скрытую дискриминацию в политике найма и продвижения. Работодатели часто придерживаются стереотипов положения и поведения, которые поддерживают гендерное неравенство. Например, работодатели могут ожидать от женщин сочетания трудовой деятельности с семейными обязанностями, что может приводить к ограничению возможностей для карьерного роста. Кроме того, женщины могут выбирать виды деятельности, требующие меньших трудовых усилий, чтобы избежать конкуренции с мужчинами.

У мужчин также есть свои особенности на рынке труда. Они часто помещаются в центр маскулинной идентичности профессионального успеха, что может создавать определенные препятствия при выстраивании стратегии занятости. Например, мужчины могут бояться выглядеть недостаточно мужественными в глазах других мужчин и выбирать профессии, которые соответствуют их представлениям о мужской роли в обществе. Это может приводить к стремлению достигать лучших результатов в более короткие сроки и компромиссам в виде низкооплачиваемой работы или работы не по специальности¹⁹⁸.

В целом, достижение успеха на рынке труда требует не только хорошо оплачиваемой профессиональной работы, но и признания своей состоятельности со стороны других членов ближайшего социального окружения. Однако, гендерные стереотипы и дискриминация могут создавать препятствия для достижения этой цели.

Обращаясь к таблице 6, видим взаимосвязь между уровнем удовлетворенности результатами трудовой деятельности и доходом, которая прослеживается у мужчин, в то время как женщины остаются удовлетворенными результатами своей работы, независимо от ежемесячного дохода. Этот подход обуславливает приоритет женщин среди молодых специалистов социогуманитарного профиля, поскольку на рынке труда позиции для молодых специалистов, требующие наличия социологического, психологического, экономического или юридического образования, предполагают меньший доход, чем для молодых специалистов в области компьютерных технологий, рабочих и торговых специальностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что гендерный аспект оказывает частичное влияние на успешность трудовой социализации в условиях современного рынка труда, но не является основополагающим фактором трудовой социализации молодых специалистов.

Проведенное исследование позволило выявить неоднозначность результатов трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля.

Практически все молодые специалисты в равных долях смогли себя реализовать как в рамках выбранной профессии, так и в близких к полученной специальности сферах занятости. Наиболее успешными группами, продемонстрировавшими положительные

¹⁹⁷ Тартаковская И.Н. Мужчины на рынке труда Режим доступа: https://www.iras.ru/index.php?page_id=2384&id=758 (дата обращения: 13.04.2023).

¹⁹⁸ Тартаковская И.Н. Мужчины на рынке труда Режим доступа: https://www.iras.ru/index.php?page_id=2384&id=758 (дата обращения: 13.04.2023).

результаты профессиональной социализации стали представители «дисциплин – лидеров» – молодые специалисты с экономическим и журналистским образованием. Наиболее низкий процент среди молодых специалистов, работающих по специальности, у респондентов с социологическим образованием – 5,56%, а также у респондентов с юридическим образованием – 6,75%. Тогда как доля молодых специалистов с экономическим и журналистским образованием практически в равной доли занимают должности как по специальности – 19,44%, так и не по своей специальности или вовсе специальности, не требующие высоких навыков – 20,63%. Но молодые специалисты с экономическим, журналистским, социологическим, психологическим и юридическим образованием показывают себя более гибкими к требованиям рынка труда, чем представители исторических, педагогических и филологических специальностей.

В результате исследования подтвердились следующие гипотезы. Во–первых, различия, связанные с типом профильного образования, влияют на структуру занятости, способности к самореализации и межличностное взаимодействие молодых специалистов, что непосредственно отражается на основных показателях трудовой социализации. Таким образом, профессиональная социализация является неотъемлемой частью трудовой социализации, но не единственной. Во–вторых, смена профессии может привести к снижению социально–экономических показателей трудовой социализации и замедлить полноценное включение молодого специалиста в общество через трудовую деятельность. Однако такая смена может косвенно повлиять на осознание значимости результатов труда, наличие хобби, желание саморазвития и получение дополнительного образования. В–третьих, гендерный аспект оказывает частичное влияние на успешность трудовой социализации в условиях современного рынка труда, но не является определяющим фактором для молодых специалистов.

Результаты трудовой социализации, выявленные в данном исследовании, являются неоднозначными. С одной стороны, специалисты социогуманитарных специальностей высоко оценивают результаты своей трудовой деятельности, профессиональный и личностный рост. Однако, с другой стороны, они недовольны ежемесячным доходом и бытовыми условиями. Это противоречие свидетельствует о ценностном конфликте в трудовой деятельности, когда осознаваемая ценность и значимость труда не подкреплена соответствующим образом в социально–экономической сфере. Такая ситуация обусловлена спецификой рынка труда.

Несмотря на то, что труд специалистов социогуманитарного профиля не имеет прямого влияния на производство материальных благ, они все же являются частью российской интеллигенции и выполняют квалифицированный умственный труд. Однако высокая неудовлетворенность оплатой и низкая потребность в таких специалистах, особенно юристах и социологах, может свидетельствовать о том, что многие из них не достигают успеха в своей профессиональной деятельности и не оказывают должного влияния на социально–экономическую сферу общества.

* * *

Характеризующийся переходом к постиндустриальному и информационному обществу, современный этап цивилизационного развития предъявляет новые требования к трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля. Исследование актуальных проблем трудовой социализации молодых специалистов социогуманитарного профиля в Севастополе показало, что сейчас наблюдается медленный поворот в отношении этой проблематики: руководители и наставники все больше проявляют интерес к трудовым процессам в молодежной среде.

Недостаточная квалификация молодых специалистов также является одной из проблем, затрудняющих их трудовую социализацию. Образовательная система не всегда готовит выпускников к реальным требованиям рынка труда, что затрудняет их трудовую

социализацию. Это связано с низким уровнем финансирования образования и отсутствием инноваций в системе образования.

Низкая заинтересованность работодателей в развитии профессиональных навыков молодых специалистов также является проблемой, затрудняющей их трудовую социализацию. Многие компании не готовы инвестировать в обучение своих сотрудников, что затрудняет их трудовую социализацию и развитие. Это связано с отсутствием стимулов для развития бизнеса и низким уровнем конкуренции на рынке.

Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля имеет массовый характер и связана с множеством особенностей развития российского общества. Важным фактором формирования концепции трудовой социализации является учет быстро меняющихся условий труда. Выбор типа трудовой деятельности определяется ситуацией, в которой действует молодой человек, а не только профилем его образования.

Для молодых социогуманитариев важна не только сущностная характеристика профессии, но и ее привлекательность и внешнее выражение. Концептуальное осмысление трудовой социализации молодых социогуманитариев предполагает исследование этой категории специалистов с позиций глобального неравенства и формирования новых когнитивных рамок оценки их роли и значения в системе общей трудовой деятельности.

В настоящее время в Севастополе можно заметить недостаток единой системы управления трудовой социализацией студенческой молодежи. Необходимо признать, что этот процесс проходит стихийно, без должной организации, что приводит к множеству социальных проблем и коллизий. Например, молодые специалисты социогуманитарного профиля часто сталкиваются с трудностями при поиске работы или адаптации к новой среде. Эти проблемы оказывают вред как обществу в целом, так и отдельной личности.

Для решения этих проблем необходимо создание условий для развития экономики и бизнеса в регионе, а также проведение соответствующих программ по поддержке молодых специалистов. Важным шагом может стать снижение уровня военной мобилизации и переориентация на развитие других сфер экономики. Также необходимо проводить информационную работу среди молодежи о возможностях трудоустройства и профессионального развития в регионе.

2.4 Опыт подготовки кадров в высшей школе для сферы молодежной политики и массмедиа Херсонской области

Зубко Дарья Валерьевна,

канд. филол. наук, заведующая кафедрой журналистики и социальных коммуникаций Института филологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»

Аргылов Никита Антонович,

канд. полит. наук, доцент кафедры журналистики и социальных коммуникаций Института филологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»

Барежев Виктор Александрович,

канд. филос. наук, доцент кафедры журналистики и социальных коммуникаций Института филологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет».

Херсонский государственный педагогический университет (ХГПУ) является кузницей кадров педагогов начальной школы, учителей-предметников, педагогов специального образования, менеджеров сферы просвещения региона¹⁹⁹. Кроме того, ХГПУ – единственный на территории Херсонской области вуз, который готовит журналистов, специалистов в областях медиабразования и работы с молодежью.

Формирование в стенах ХГПУ профессионалов сферы массовых коммуникаций и работы с молодежью чрезвычайно значимо с точки зрения реализации целей национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ № 309 от 07.05.2024 г.: «Семья», «Кадры», «Молодежь и дети», «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Следует учесть, что молодое поколение исторических возвращенных регионов Российской Федерации объективно пребывает в состоянии глубокой когнитивной турбулентности – явления, обусловленного резкой сменой социокультурного контекста, идеологических ориентиров и информационного поля. Эта турбулентность вызвана не только формальной трансформацией политico-правового статуса территорий, но и длительным ментальным воздействием, которое осуществлялось на протяжении многих лет через новейшие средства коммуникации, образовательные практики западного образца и систематическое внедрение поведенческих установок и ценностей, характерных для неорусофобского мировоззренческого контура. Молодежь новых субъектов Российской Федерации находится в состоянии дезадаптации, когнитивного диссонанса, обусловленных длительным пребыванием под воздействием западных моделей коммуникации, информационного давления и идеологического влияния.

По мнению Н.К. Бинеевой, преодоление когнитивной турбулентности в молодежной среде требует специальных адаптационных механизмов, прежде всего в системе образования и социальной поддержки населения²⁰⁰.

Одним из важнейших вызовов, с которым сталкиваются учреждения высшего образования в новых регионах, является обеспечение психологической и когнитивной безопасности. Как справедливо отмечают К.А. Лотарев и С.В. Щербинин, современные формы ментальной войны представляют собой комплексную угрозу, направленную на

¹⁹⁹ См.: Официальный сайт Херсонского государственного педагогического университета. URL: <https://hgperf.ru/> (дата обращения: 31.07.2025)

²⁰⁰ См.: Бинеева, Н.К. Практики адаптации и социальное самочувствие населения новых субъектов РФ в условиях интеграции в российское общество / Н.К. Бинеева // Гуманитарий Юга России. 2024. № 6. С. 113–128.

разрушение морально-нравственных основ общества и на вытеснение культурного кода русского мира из общественного сознания²⁰¹.

В этом контексте формирование профессионалов сферы массовых коммуникаций и молодежной политики – задача, выходящая далеко за рамки подготовки кадров: она становится инструментом защиты социокультурной целостности региона. Именно в среде высшей школы закладываются основы патриотического мировоззрения, медиаграмотности, способности к критическому мышлению и информационной устойчивости – ключевых навыков для молодого поколения, находящегося в эпицентре когнитивного давления.

Подготовка профессионалов для кадрового обеспечения указанных сфер носит не только образовательный, но и глубоко стратегический характер. В условиях пребывания данных территорий под юрисдикцией Украины активно насыпалась прозападная идентичность, культивировались антироссийские настроения, а молодежь оказывалась в эпицентре информационно-психологической обработки, направленной на подрыв исторической памяти, отрицание культурной общности с Россией и подмену смыслов.

Особо разрушительное воздействие на молодежную аудиториюоказала институционализированная пропаганда бандеровщины и антирусской риторики, поддерживаемая на уровне государственных структур Украины. Идеологические клише, транслируемые через учебные программы, СМИ, социальные сети и культуру, формировали у подрастающего поколения извращенную картину исторического прошлого, подменяли понятия героизма и патриотизма, размывали основы традиционных ценностей. В результате молодое население оказалось уязвимым перед внешними когнитивными угрозами, что, в свою очередь, усугубило процессы социальной дезориентации и фрагментации идентичности.

Для жителей Херсонской области ситуация осложнилась рядом уникальных факторов. Массовая эвакуация с правого берега Днепра, потеря привычной социальной инфраструктуры, разрыв со средой обучения и трудовой деятельности, а также пребывание по настоящее время административного центра области под контролем Украины стали мощными деморализующими факторами. К этому добавились регулярные террористические акты со стороны ВСУ, которые дестабилизируют обстановку, вызывают у населения чувство тревоги, ощущение неуверенности в будущем и приводят к масштабным разрушениям инфраструктуры.

Реальные социальные проблемы региона приобретают комплексный характер. Наиболее остро ощущаются следующие деструктивные процессы: стремительный отток населения (в первую очередь молодежи), кадровый дефицит в ключевых отраслях социальной сферы, высокий уровень безработицы в ряде секторов экономики, проблемы с качеством мобильной и интернет-связи, нарушение логистических цепочек. Кроме того, наблюдаются значительные трудности в обеспечении доступности товаров первой необходимости, включая продукты питания и медикаменты, рост цен, дефицит жилья. В условиях частичной деструкции образовательной системы и инфраструктуры возникает прослойка детей и подростков, временно или постоянно выпадающих из системы школьного образования. Ограничения, вызванные военным положением, – такие как комендантский час, межрайонные контрольно-пропускные пункты, переселение из опасных районов, усиленные меры безопасности – значительно осложняют ведение повседневной жизни. Массовые культурные и социальные мероприятия либо отменены, либо минимизированы, что приводит к дефициту коммуникационных площадок и снижению вовлеченности молодежи в региональную повестку. В таких условиях особенно опасно влияние фейковой информации, которая в условиях цифрового пространства быстро

²⁰¹ См.: Лотарев, К.А. Ментальная война против России как попытка разложения морально-нравственных основ русского мира / К.А. Лотарев, С.В. Щербинин // Философия права. – 2024. – № 2(109). – С. 208–213.

распространяется среди незащищенной аудитории, усиливая ощущение нестабильности, страха и отчуждения. Как подчеркивает Д.В. Неренц, фейки представляют собой реальную угрозу медиабезопасности, формируя искаженную картину происходящего и провоцируя социальную тревожность²⁰².

Немаловажное значение имеют и действующие фоновые факторы, затрудняющие интеграцию населения возвращенных регионов в российское общество: еще не сложившееся в России единое социокультурное пространство; происходящая перезагрузка общественно одобряемых ориентиров; обострение международной ситуации и межгосударственных отношений, изошренная ментальная война против русского мира, информационный терроризм украинских ЦИПСО и др.²⁰³.

Обозначенные проблемы важно учитывать при анализе состояния и прогнозировании динамики интеграции вузов Херсонской области в национально-образовательное пространство РФ, при планировании деятельности по консолидации молодежи региона, ее адаптации к новым условиям, принятия ею общероссийской гражданской идентичности и базовых ценностей современного российского общества.

Отметим, что цифровизация расширяет наличие угроз когнитивной безопасности личности вследствие усложнения технологических средств продуцирования, массированного и быстрого тиражирования недостоверной информации, расширения инструментария кибержульничества. Медийное оружие выступает как ведущее средство информационной войны.

Деструктивное информационно-мировоззренческое воздействие представляет опасность в том отношении, что оно направлено на дестабилизацию внутриполитической и социокультурной ситуации в стране, подрыв государственного суверенитета и воспрепятствование интеграции граждан новых территорий в российское общество. С этой целью курируемые Западом враждебные России подрывные подразделения разжигают и активизируют протестные настроения в российском обществе, пытаются привлечь часть населения, особенно молодую (14–35 лет), к экстремистской деятельности²⁰⁴.

В таких условиях стратегическое значение приобретает политика выработки когнитивного иммунитета у граждан новых регионов, прежде всего молодежи, через формирование у них общероссийской гражданской идентичности, продвижение ценностей патриотизма, социального служения и гражданской активности. Обусловленная этим образовательная деятельность по обеспечению когнитивной безопасности граждан должна занять центральное место в работе специалистов коммуникационного профиля, включая журналистов, работников сферы молодежной политики и вузовских подразделений, готовящих указанных специалистов. Данный посыл и связанные с ним задачи легли в основу соответствующего комплекса учебных, методических, исследовательских и воспитательных мероприятий кафедры журналистики и социальных коммуникаций Херсонского государственного педагогического университета.

Напомним, что ХГПУ фактически находится в эвакуации и в условиях военного положения. Обучение студентов происходит в смешанном формате, преимущественно используются дистанционные цифровые формы преподавания. Цифровой дистанционный формат позволяет охватить весь регион, учесть проблематику районов «красной зоны»

²⁰² См.: Неренц, Д.В. Фейки как угроза медиабезопасности в России XXI в. / Д.В. Неренц // РСМ. 2023. № 3(120). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feyki-kak-ugroza-mediabezopasnosti-v-rossii-xxi-v> (дата обращения: 31.07.2025).

²⁰³ См.: Бинеева, Н.К. Практики адаптации и социальное самочувствие населения новых субъектов РФ в условиях интеграции в российское общество / Н.К. Бинеева // Гуманитарий Юга России. 2024. №6. С. 113–128; Лотарев, К.А. Ментальная война против России как попытка разложения морально-нравственных основ русского мира / К.А. Лотарев, С.В. Щербинин // Философия права. – 2024. – № 2(109). – С. 208–213.

²⁰⁴ См.: Галышина, Е.И. Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа: монография / Е.И. Галышина, В.Д. Никишин // Москва: Блок-Принт, 2023. – 424 с.

через прямую коммуникацию с обучающимися, разработать эффективные алгоритмы решения возникающих трудностей работающих по профессии студентов, проживающих на данных территориях, позволяет обучающимся без отрыва от работы осваивать учебный план.

Обозначим основные характеристики обучения и переподготовки в ХГПУ специалистов коммуникационного профиля с учетом описанной выше ситуации, Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), национальной специфики и принятых образовательных приоритетов.

1. Практико-ориентированное обучение, направленное на формирование профессиональных компетенций через выполнение реальных задач, что позволяет обучающимся, во-первых, закрепить теоретические знания; во-вторых, сформировать навыки, необходимые для профессиональной деятельности; в-третьих, развить критическое мышление; в-четвертых, регулярно знакомиться с региональной спецификой и актуальной повесткой.

Реализуемый кафедрой практико-ориентированный подход включает следующие формы и методы обучения: использование интерактивных форматов (**дискуссии, дебаты, ролевые игры, кейс-стади, мозговой штурм**), анализ ошибок, групповой разбор сюжетов и материалов региональных изданий). Особое значение придается организации круглых столов для обсуждения местной социальной проблематики, а также проведению **мастер-классов и воркшопов**, позволяющих студентам получить конкретные навыки под руководством профессионалов. В рамках данного подхода проводится аналитическая работа по выявлению значимых социальных проблем региона, осваивается практика эффективного краудфандинга и фандрайзинга, социального партнерства СМИ и НКО, реализации социальных медиапроектов федеральных и региональных изданий, разработки заявок молодежных социальных проектов и программ.

2. Специальная теоретическая подготовка уже практикующих журналистов и специалистов по работе с молодежью, не имеющих профильного образования, но работающих в массмедиа, госструктурах региона, молодежных НКО и находящихся в кадровом резерве для них. Современные условия интеграции новых регионов в правовое и социокультурное пространство Российской Федерации требуют переосмысления подходов к подготовке специалистов, особенно в сферах массовой информации, молодежной политики и государственного управления. В условиях, когда значительная часть кадрового состава в новых регионах, таких как Херсонская область, уже осуществляет профессиональную деятельность в СМИ, молодежных организациях или органах власти, но не обладает профильным образованием, становится актуальной задача их специальной теоретической подготовки и профессионального дооснащения.

Речь идет прежде всего о формировании у таких специалистов устойчивой общероссийской гражданской идентичности как ключевого фактора когнитивной безопасности. Так, когнитивная безопасность в новых регионах напрямую зависит от того, насколько глубоко жители, в том числе представители медиа и молодежной политики, усваивают и разделяют ценности, нормы и информационные установки российского общества²⁰⁵. Специальная подготовка позволяет сформировать у слушателей не только базовые профессиональные знания, но и необходимую идентичностную основу, обеспечивающую лояльность, профессиональную этику и критическое мышление в условиях информационного давления.

Кроме того, в условиях активного развития цифровых технологий и перехода к гибридным форматам коммуникации важным элементом подготовки становится обучение

²⁰⁵ См.: Зубко Д.В. Общероссийская гражданская идентичность как фактор обеспечения когнитивной безопасности жителей новых регионов Российской Федерации / Д.В. Зубко // Медиа в современном мире. 64-е Петербургские чтения : Сборник материалов 64-го Международного научного форума. Санкт-Петербург, 23-26 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапанор», 2025. С. 126-127.

специалистов основам цифровой медиабезопасности. Например, практическое обучение в данном направлении должно быть ориентировано на реальные угрозы – фейки, манипуляции, вбросы, когнитивные атаки, а также на развитие навыков оперативной верификации информации²⁰⁶. Это особенно важно для представителей массмедиа, чья профессиональная деятельность оказывает прямое влияние на формирование общественного мнения и общественной устойчивости в условиях постконфликтного восстановления региона.

В этом контексте значимую роль играет использование электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС). Именно электронные ресурсы позволяют обеспечить доступ к актуальной информации, научным материалам и образовательным программам, в том числе для сотрудников, совмещающих работу и обучение. Благодаря ЭИОС возможно индивидуализировать процесс обучения, учитывать уровень начальной подготовки слушателей, формировать гибкие траектории профессионального развития²⁰⁷.

Подход ХГПУ к обучению специалистов также демонстрирует эффективные примеры реализации дистанционного образования в подготовке медиаспециалистов, особенно в области социальной журналистики. Использование дистанционных образовательных технологий позволяет не только расширить географию подготовки, но и включить в процесс специалистов с уже имеющимся практическим опытом, что делает обучение более прикладным и адаптированным к региональной специфике²⁰⁸.

Таким образом, специальная теоретическая подготовка уже работающих специалистов в сфере СМИ, молодежной политики и государственного управления в новых регионах – это не просто академический курс, а стратегически важный инструмент обеспечения устойчивого развития. Она включает в себя:

- формирование общероссийской гражданской идентичности и когнитивной устойчивости;
- обучение методам медиагигиены и цифровой медиабезопасности;
- применение дистанционных и смешанных форматов обучения через ЭИОС;
- индивидуализацию образовательного процесса с учетом практического опыта слушателей;
- вовлечение обучающихся в реальные исследовательские и аналитические проекты, связанные с мониторингом и анализом информационной среды региона.

Реализация программ такой подготовки должна быть обеспечена на межведомственном уровне: с участием профильных кафедр университетов, региональных органов исполнительной власти, представителей федеральных СМИ и профильных общественных организаций. Также важно учитывать опыт регионов с похожим статусом, в частности Республики Крым, где подобные программы стали базой для создания устойчивой системы подготовки медиа- и управлеченческих кадров.

Итак, система дополнительного профессионального образования, ориентированная на уже практикующих специалистов в новых регионах, должна рассматриваться как

²⁰⁶ См.: Зубко Д.В. Обучение цифровой медиабезопасности будущих журналистов новых территорий (на примере ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет») / Д.В. Зубко // Журналистика будущего: Диалог в Метавселенной, Казань, 06-08 ноября 2024 года. – Казань: Логос-Пресс, 2024. С. 61-68.

²⁰⁷ См.: Зубко Д.В. Особенности использования электронной информационно-образовательной среды педагогическими вузами в новых регионах России / Д.В. Зубко // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : Материалы VII Международной научной конференции, посвященной развитию университетского образования в России. Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 376-381.

²⁰⁸ См.: Зубко, Д.В. Подготовка медиаспециалистов в сфере социальной журналистики средствами дистанционного обучения (на примере ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет») / Д.В. Зубко, Р.В. Морозов // Материалы III Международной научно-практической конференции «Социальная журналистика в условиях реалий XXI века». – Москва, 2024.

ключевой механизм повышения кадрового потенциала, информационной безопасности и интеграционной состоятельности субъектов Российской Федерации, недавно вошедших в ее состав.

В перспективе развитие таких программ будет способствовать не только выравниванию образовательных стандартов, но и формированию профессионального ядра нового типа – специалистов, обладающих как компетенциями в своих сферах, так и высоким уровнем гражданского самосознания, лояльности и способности к стратегическому мышлению в условиях быстро меняющейся информационной повестки.

3. Исследовательская работа. Научные исследования, проводимые преподавателями и студентами кафедры, носят прикладной характер и отвечают актуальным запросам национальной безопасности России. Особое внимание уделяется учету региональной специфики, социально-политического контекста и информационно-психологических угроз, с которыми сталкивается население новых регионов, включая Херсонскую область.

Среди направлений исследований кафедры: медиакультура и медиапотребление: эволюция, содержание, тренды; подготовка медиаспециалистов в условиях экстремальных ситуаций и геополитических трансформаций; информационная и медиабезопасность в цифровую эпоху; презентация общероссийской гражданской идентичности через новые коммуникативные технологии в исторических возвращенных регионах РФ; интеграция молодежи новых регионов в социальное пространство РФ; ценностные приоритеты и социальные стратегии российской молодежи; социальные процессы в сфере молодежной политики исторических возвращенных территорий РФ; идеология патриотизма в России: генезис, эволюция, дискуссии; современная военная журналистика: творчество, жанры, тренды.

Сотрудники кафедры регулярно участвуют в специализированных научных мероприятиях по обсуждаемым вопросам и публикуют результаты своих исследований в изданиях, входящих в список ВАК, индексируемых в наукометрических базах «Сеть науки», РИНЦ²⁰⁹.

На базе студенческой научной лаборатории кафедры – «СНОЛаб» студентами кафедры под руководством преподавателей ведется мониторинг общественного мнения, анализ медиапрактик, образовательной среды и информационных потоков. Этот процесс находит свое отражение в научных публикациях студентов, а также в тематике выпускных квалификационных работ (ВКР). Примерами последних являются защищенные в 2024-2025 гг. работы: «Патриотические воспитание и возвращение "русскости" жителей бывшей Украины (на примере аналитической программы телеканала "Таврия")»; «Формирование имиджа руководителя местного самоуправления: психологические и медийные аспекты (на примере Каховского муниципального округа Херсонской области Российской Федерации)», «Проблема профилактики экстремизма и терроризма в СМИ (на примере приграничных с Украиной территорий)».

Реализация исследовательских проектов осуществляется не только на базе вуза, но и в партнерстве с ведущими образовательными и медиаорганизациями страны. Кафедра ежегодно принимает участие в научных форумах и конференциях, организует секции и круглые столы по актуальным темам.

Например, 25 января 2025 г. в рамках научно-исследовательской работы кафедры был проведен научно-практический семинар в Санкт-Петербурге с участием студентов на тему: «Медиаобразование, медиабезопасность и медиапрактики молодежи в XXI веке».

Одним из значимых мероприятий стало участие в IV Международной научно-практической конференции «Новые тренды журналистики и массовых коммуникаций» на

²⁰⁹ В списке литературы в качестве примера приводятся ссылки на соответствующие публикации сотрудников кафедры Н.А. Аргылова, В.А. Барежева, Д.В. Зубко, Ю.В. Клюева, В.С. Балаша.

базе РГГУ (г. Москва), где заведующая кафедрой журналистики и социальных коммуникаций ХГПУ возглавила секцию «Тренды и практики медиабезопасности в условиях глобальной нестабильности»; кафедрой инициирована, организована и проведена секция «Медиатекст в коммуникационных практиках цифрового общества» в рамках Международной научно-практической конференции «Современная филология и методика преподавания языков и литературы: вопросы теории и практики ФГБОУ ВО "Херсонский государственный педагогический университет"» (г. Ялта).

Особую актуальность в деятельности кафедры приобрел опыт, обобщенный в исследовании А.А. Малькевича и доцента кафедры журналистики и социальных коммуникаций ХГПУ В.А. Барежева «Настоящая российская журналистика для новых регионов» (2023 г.), где подчеркивается значимость развития национально ориентированной медиасреды, особенно на территориях, прошедших этапы информационной оккупации и идеологической дезориентации. В условиях продолжающейся когнитивной войны и внешнего давления формирование собственной, подлинно российской системы журналистики, основанной на правде, ценностях патриотизма и служении обществу, становится не только задачей профессионального сообщества, но и объектом научного исследования.

В рамках кафедральной исследовательской стратегии особое внимание уделяется вопросам:

- формирования у будущих журналистов установки на работу в интересах общества, а не ради «рейтингов»;
- борьбы с фейками, дезинформацией и манипулятивными технологиями в медиапространстве;
- освоения языков и смыслов, близких аудитории новых регионов, с учетом их исторического, культурного и ментального кода;
- развития социальных практик журналистики как средства диалога между властью и обществом.

Необходимо осознанно формировать новую волну журналистов, не только технически подкованных, но и морально подготовленных к работе в условиях высокой турбулентности. С этим связана и новая образовательная парадигма, формирующаяся на кафедре, – ориентация на сочетание научного подхода и идеологической устойчивости. Исследования показывают, что такая модель образования наиболее адаптирована к вызовам эпохи информационного давления и гибридных угроз.

Важно отметить, что преподаватели кафедры используют в исследовательской работе современные методики: медиаанализ, экспертное интервьюирование, фокус-группы, методы кейс-стади, цифровой контент-анализ. Это позволяет не только фиксировать изменения в медиапространстве, но и проектировать новые образовательные и практические форматы, соответствующие целям информационного суверенитета России.

Таким образом, исследовательская работа кафедры выходит за рамки традиционного академического анализа и становится одним из инструментов поддержки стабильности, социальной интеграции и культурной консолидации в новых регионах Российской Федерации. Использование современных данных, включение практик, партнерство с журналистским сообществом, а также опора на разработку научных трудов позволяют профильной кафедре быть не просто наблюдателем, но активным участником процессов формирования медиапространства будущего.

4. Воспитательная работа кафедры ведется на нескольких уровнях – общевузовском и собственно кафедральном, которые связаны между собой общими субъектами воспитательного процесса, общими мероприятиями и единой концепцией.

Характеризуя общевузовскую социально-воспитательную работу и различные внеучебные активности в интервью «Херсонскому агентству новостей» ректор ХГПУ Н.И. Шашкова особое внимание уделила вопросам патриотического

воспитания, формирования гражданской позиции, уважения к истории и культуре России, духовно-нравственного развития обучаемых²¹⁰. Педагогический состав и администрация университета стараются прививать студентам традиционные ценности, моральные принципы, помочь им разобраться в сложных вопросах современности. Сказанное наглядно подтверждается многими конкретными примерами: масштабный поход-реконструкция студентов и преподавателей ХГПУ «Дорогами Освободителей 2025»; участие в археологических экспедициях, например, в Мангупской археологической экспедиции в Крыму; участие студентов университетского Патриотического клуба в создании школьного музея Великой Отечественной войны и СВО во Владимирской школе Скадовского округа; проведение 12.06.2025 г. праздничного концерта ко Дню России на территории античного Херсонеса Таврического в Севастополе. Студенты ХГПУ второй год подряд представляли Херсонскую область на Дальневосточной смене «Вахта памяти. Ржев – Дальний Восток». Это уникальный опыт поисковой работы, сохранения памяти о героях Великой Отечественной войны. В этом году Военно-патриотический лагерь им. Ф.М. Охлопкова собрал более 100 студентов из 12 вузов и колледжей Дальнего Востока и новых регионов России, где студенты ХГПУ внесли свой вклад в поисковые работы. Еще одним подобным примером, также демонстрирующим интеграцию высшего образования новых регионов РФ в структуру российского общества, является участие более 500 студентов Херсонского педуниверситета в федеральном пилотном проекте «Обучение служением».

Среди практикуемых форм воспитательной работы на кафедральном уровне отметим следующие: студенческие профессиональные митапы (например, «Я работаю с молодежью») для обсуждения социальной проблематики в регионе (при участии студентов направлений «Журналистика» и «Организация работы с молодежью»); мероприятия в рамках проекта «Разговоры о важном», направленном на развитие ценностного отношения обучаемых к своей родине; обсуждение актуальных общественно-политических проблем страны во время проведения кураторских часов; организуемые кафедрой встречи цикла «Коммуникации на максимум» под кураторством Центра карьеры ХГПУ, направленные на выработку «мягких навыков» – коммуникативной грамотности, эмоционального интеллекта; выездные занятия и производственно-ознакомительные мероприятия в учреждениях системы массовой коммуникации (СМИ, информационные агентства, музеи).

Так, например, в марте 2025 г. было организовано выездное занятие для группы студентов кафедры журналистики и социальных коммуникаций в редакцию газеты «Петербургский Дневник» – издание Правительства Санкт-Петербурга. Первый заместитель главного редактора газеты Максим Сю провел для посетителей мастер-класс.

В этом же контексте отметим конструктивное взаимодействие в области учебной и научной работы между кафедрой и ФГБУ «Центральный музей железнодорожного транспорта РФ», а также его филиалом – Музеем мостов. На этих площадках в очном и дистанционном форматах проходили семинары, круглые столы и неформальные встречи студентов и преподавателей, где обсуждался широкий круг актуальных проблем журналистики и массмедиа, общественно-политической и социокультурной жизни в различных субъектах РФ, в том числе в ее новых регионах. На базе указанных музеев под руководством сотрудников, работающих со средствами массовой информации и общественностью, студенты кафедры успешно проходят различные виды практик, в том числе производственную и преддипломную. Общее кураторство данной работы со стороны Центрального музея железнодорожного транспорта РФ осуществляют заместитель директора музея по научной и просветительской работе Е.Н. Асташова.

Так, формирование устойчивых ценностно-смысловых ориентиров становится ключевым механизмом адаптации молодежи исторических регионов к новым реалиям и

²¹⁰ См.: Шашкова Н. Наши выпускники востребованы. [Электронный ресурс]. Доступно на URL: <https://xonews.ru/comments/rektor-hgpu-nashi-vypuskniki-vostrebovany/>.

культурной интеграции в российское пространство. В этой связи воспитательная работа кафедры журналистики и социальных коммуникаций ХГПУ не ограничивается только профессиональной подготовкой, но и охватывает глубокие ценностно-правственные аспекты формирования личности обучающихся²¹¹.

Одной из ключевых задач университета и кафедры в контексте реализации интеграции населения области в ценностной-культурное пространство России и студентов в профессиональную отрасль страны является создание студенческого сообщества – универсантов, обладающих высоким уровнем гражданской идентичности, профессиональной мотивации и социальной ответственности. Эта задача приобретает особую актуальность в условиях продолжающейся трансформации образовательной, информационной и культурной среды региона, где образование становится не только средством получения профессии, но и механизмом консолидации нового гражданского сознания.

Особое значение в этом процессе приобретает реализация образовательных программ в смешанном формате обучения. Несмотря на наличие отдельных недостатков, таких как снижение уровня очной коммуникации, отсутствие привычной среды группового взаимодействия и ограниченное влияние внеаудиторной среды, данный формат открыл целый ряд возможностей, особенно в условиях территориальной мобильности студентов. Он позволил обеспечивать непрерывность образовательного процесса вне зависимости от физического нахождения обучающегося, что чрезвычайно важно для студентов, покинувших регион по причинам эвакуации, служебной занятости или по иным объективным обстоятельствам.

Такая форма обучения стала привлекательной для абитуриентов – как уроженцев южных регионов России (непосредственно Херсонской области, Крыма, Краснодарского края, Ставропольского края, Курской, Белгородской, Брянской областей), так и территорий, значительно удаленных от Херсонской области, включая Москву, Санкт-Петербург, Урал, Сибирь, Поволжье, Карелию и Дальний Восток. Особый интерес к данному формату проявили также военнослужащие, находящиеся в зоне СВО, которым он позволил продолжить обучение, не прерывая службу. Это создает уникальный прецедент сочетания профессиональной службы и получения высшего образования, что укрепляет социальную устойчивость и профессиональную компетентность будущих кадров в самых разных отраслях.

Таким образом, смешанный формат стал не только вынужденной мерой, но и стратегическим инструментом расширения влияния университета за пределы региона, превращая его в связующее звено между Херсонской областью и всей Российской Федерацией. Он способствует формированию единого образовательного пространства, в котором происходит продуктивное профессиональное и личное взаимодействие представителей разных регионов страны. Это взаимодействие позволяет студентам из Херсонской области перенимать профессиональные практики, реализованные в других субъектах РФ, а студентам из других регионов – понять специфику юга, культуру, менталитет и реальные вызовы, стоящие перед обществом области. Такое взаимопроникновение взглядов помогает формировать более устойчивые и терпимые социальные связи, минимизировать риски предвзятости и усилить эмпатию между различными группами обучающихся.

В стратегической перспективе подобная интеграционная модель обучения способствует ускоренному вхождению Херсонской области в нормативно-правовое, образовательное и социокультурное пространство Российской Федерации. Это не только

²¹¹ См.: Литвякова, Н.В. Ценностно-смысловые основы системы подготовки будущих педагогов исторических регионов Российской Федерации (на примере Азовского государственного педагогического университета) / Н.В. Литвякова, Е.А. Торовец // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 1. С. 1-9.

важный фактор образовательной политики, но и элемент обеспечения социальной стабильности и единства многонационального российского общества. Особенно ярко данная специфика проявляется в рамках подготовки будущих журналистов и специалистов в области молодежной политики. В образовательный процесс включаются задания, ориентированные на межрегиональное сопоставление – студенты анализируют молодежную политику и работу СМИ как в Херсонской области, так и в регионах своего пребывания, исследуют подходы к формированию гражданской идентичности, участвуют в разработке практических рекомендаций по адаптации успешных моделей (в частности, опыт Республики Крым, которая также прошла путь встраивания в российское правовое и культурное поле).

На сегодняшний день можно говорить о формировании единого молодежного онлайн-сообщества студентов ХГПУ – будущих профессионалов, представляющих самые разные регионы России. Это сообщество функционирует в формате постоянной коммуникации, коллективной экспертизы и взаимной поддержки, являясь живым механизмом консолидации профессионального и патриотического сознания, что делает его важным ресурсом в деле устойчивой интеграции Херсонской области в российское образовательное и социокультурное пространство.

4. Партерство с органами государственной власти, общественными и некоммерческими организациями, средствами массовой информации местного, регионального и федерального уровней.

Как подчеркивают аналитики, институциональное партнерство между образовательными учреждениями и структурами государственной власти является фундаментом успешной интеграции региона в правовое и культурное пространство РФ²¹².

В рамках заключенных ХГПУ договоров о сотрудничестве с конкретными организациями кафедра журналистики и социальных коммуникаций организует на их базе все виды учебных практик, стажировки, реализует партнерские проекты (конференции, круглые столы, встречи со студентами и т.п.), спонсорские акции и др. В частности, кафедра сотрудничает с региональными отделениями Союза журналистов России в новых регионах, с ключевыми СМИ Херсонской области, рядом региональных отделений федеральных СМИ (АО «Первый канал», АО ИД «Комсомольская правда»), муниципальными изданиями Херсонщины. Продолжится работа по разработке проектных практик с участием партнеров университета – профильных министерств, СМИ и молодежных движений.

Осуществляется партнерство с Министерством молодежной политики Херсонской области, организациями «Движение первых», «Молодая гвардия Единой России», «Всероссийским студенческим корпусом спасателей», иными молодежными организациями и объединениями, общеобразовательными школами.

Помимо этого, кафедра включена университетом в процесс адаптации и профессионализации детей и подростков Херсонского региона. В 2025 г. преподаватели и студенты кафедры реализовали социальный открытый медиаобразовательный проект «МедиаКласс ХГПУ» для школьников Херсонской области (проведено 6 встреч с ведущими журналистами изданий и представителями госструктур: «Первый канал», «Комсомольская правда», АНО «Диалог – Регионы», Комитета по природопользованию охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности Правительства Санкт-Петербурга). В контексте данного проекта происходило обучение школьников региона азам медиаграмотности и медиабезопасности, фактчекинга, основам профессии репортера, ведущего, PR-специалиста, живое общение с известными журналистами, в частности

²¹² См.: Загорная Т.О. Институциональное обеспечение развития Донбасса: ретроспективный анализ в контексте вхождения в состав Российской Федерации / Т.О. Загорная, Н.В. Долбня, Ю.И. Трецевский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – № 4. – С. 46–59.

Виталием Кадченко («Первый канал»), Эдвардом Чесноковым (Радио «Комсомольская правда»), Антоном Ратниковым («Комсомольская правда – Санкт-Петербург»).

5. Учебно-методическое обеспечение учебного процесса. В рамках данного направления работы кафедры ведется разработка и уточнение учебных планов, подготовка рабочих программ дисциплин, соответствующих требованиям рынка, профессиональных стандартов и актуальных ФГОС. В рабочие программы и учебный процесс включены задания по изучению медиапространства региона, социальных проблем молодежи области, выявлению угроз и возможностей развития медиапространства и молодежной политики области.

В рамках учебного плана программы подготовки магистров «Медиаобразование в сфере межнациональных отношений» разработан и внедрен лекционно-практический курс «Медиабезопасность», в контексте которого студенты в приближенных к реальности условиях ограниченного времени выполняют практические задания по поиску релевантной информации, разоблачению фейков, аналитическому анализу технологий создания фейковых сообщений на конкретных примерах.

В 2025-2026 учебном году планируется включение дисциплины «Медиабезопасность» в новые учебные планы специальности «Организация работы с молодежью». В качестве перспективы обсуждается интеграция подобной дисциплины в учебные планы подготовки педагогических кадров в ХГПУ.

Актуальность данного нововведения как никогда высока. Отметим, что медийная компетентность определена как одна из значимых задач современного образования. Образовательные курсы по медиабезопасности проводятся в обязательном порядке в школах в контексте тематических классных часов, дисциплины «Основы безопасности жизнедеятельности», внеурочных курсов «Разговоры о важном». В вузах же подобные образовательные мероприятия носят локальный, точечный характер, квалифицированное противодействие медийным угрозам не включено в перечень ключевых (универсальных) компетенций обучающихся. При этом отметим, что наиболее значимо обучение медийной безопасности не только студентов коммуникационных направлений, будущих журналистов, т.е. тех, кто имеет прямой доступ к инструментам производства и площадкам распространения медиаконтента («медиаоружию») – медиаресурсам, но и будущим педагогам. Навыки компетентного обращения с информацией таким специалистам необходимо вырабатывать как можно раньше во избежание неосознаваемого использования «медиаоружия» во вред. Между тем, специальные курсы по обучению медиабезопасности представлены в вузах минимально, часто выработка навыков раннего распознавания и противостояния медийным угрозам осуществляется в контексте отдельных тем дисциплин правового спектра или изучается исключительно с ознакомительными целями.

В планах кафедры проведение межкафедральных образовательных семинаров по обеспечению медийной безопасности, «круглых столов», взаимодействие с образовательными учреждениями Херсонской области в контексте проведения научно-популярных мероприятий о противодействии актуальным для региона медийным угрозам.

Помимо содержательной когнитивной составляющей, отвечающей интересам государства и российского общества, интеграция высших учебных заведений в нормативно-правовое и социально-экономическое пространство РФ невозможна без обеспечения отвечающей требованиям современности эффективной учебно-методической части электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС). Ключевыми составляющими такой среды и ее качества является дидактическая часть, электронная библиотека, субъекты образовательного процесса и педагогического программно-технического обеспечения.

Подход государства обусловлен национальными интересами. ФЗ № 275 «Об образовании в Российской Федерации» определяет показатель качества образования, а значит и его полную интеграцию в национальное поле РФ, через соответствие его уровня

актуальным федеральным государственным требованиям. Качественное образование в условиях современных вызовов должно удовлетворять следующим основным критериям: соответствие национальным интересам; соответствие федеральным государственным образовательным стандартам; соответствие профессиональным стандартам (при их наличии) и актуальным запросам трудовой отрасли; соответствие образования критериям вхождения в национальные и международные рейтинги вузов.

Долгосрочная востребованность выпускников вузов новых территорий предполагает принимать во внимание существующие процессы масштабной цифровизации общественной жизни, а именно внедрения цифровых технологий в практику повседневности и профессиональных реалий. Под цифровыми технологиями подразумевается универсальная быстродействующая система, реализующаяся с использованием цифрового оборудования, программного обеспечения и сети интернет, основанная на методах кодировки и передачи информации, что позволяет совершать множество разноплановых задач в кратчайшие промежутки времени.

В контексте исследования интеграционных процессов в образовательных практиках Херсонщины нельзя не упомянуть о вступлении в силу 28 июля 2025 г. закона «О молодежной политике». Документ опубликован на официальном портале Херсонской области²¹³. Он направлен на создание всесторонних условий для поддержки и самореализации молодежи, определяет цели, принципы, основные направления и формы реализации молодежной политики в Херсонской области. К числу основных задач молодежной политики, имеющих первоочередное значение для образовательных учреждений, закон относит следующие:

- 1) участие в формировании у молодых граждан мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- 2) создание условий и реализация мероприятий, направленных на обеспечение здорового образа жизни молодежи, ее духовно-нравственного, патриотического воспитания;
- 3) воспитание граждан в духе уважения к законности, нормам общественной жизни, создание условий для обеспечения реализации конституционных прав и обязанностей человека и гражданина;
- 4) формирование и утверждение в сознании молодежи патриотических взглядов и чувства верности Родине, гордости за свою страну, уважения к боевому прошлому Херсонской области, к ее святыням, традициям служения Отечеству, уважения к истории и культуре Херсонской области, традициям народа, казачества;
- 5) экологическое воспитание;
- 6) сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины);
- 7) формирование расовой, национальной, религиозной терпимости, осознанного и уважительного отношения к вере и религиозным убеждениям, развитие дружеских отношений между проживающими на территории Херсонской области представителями различных национальностей.

Важно отметить, что к числу участников реализации молодежной политики в Херсонской области принятый Закон относит кроме государственных и муниципальных органов, учреждений и общественных организаций также организации, осуществляющие образовательную деятельность, то есть, школы, колледжи и высшие учебные заведения.

В этой связи в значительной степени актуализируются обсуждаемые нами задачи вузов в области подготовки кадров для сферы молодежной политики и массмедиа

²¹³ См.: Закон Херсонской области от 28.07.2025 № 20-ЗХО «О молодежной политике в Херсонской области». URL: <https://khgov.ru/documents/zakon-hersonskoj-oblasti-ot-28-07-2025-%E2%84%96-20-zho-omolodezhnoj-politike-v-hersonskoj-oblasti/> (дата обращения: 31.07.2025).

Херсонской области. И здесь кафедра открыта для конструктивного сотрудничества, взаимодействия, творческого освоения всего лучшего, что накоплено научно-педагогическим составом флагманских российских вузов.

Таким образом, Херсонский государственный педагогический университет сегодня является не только вузом, готовящим специалистов для образовательной и гуманитарной сфер региона, но и важнейшим социокультурным институтом, выполняющим роль посредника в процессе восстановления гражданской идентичности и адаптации населения к новым условиям.

Заключение

Сегодня комплексное знание об интеграции университетов новых регионов РФ в структуру российского общества находится в стадии начала своей институализации. Авторы коллективной монографии предприняли попытку осмыслить вызовы современности, обобщили опыт социально-гуманитарных вузов Крыма, Новороссии. Надеемся, наша исследовательская позиция определила векторы целостного восприятия специфики интеграции университетов новых регионов в систему образования России и будет способствовать профессиональной и ролевой идентификации профессорско-преподавательского состава и универсантов с учётом национальной культуры и востребованности рынка труда в новых геополитических условиях.

В исследованиях современной образовательной среды наблюдается соприкосновение традиционных и новейших теоретических концепций, выраженное на уровне дисциплинарных номинаций: истории, медиааксиологии, педагогики, психологии, политологии, социологии, теории журналистики и массовых коммуникаций. В данном научном поле интеграция высшей школы новых регионов РФ включена в социокультурную динамику общества, трансформируя ценности, историческую память, идентичность и коммуникационный арсенал социального института образования. Становится очевидным, что социальная интеграция общества осуществляется через поиск своей идентичности и включенности в культурные общности. Университетское образование формирует не только профессиональные компетенции, но и аксиологические парадигмы социума. Современное аксиологическое прочтение общества, особенно, его прикладных практик, расширяют контекст исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Авторы коллективной монографии отдают себе отчёт, что представленные теоретические доминанты и эмпирический материал исследования не отражают всю глубину новизны вновь возникающих феноменов социокультурной динамики интеграции в системе высшей школы и приглашают к сотрудничеству всех заинтересованных учёных разных областей научного знания.

Подписано в печать 25.09.2025. Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,56. Тираж 300. Заказ 235.

Выпущено ООО «Медиапапир»
с готового оригинал-макета, предоставленного заказчиком.
194021, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 28, литера А,
помещ. 3-н, ком. 184, 185, 188, 192, 193, 194. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru